

Г. Ш. КАЙМАРАЗОВ

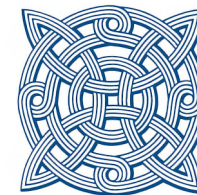
ПРОСВЕЩЕНИЕ
В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ
ДАГЕСТАНЕ

Г. Ш. КАЙМАРАЗОВ

ПРОСВЕЩЕНИЕ
В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ
ДАГЕСТАНЕ

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Рецензенты: *М. Р. Гасанов*, профессор кафедры истории СССР ДГПИ, доктор исторических наук;
Н. И. Меляков, старший научный сотрудник Института национальных школ Министерства просвещения РСФСР, кандидат педагогических наук.

В книге освещается история просвещения в дореволюционном Дагестане, преимущественно со времени присоединения его к России. Показан процесс становления в крае светского образования, роль русских школ, русского языка и прогрессивной русской интеллигенции в приобщении горцев к передовой культуре. Характеризуется деятельность передовых представителей дагестанского просвещения, их вклад в развитие школьного образования, культуры местного населения. Рассказывается о месте и роли конфессиональных школ в системе просвещения на различных этапах истории дореволюционного Дагестана.

Книга рассчитана на историков, учителей, а также широкий круг читателей, интересующихся историей отечественной культуры.

Каймаразов Г. Ш.

К 15 Просвещение в дореволюционном Дагестане.— Махачкала: Дагучпедгиз, 1989.— 160 с.

ББК 74.03(2)

ВВЕДЕНИЕ

Народное просвещение — тема обширная. В широком смысле оно затрагивает практически все сферы духовной культуры: школьное образование, обучение грамоте взрослого населения, формирование кадров интеллигенции, деятельность разнообразных культурно-просветительных учреждений и внешкольное образование, приобщение населения к современным научно-техническим достижениям, высотам искусства и т. д.

Изучение истории народного просвещения и школы позволяет проследить процесс духовного прогресса общества, его поступательного движения к высотам современной культуры. Состояние просвещения — важнейший показатель уровня духовного развития общества, его культуры. Поэтому исследование вопросов истории просвещения и школы на всех этапах развития человеческого общества имеет большое научно-познавательное и практическое значение. Оно позволяет определить закономерности роста, смены форм, методов и содержания образования, проследить его преемственность.

В предлагаемой вниманию читателя книге делается попытка показать процесс развития просвещения и школы в Дагестане в XIX — начале XX вв., т. е. от времени присоединения его к России до Великой Октябрьской социалистической революции. Это один из важных периодов в истории народов Дагестана вообще, в истории дагестанского просвещения в частности. С включением Дагестана в состав России начинается новая веха в истории просвещения горских народов, характеризующаяся появлением в крае светских учебных заведений. Благодаря им молодежь местной эксплуататорской верхушки получила возможность обучаться основам современных знаний, обрести первоначальные навыки, необходимые для подготовки в последующем к службе в местном военно-административном аппарате царизма, к обслуживанию интересов своего класса.

Таким образом, с присоединением Дагестана к России связаны вызванные новыми условиями экономического и политического развития края коренные изменения в системе и характере просвещения горцев, воспитания их подрастающих поколений.

В дореволюционной историографии проблема просвещения народов Дагестана не получила сколько-нибудь серьезного освещения.

Исследования дворянских и буржуазных историков, военных писателей, интересовавшихся Дагестаном, посвящались преимущественно описанию политических событий, природы и географического положения, оценке стратегического значения края. Наибольшую фактологическую ценность для изучения интересующей нас темы имеют работы П. Услара¹, Л. Загурского², Е. Козубского³, С. Фарфоровского⁴, а также дагестанских авторов А. Омарова⁵, Г.-Э. Алкадари⁶, Д. Бутаева⁷, посвященные вопросам дагестанского языкознания, истории, этнографии, содержащие ценный фактический материал для характеристики состояния народного образования, данные о русских школах и оценки роли примечательных и других религиозных школ в духовной жизни населения Дагестана.

В частности, богатый фактический материал содержит исторический очерк Е. И. Козубского «К истории народного образования в Дагестанской области в первое пятидесятилетие», который охватывает период с 30-х по 90-е годы XIX в. В нем история народного просвещения в крае освещается с присущей буржуазно-дворянской историографии позиции восхваления, «цивилизаторской» миссии царизма в Дагестане, обеления и защиты его национальной политики. Причины медленных темпов развития народного образования в Дагестане автор видел не в колониальной политике царского самодержавия, а в ... нежелании горцев учиться!

Среди дореволюционных авторов было немало и таких, которые в своем стремлении оправдать политику царизма, воспеть его «цивилизаторскую» роль изображали горцев «хищниками», «разбой-

¹ Услар П. К. Кое-что о словесных произведениях горцев//Сборник сведений о кавказских горцах (ССКГ). Вып. I. Тифлис, 1868; *Он же*. О распространении грамотности между горцами//ССКГ. Вып. III. Тифлис, 1870; *Он же*. Предположение об устройстве горских школ//Этнография Кавказа. Т. I. Тифлис, 1887; *Он же*. О составлении азбук кавказских языков. Там же; *Он же*. Об исследовании кавказских языков. Там же. Т. II. Тифлис, 1888.

² Загурский Л. П. Кавказские горские письма//ССКГ. Вып. V. Тифлис, 1871; *Он же*. Петр Карлович Услар и его деятельность на Кавказе//ССКГ. Вып. X. Тифлис, 1881.

³ Козубский Е. И. Историческая записка о первом десятилетии Темир-Хан-Шурина реального училища 1880—1889. Порт-Петровск, 1890; *Он же*. Отчет о втором десятилетии Темир-Хан-Шурина реального училища 1890—1899. Темир-Хан-Шура, 1901; *Он же*. К истории народного образования в Дагестанской области в первое пятидесятилетие//Дагестанский сборник. Вып. I. Темир-Хан-Шура, 1902.

⁴ Фарфоровский С. Дагестанская мусульманская школа//Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). 1915. Ноябрь.

⁵ Омаров А. Воспоминания муталима//ССКГ. Вып. I. Тифлис, 1868; *Он же*. Как живут лакцы//ССКГ. Вып. II. Тифлис, 1869.

⁶ Алкадари Г.-Э. Асарн-Дагестан. Махачкала, 1929.

⁷ Туземец. Грамотность в горах Дагестана//Этнографическое обозрение. 1900. № 1.

никами», «полудикими племенами», «грабителями». Подобными характеристиками пестрят, в частности, труды кавказоведов великодержавно-монархического направления Р. Фадеева⁸, В. Потто⁹, Е. Маркова¹⁰ и др. Представитель русской дворянской военной историографии Р. Фадеев, например, видел в кавказских горах «хищников», сохранивших в своих бездонных ущельях первобытный образ... как сохраняются остатки старины в могилах»¹¹. Он утверждал, что в течение тысячелетий горы ничего не заимствовали у своих соседей, «кроме усовершенствований в оружии».

Несостоятельность подобной оценки дагестанских горцев была настолько очевидна, что ее легко опровергли факты, содержащиеся в трудах многих авторов из этого же дворянского лагеря. Так, исследователь истории художественных промыслов Северного Кавказа О. В. Маргграф, отмечая, что они получили «высшее и наибольшее развитие» в Дагестане, указывал далее на «самобытность способностей» населяющих край народностей и весьма высокий уровень их умственного развития¹². О живом уме дагестанцев, богатстве их фольклора, а также «богатстве грамматических форм» горских языков, позволяющих «выражать самые тонкие оттенки мысли», писал известный исследователь Кавказа П. К. Услар¹³.

Другой исследователь Кавказа П. Надеждин в книге «Кавказский край. Природа и люди» отмечал: «Дагестанские горы отличаются выдающимися способностями и выказывают вообще большую охоту к учению, в котором, благодаря свойственным их характеру энергии и настойчивости, достигают в короткое время блестящих успехов»¹⁴.

Высокие отзывы о горах, их устном творчестве содержатся в произведениях великих представителей русской культуры Л. Н. Толстого, М. Ю. Лермонтова, В. Г. Белинского, выдающегося хирурга Н. И. Пирогова и др. Л. Н. Толстой восхищался горским устно-поэтическим творчеством¹⁵. Восторгался горскими народными песнями писатель-декабрист А. А. Бестужев-Марлинский. Некоторые из них он включил в свою повесть «Аммалат-бек».

⁸ Фадеев Р. А. Сочинения. Т. I. Спб., 1890.

⁹ Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях: В 5 т. Спб.; Тифлис, 1885—1891.

¹⁰ Марков Е. Л. Очерки Кавказа: Картины Кавказской жизни, природы и истории. Спб., 1887.

¹¹ Фадеев Р. А. Сочинения. Т. I. С. 13.

¹² См.: Маргграф О. В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882. С. XV—XVI.

¹³ Услар П. К. Кое-что о словесных произведениях горцев//ССКГ. Вып. I. С. 32—34; *Он же*. О распространении грамотности между горцами//Этнография Кавказа. Т. I. С. 28.

¹⁴ Надеждин П. П. Кавказский край: Природа и люди. 2-е изд. Тула, 1895. с. 77.

¹⁵ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Т. 62. М., 1953. С. 209.

Глубокое изучение исторического прошлого народов Дагестана, их культурного наследия стало возможным только после победы Великой Октябрьской социалистической революции. При этом важнейшее значение придавалось использованию результатов научных исследований для решения практических задач культурного строительства и развития народного образования. Уже в 20—30-х годах появляется ряд работ, посвященных изучению материальной культуры, языков народностей Дагестана. Среди них следует особо выделить исследования известных языковедов профессоров Н. Ф. Яковлева и Л. И. Жиркова, проведенные в тесной связи с практической деятельностью по созданию и развитию национальной письменности, составлению учебников, хрестоматий и учебных пособий на родных языках.

Ценные сведения о дагестанских письменных традициях, дагестанской литературе на арабском языке, конфессиональных школах содержатся в трудах выдающихся советских востоковедов В. В. Бартольда¹⁶, И. Ю. Крачковского¹⁷, А. Н. Генко¹⁸.

Изучение истории народного образования в Дагестане широким фронтом развертывается в послевоенные годы. Наряду с «Очерками истории Дагестана» в двух томах¹⁹, четырехтомной «Историей Дагестана»²⁰ в 50—70-х годах был издан ряд книг и брошюр, посвященных важному вопросу истории народного просвещения в Дагестане в советский период. Среди них прежде всего следует назвать работы Ш. Д. Хасбулатова, А. А. Абилова, С. М. Омарова, С. Ф. Губарева, А. Р. Исмаилова²¹, в которых на широкой источниковой базе рассматриваются различные аспекты истории школы и просвещения, создания и развития в Дагестане советской социалистической системы школьного образования. Этой теме посвящен также коллективный труд «Школьное образование в Дагестане», вышедший в Дагестанском учебно-педагогическом издательстве в 1968 г.

Значительный интерес представляют выпущенные тем же из-

¹⁶ Бартольд В. В. Сочинения. Т. II. Ч. I. М., 1963.

¹⁷ Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. Т. VI. М.—Л., 1960.

¹⁸ Генко А. Н. Арабский язык и кавказоведение//Труды второй сессии Ассоциации арабистов. М.—Л., 1941.

¹⁹ Очерки истории Дагестана. Т. I—II. Махачкала, 1957.

²⁰ История Дагестана. Т. I—IV. М.: Наука, 1967—1969.

²¹ Хасбулатов Ш. Д. Народное образование в Дагестане в первые годы Советской власти. Махачкала, 1953; *Он же*. Народное образование в Дагестане. Махачкала, 1958; Абилов А. А. Очерки советской культуры народов Дагестана. Махачкала, 1959; Омаров С. М. Женское образование в Дагестане. Махачкала, 1960; *Он же*. Первые шаги строительства советской школы в Дагестане. Махачкала, 1968; Губарев С. Ф. Деятельность Коммунистической партии по созданию и развитию советской школы в национальных республиках Северного Кавказа (1920—1941). Махачкала, 1979; Исмаилов А. Р. Ликвидация неграмотности в Дагестане. Махачкала, 1970.

дательством сборник биографических очерков «Ветераны педагогического труда», а также исторические очерки о старейших в республике Кумухской и Ахтынской сельских школах и Махачкалинской городской средней школе № 1 имени В. И. Ленина.

Тем не менее история народного образования в Дагестане изучена недостаточно. У нас еще мало работ, в которых важнейшие составные части этой проблемы рассматривались бы в неразрывном единстве, в комплексе. Особенно слабо изучены вопросы истории просвещения дореволюционного Дагестана. Помимо отдельных статей, а также разделов в обобщающих трудах по истории Дагестана, имеются всего три кандидатские диссертации, посвященные изучению проблемы народного просвещения в крае в дореволюционный период²².

Недостаточной изученностью проблемы в известной степени можно объяснить отсутствие до последнего времени у исследователей единодушия в оценке ряда важных вопросов и явлений истории дагестанского просвещения дооктябрьского периода. В частности, это относится к оценке роли дагестанских дореволюционных школ, как светских русских, так и религиозных примечетских. Некоторые авторы, справедливо отмечая, что русские школы создавались царизмом в колониально-русификаторских целях, склонны были вообще отрицать какое-либо положительное значение их. Замечался по существу лишь официальный курс самодержавия в области просвещения на национальных окраинах империи и из виду упускалась объективно-прогрессивная роль, которую сыграли русские школы и представители передовой русской интеллигенции в жизни народностей Дагестана вопреки намерениям царского правительства.

Не была до конца последовательной и научно обоснованной и оценка религиозных примечетских школ. Место и роль этих школ нередко характеризовались вне учета исторических условий, уровня развития дагестанского общества рассматриваемого периода. В результате не прослеживалась разница между конфессиональными школами периода средневековья и конфессиональными школами конца XIX—начала XX вв. В исторической и историко-педагогической литературе имела место неправильная оценка действительной роли этих школ в системе образования и воспитания подрастающего поколения. Одни исследователи ее преувеличивали, другие — полностью игнорировали.

Значительный интерес представляют работы М.-С. Д. Саидова по

²² Хасбулатов А. П. История советской школы в Дагестане: Канд. дис. 1947; Селимханов А. К. К истории народного образования в Дагестане (1850—1940): Канд. дис. 1954; Каймарзов Г. Ш. Влияние России на развитие культуры и просвещения дореволюционного Дагестана: Канд. дис. 1955.

истории дагестанской (аджамской) письменности и дагестанской литературы на местных и арабском языках²³. В последнее время исследования в этой области благодаря усилиям М.-С. Д. Саидова, А. Р. Шихсаидова, А. А. Исаева и других сотрудииков отдела востоковедения Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР получили дальнейшее развитие. Результаты их позволяют с уверенностью утверждать, что многие народности Дагестана (аварцы, даргинцы, лакцы и некоторые другие) имеют многовековые письменные традиции, создали оригинальную литературу.

* * *

Верным ключом к пониманию закономерностей развития духовной культуры, в том числе народного просвещения, служат произведения классиков марксизма-ленинизма, и в первую очередь труды В. И. Ленина, а также решения съездов и конференций КПСС, пленумов ЦК, постановления ЦК КПСС по вопросам культуры и народного просвещения.

Труды В. И. Ленина по национальному вопросу, вопросам истории и теории культуры являются ценнейшим источником для исследователя проблем народного просвещения и школы. Ленинское теоретическое наследие представляет собой важнейшую методологическую основу для изучения истории культуры, народного просвещения.

Важные марксистские положения по вопросам развития народного образования, оценки системы обучения и воспитания подрастающего поколения в дореволюционной России, ее национальных окраинах содержат статьи, доклады и речи М. И. Калинина, Н. К. Крупской, А. В. Луначарского и других соратников и учеников В. И. Ленина.

Автор пользовался материалами ряда центральных и дагестанских республиканских архивов. Среди них прежде всего следует назвать Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), Центральный государственный архив ДАССР, Рукописный фонд Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР.

Богатейшие документальные материалы по истории просвещения дореволюционного Дагестана сосредоточены в Центральном государственном архиве Дагестанской АССР, в его фондах: 2 (Канцелярия военного губернатора Дагестанской области); 126 (Канцелярия начальника Дагестанской области); 21 (Дагестан-

²³ Саидов М.-С. Д. Возникновение письменности у аварцев // Языки Дагестана. Вып. I. Махачкала, 1948; *Он же*. Дагестанская литература XVIII—XIX вв. на арабском языке. М., 1960.

ский областной статистический комитет); 81 (Инспекция народных училищ Дагестанской области Бакинско-Дагестанской дирекции народных училищ); 84 (Дербентское реальное училище); 76 (Темир-Хан-Шуриновское реальное училище); 4-р (Дагестанский революционный комитет).

В дореволюционных фондах Центрального государственного архива ДАССР хранятся отчеты, донесения, а также переписка военного губернатора и других должностных лиц «военно-народного управления» Дагестанской области; рапорты окружных начальников военному губернатору, отчеты учебных заведений о своей деятельности, копии справок и других документов об их исследовании должностными лицами Кавказского учебного округа и Бакинско-Дагестанской дирекции народных училищ, прошения жителей об открытии в городах и аулах Дагестана новых школ, приеме детей в учебные заведения. Материалы архивных фондов позволяют исследователю воссоздать картину материально-технической и учебной базы школ, условий жизни и быта учителей, студентов-горцев и учащихся дагестанских учебных заведений. Большой интерес представляют имеющиеся в этих фондах данные о прогрессивной деятельности передовых представителей русской интеллигенции, проникновении марксистских идей в среду дагестанской учащейся молодежи, о ее участии в революционном движении.

Ценный материал по истории школы и народного просвещения в Дагестане в XIX — начале XX вв. можно почерпнуть из опубликованных источников. Важнейшими из них являются такие публикации, как «Акты Кавказской археографической комиссии» (АКАК) в 12 томах²⁴, обзоры Дагестанской области — приложения к отчетам военного губернатора за 1892—1916 гг., отчеты и циркуляры попечителя Кавказского учебного округа, издававшиеся в Тифлисе во второй половине XIX — начале XX вв., материалы первой всеобщей переписи населения России 1897 г.²⁵ Значительный фактический материал по нашей теме содержат также «Кавказские календари»²⁶, «Кавказские сборники»²⁷, «Сборники материалов для описания местностей и племен Кавказа» (СМОМПК)²⁸, «Сборники сведений о кавказских горцах» (ССКГ)²⁹, «Дагестанские сборники»³⁰.

²⁴ АКАК. Т. I—XII. Тифлис, 1866—1904.

²⁵ Первая всеобщая перепись населения Российской империи: Дагестанская область. Спб., 1905.

²⁶ Кавказский календарь на 1850—1917 гг. Тифлис, 1849—1917.

²⁷ Кавказский сборник. Т. I—XXXI. Тифлис, 1876—1911.

²⁸ 44 выпуска этого издания вышли до революции в Тифлисе, а 45-й и 46-й — в советское время в Махачкале (1926, 1929 гг.).

²⁹ ССКГ. Вып. I—X. Тифлис, 1868—1881.

³⁰ Дагестанский сборник. Вып. 1—2. Темир-Хан-Шура, 1902, 1904.

Материалы эти по своему происхождению и содержанию весьма разнообразны и далеко не равноценны. Среди них преобладают официальные донесения и запросы представителей командования царской армии, должностных лиц военно-административного аппарата царизма на Кавказе, переписка об открытии русских школ и устройстве в учебных заведениях России молодежи из местной привилегированной верхушки. Встречаются здесь и статистические данные о состоянии грамотности населения и школьного дела, его материально-финансовой базы, путевые впечатления разных лиц, побывавших в Дагестане, этнографические описания с небезынтересными сведениями о культуре и быте горцев. Материалы этих источников, особенно официальных отчетов царских чиновников³¹, страдают явной тенденциозностью и требуют критического к себе подхода.

Определенную ценность представляют материалы, опубликованные в газетах и журналах.

Из газет, издававшихся в дореволюционный период, освещению вопросов просвещения горцев больше других уделяла внимания газета «Кавказ», которая начала выходить в Тифлисе в 1846 г. В газете, наряду с официальными материалами царских правительственных органов просвещения, распоряжений кавказских военных и административных властей, печатались корреспонденции о состоянии школьного дела, статьи, в которых предлагались проекты различного рода реформ системы образования вообще, религиозного образования кавказских мусульман в частности. Среди материалов, публиковавшихся в «Кавказе», встречаются и такие, в которых характеризуется отношение дагестанских горцев к русской школе, к попыткам создания новой письменности на родных языках, рассказывается об участии представителей местной интеллигенции в научном изучении горских языков, сборе и издании произведений устного творчества дагестанских народностей.

В процессе работы над книгой нами изучены материалы, опубликованные в прогрессивной газете «Заря Дагестана», издававшейся видным дагестанским просветителем и революционным деятелем С. И. Габиевым в Петербурге в 1912—1914 гг., а также в газетах «Каспий», «Баку» и «Дагестанские областные ведомости».

Из других периодических изданий, публиковавших материалы о просвещении дагестанских горцев в дореволюционный период, следует назвать «Журнал Министерства народного просвещения». Статьи, печатавшиеся в журнале, несмотря на определенную тенденциозность, помогают исследователю воссоздать общую картину

³¹ Это полностью относится также к материалам подобного рода из дореволюционных архивных фондов.

развития школьного дела в крае, понять просветительную политику царского самодержавия на национальных окраинах России.

Книгу завершает заключение, в котором, наряду с подведением основных итогов изучения процесса развития просвещения и школы в Дагестане в XIX—начале XX вв., дается характеристика выдающихся достижений народного образования в республике в советское время. Только победа Великой Октябрьской социалистической революции создала условия для подлинного расцвета культуры и школы в Дагестане. Советская власть вытаскала народы Дагестана из трясины темноты и отсталости, в которой они находились при царизме, и вывела их на широкую дорогу социалистических преобразований. Во всех областях социалистической культуры — народном образовании, создании народной интеллигенции, развитии науки, литературы и искусства народы Дагестана в дружной семье братских наций и народностей нашей страны добились огромных успехов. Выдающиеся успехи в развитии просвещения, расцвет социалистической культуры народов советского Дагестана — яркое воплощение торжества мудрой ленинской национальной политики Коммунистической партии, братской дружбы и сотрудничества социалистических наций и народностей СССР. В них источник силы и могущества нашей Родины, залог ее новых великих побед в коммунистическом строительстве.

Исторические решения XXVII съезда КПСС XIX Всесоюзной партийной конференции, а также материалы и решения пленумов ЦК КПСС нацеливают советскую школу, всю систему народного просвещения на коренное улучшение качества работы в соответствии с потребностями ускорения социально-экономического развития страны, преобразований в духовной сфере. В решении этой задачи важнейшую роль призвана сыграть осуществляемая ныне перестройка общеобразовательной и профессионально-технической школы, системы высшего и среднего специального образования.

Книга рассчитана прежде всего на работников просвещения, студентов педагогических учебных заведений. Однако она может быть адресована и широкому кругу читателей, интересующихся историей культуры и просвещения Дагестана.

Мы сознаем, что книга не может претендовать на обстоятельное освещение всех вопросов истории дагестанского просвещения XIX—XX вв., а тем более предшествующего периода. Есть вопросы, требующие дальнейшего глубокого изучения. Вместе с тем нам представляется, что в работе воссоздана целостная картина развития народного просвещения в Дагестане после присоединения его к России, показаны особенности роста светской школы на русском языке, эволюция мусульманских и других религиозных школ под влиянием изменений в социально-экономической, общественно-

политической и культурной жизни края в составе общероссийской экономической и государственно-политической системы. Естественно, центральное место в работе занимают вопросы развития светского образования в дореволюционном Дагестане как основы прогресса духовной культуры населения.

Значительное внимание уделено просветительской деятельности в Дагестане передовых представителей русской интеллигенции, их роли в подготовке учителей из местных народностей. Не обйдены и вопросы внешкольного образования, деятельности первых культурно-просветительных учреждений в Дагестане.

Автор выражает признательность специалистам Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР, рецензентам, оказавшим своими советами и замечаниями помощь в подготовке работы к изданию.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

О ПРОСВЕЩЕНИИ В ДАГЕСТАНЕ ДО ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ

Дагестан расположен в северо-восточной части Кавказа, между Главным Кавказским хребтом и Каспийским морем. На юге он граничит с Азербайджанской ССР, на юго-западе — с Грузинской ССР, на севере и западе — с Чечено-Ингушской АССР. Восточную часть Дагестана омывает Каспийское море. Территория Дагестана в нынешних его границах составляет 50,3 тыс. кв. км. Около двух третей этой территории — горные, в большинстве своем малопригодные для полеводства районы. Северная часть Дагестана, лежащая в пределах Прикаспийской низменности, а также узкая полоса побережья Каспийского моря от Махачкалы до устья Самура представляет собой равнину.

Население Дагестана, по данным первой всеобщей переписи 1897 г., составляло 571 154 человека¹. Наиболее крупными народностями являлись аварцы (западная, нагорная часть Дагестана), даргинцы (в основном Центральный Дагестан и часть Южного Дагестана), лезгины (Южный Дагестан), кумыки (равнинная и предгорная часть Дагестана), лакцы (Центральный Дагестан), табасаранцы (Южный Дагестан), ногайцы (Северный Дагестан). В состав некоторых крупных народностей — аварцев, лезгин, даргинцев — входили около двадцати малых народностей и этнических групп.

До присоединения к России Дагестан не представлял собой экономически и политически единой и целостной страны. Не одинаков был и уровень экономического развития его народностей. При этом к началу XIX в. повсюду в Дагестане господствующими были феодальные производственные отношения. Сохранялись, хотя и не везде в одинаковой мере, пережитки патриархально-родовых отношений.

Ко времени присоединения к России в Дагестане имелись

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Дагестанская область. Спб., 1905. С. 2—3.

ханства: Аварское, Дербентское, Казикумухское, Кюринское², Мехтулинское, шамхальство Тарковское, уцмийство Кайтагское, майсумство Табасаранское, владения кумыкских князей (Засулакская Кумыкия) и табасаранского кадия. Наряду с феодальными политическими образованиями в горной части Дагестана существовало более 60 союзов сельских обществ, так называемые «вольные общества». В союзах сельских обществ проживало около 45% населения, они занимали примерно такой же процент территории Дагестана³.

Уровень классовой дифференциации не везде был одинаков. Если в шамхальстве Тарковском и других феодальных владениях существовала довольно сложная феодальная иерархия и феодально-зависимые отношения были ярко выражены, то в союзах сельских обществ имело место сочетание общественной и индивидуальной собственности на землю, эксплуатация основных масс узденства была завуалирована сохранением многих черт родового строя.

В феодальных владениях господствующий класс — шамхалы, ханы, уцмии, беки, чанки, сала-уздени и высшее духовенство — держали в кабале подвластное население (чагаров, узденей, терекемейцев, раят, кулов, каравашей и т. д.).

К началу XIX века в Дагестане сохранились пережитки патриархального рабства.

При существовании многих видов земельной ренты в Дагестане в начале XIX века преобладающей являлась рента продуктами, которая, как отмечал К. Маркс, «предполагает более высокий культурный уровень непосредственного производителя, следовательно, более высокую ступень развития его труда и общества вообще»⁴.

Важной статьёй доходов феодальных владельцев являлись горные пастбища и кутаны, которые сдавались в аренду крестьянам за определенную ренту.

Значительную роль в системе феодальной эксплуатации играла и отработочная рента.

Товарно-денежные отношения в Дагестане до присоединения к России были развиты сравнительно слабо. Этим, собственно, и объяснялся тот факт, что денежный оброк занимал здесь незначительное место в системе феодальной эксплуатации. Городов в полном смысле этого слова, кроме Дербента, не было. А такие резиденции дагестанских феодальных владельцев, как Тарки, Хунзах,

² Образовано в 1812 году.

³ *Нахшунов И. Р.* Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1956. С. 18.

⁴ *Маркс К.* Капитал. Т. III. М.: Госполитиздат, 1949. С. 807.

Казикумух, Маджалис, Н. Дженгутай и другие, мало чем отличались от других крупных аулов. Даже в Тарки, резиденции шамхалов Тарковских, количество населения, специально занятого торговлей и ремеслом, было незначительно и едва ли превышало шестьдесят семейств⁵.

Особо привилегированной кастой во всех феодальных владениях и объединениях сельских обществ являлось мусульманское духовенство, которое само облагало верующих разными поборами — то в пользу мечети, то на содержание духовных школ. В руках духовенства находились так называемые вакуфные (мечетские) земли. Эти земли являлись одной из разновидностей феодального землевладения в Дагестане, служили источником феодальной эксплуатации крестьянства.

Союзы сельских обществ занимали территорию западного и юго-западного Дагестана, а также значительную часть территории среднего и юго-восточного Дагестана. Это районы, населенные преимущественно аварцами, даргинцами и лезгинами. В рассматриваемый период в союзах сельских обществ господствовал территориальный принцип. Во многих из них проживали представители нескольких народностей. Нужно, однако, отметить, что населенные пункты, входившие в состав таких союзов сельских обществ, обычно представляли собой отдельные аулы, заселенные в соответствии с племенными и этническими признаками жителей.

В объединениях сельских общин Дагестана мы наблюдаем сочетание общественной и индивидуальной собственности на землю. Население их подразделялось на феодализовавшуюся верхушку, духовенство, узденей и рабов. Основную массу населения союзов сельских обществ составляли уздени, число рабов было незначительно.

Союзы сельских обществ во многом сохранили черты патриархально-родового строя. Большую роль в их жизни играл джамаат (народное собрание, сход), в котором принимали участие все совершеннолетние мужчины, за исключением рабов. На этих собраниях решались такие вопросы, как распределение пахотной земли, воды, выпас скота, организация общественных работ, объявление войны и заключение мира, выбор суда — маслаата, должностных лиц общества и др.

Избранные на джамаате должностные лица являлись исполнителями, подотчетными народному собранию. Ведущее место среди выборных должностных лиц принадлежало кадиям и старшинам.

Дагестан — страна древней и самобытной культуры. Памятни-

⁵ *Юшков С. В.* К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане// Ученые записки Свердловского государственного педагогического института. Вып. I. Свердловск, 1938. С. 77.

ки, выявленные на его территории, свидетельствуют о высокой материальной культуре древних дагестанцев.

Об искусстве населения Дагестана той отдаленной эпохи можно судить по наскальным изображениям, резьбе по камню и дереву, различным украшениям, предметам домашнего обихода.

Наскальные изображения отличались большой выразительностью и динамичностью. Обычно изображались различные животные, всадники, пешие люди, сцены охоты и др.⁶

Украшения населения древнего Дагестана отличаются мастерством художественного исполнения. Местные умельцы изготовляли разнообразные по форме и отделке наперстки, булавки, различные типы подвесок, бронзовые налобные ленты, браслеты, наборы ожерелий⁷.

Высокого развития достигло керамическое искусство. Разнообразие форм изделий, богатство орнамента свидетельствуют о большом художественном вкусе древних мастеров.

В эпоху распада первобытно-общинного строя и зарождения (примерно с V в. н. э.) феодальных производственных отношений в различных зонах Дагестана уже существуют центры ремесленного производства, которые удовлетворяют все возрастающий спрос на сельскохозяйственные орудия, домашнюю утварь, украшения. Это прежде всего раннесредневековые города Дербент, Семендер, Урцеки, Зирехгеран (Кубачи), села Агачкала, Гапшима, Бейта, Хлют, Куяда, Бавтугай, Верхнее Казанище, Большой Гочатль.

Одним из ярких памятников искусства средневекового Дагестана являются деревянные резные ворота из сел. Кала-Корейш (XII—XIII вв.), а также деревянные конструкции дома Хаду Гицинова из Тидиба⁸.

Не меньший интерес представляют стукковые рельефы, украшающие здания мечетей сел. Кара-Кюре (IX—X вв.) в Ахтынском районе и сел. Кала-Корейш (XII—XIII вв.) в Дахадаевском районе⁹.

Величественным памятником материальной культуры Дагестана эпохи раннего средневековья являются Дербентские укрепления. Эти укрепления возводились в течение жизни ряда поколений,

6 История Дагестана. Т. I. М., 1967. С. 79.

7 Там же. С. 80—81.

8 Башкиров А. С. Деревянные двери дагестанского аула Кала-Корейш//Труды секции археологии Института археологии и искусствознания (РАНИОН). Вып. 2. М., 1928; История Дагестана. Т. I. С. 220.

9 В 1963 году стукковая орнаментика мечетей Кара-Кюре и Кала-Корейша была исследована старшим научным сотрудником Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР П. М. Дебировым.

восстанавливались после разрушений и сохранились до наших дней.

В начале 60-х годов археологи Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР произвели раскопки раннесредневекового города в местности Урцеки. Сохранившиеся каменные стены сооружений, остатки мощных башен, здания с жилами и многочисленными служебными помещениями, найденные предметы хозяйства и быта свидетельствуют о том, что Урцеки — один из интересных памятников средневекового Дагестана. Урцекский памятник дает ценный материал по истории материальной культуры древнего и средневекового Дагестана.

В Дагестан примерно с IV века через Армению и Грузию проникает христианство. Обнаруженные памятники христианства свидетельствуют о том, что эта религия получила в Дагестане известное распространение, а также о существовании тесных культурных связей населения Дагестана с народами Закавказья. На многих памятниках христианства обнаружены надписи на грузинском языке. П. К. Услар¹⁰, Г. И. Прозрителев¹¹, а в последующем дагестанский историк Д. М. Атаев¹² обратили внимание на устойчивость христианской традиции у народностей Дагестана, в частности аварцев, на сохранение, например, обычая раскрашивать пасхальные яйца и особой игры «катания яиц».

Согласно сообщениям грузинских хроник, детей в Аварии обучали грузинской грамоте¹³, а эпиграфические данные, добытые учеными, свидетельствуют о попытках создать уже в XIV в. аварский алфавит на грузинской графической основе¹⁴.

В северо-западном Дагестане (преимущественно в Аварии) обнаружено большое количество древнегрузинских надписей. Многие из них выгравированы на стеновых блоках сооружений. Встречаются надписи, сделанные как заглавными уставными буквами, так и скорописью. Обнаружены также двуязычные тексты на грузинском и аварском языках¹⁵.

Распространение христианства было приостановлено, а в дальнейшем оно было вытеснено новой религией — исламом, который

¹⁰ Услар П. К. Этнография Кавказа. Аварский язык. Т. III. Тифлис, 1889. С. 62.

¹¹ Прозрителев Г. И. Древние христианские памятники Северного Кавказа. Ставрополь, 1906. С. 4.

¹² Атаев Д. М. Христианские древности Аварии//Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Т. IV. Махачкала, 1958. С. 182.

¹³ Известия грузинских летописей//Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 22. Тифлис, 1897. С. 51.

¹⁴ Чикобава А. С. Грузино-аварские надписи XIV века в Дагестане//Известия Грузинского филиала АН СССР. Т. I. 1940. С. 397.

¹⁵ История Дагестана. Т. I. С. 229.

насаждался в процессе арабских завоеваний, а позднее монголо-татарских нашествий. Дагестан был включен в состав Золотой Орды, а после ее распада — в состав империи Тимура. Население, особенно тех районов, где к этому времени успело утвердиться христианство, оказывало упорное сопротивление завоевателям и распространению ислама. Устное народное творчество сохранило предания о длительном сопротивлении населения Дагестана насильственному насаждению новой религии. Так, аварское предание повествует об Абу Муслиме, распространявшем ислам в нагорном Дагестане и погибшем от стрелы, пущенной гидатлинцем. Согласно другому преданию, жители лезгинского аула Микрах в течение семи лет отказывались принимать ислам¹⁶.

Раньше всего ислам упрочил свои позиции в южном Дагестане. К X в. он охватывал Дербент, часть Табасарана и Лакза. В северном Дагестане в X в. существовал единственный пункт, где ислам прочно держался, — это Семендер, в котором часть жителей была мусульманами и имела свои мечети¹⁷.

В горных районах центрального и северо-западного Дагестана мусульманская религия утвердилась значительно позднее. В Казикумух она проникает в XI—XII веках. Жители горных даргинских районов еще в конце XIV в. были, по свидетельству Шарафутдина Езди, немусульмане¹⁸. Жителями Кубачи, Кала-Корейша ислам был принят в начале XV века¹⁹.

Процесс исламизации Дагестана в XV в. в основном был завершен. Ислам утвердился во всех феодальных владениях и обществах, стал официальной религией. Однако еще долго продолжали существовать пережитки доисламских религиозных верований, в частности языческой религии. Погребальный инвентарь многочисленных могильников средневековой эпохи свидетельствует о том, что у горцев бытовала вера в загробную жизнь. Этот инвентарь состоял из посуды для пищи и питья, оружия, предметов вооружения, а также предметов культа²⁰. Сохранилось также много дому-сильманских личных имен.

Кардинальным вопросом истории культуры раннесредневекового Дагестана является проблема письменности. К сожалению, мы пока не располагаем достаточным числом достоверных сведений о существовании дагестанской письменности в раннесредневековый период. Известно, однако, что территория Дагестана или большая ее часть входила в состав Кавказской Албании, где, как и в

16 История Дагестана. Т. I. С. 199.

17 Очерки истории Дагестана. Т. I. Махачкала, 1957. С. 83.

18 Генко А. Н. Арабский язык и кавказоведение//Труды второй сессии Ассоциации арабистов. М.—Л., 1941. С. 90—100.

19 Очерки истории Дагестана. Т. I. 1957. С. 86.

20 История Дагестана. Т. I. С. 226.

соседних Армении и Грузии, имелась своя письменность. Существует мнение, что древнеалбанский алфавит был позднее вытеснен азбукой, созданной армянским просветителем Месропом Маштоцом (361—440 гг.)²¹.

Раскопки, произведенные в 1948—1950 гг. археологической экспедицией Азербайджанской АН в Мингечауре, дали возможность установить, что древнеалбанское письмо широко применялось в быту²². Тот факт, что надписи, найденные в Мингечауре, были расшифрованы с помощью одного из языков дагестанской группы — удинского, дает основание думать, что албанская письменность получила распространение и в Дагестане. Буквенные знаки, напоминающие буквы албанского алфавита, обнаружены дагестанскими археологами при раскопках Урцекского городища. В 1970 г. в окрестностях села Верхнее Лобкомахи (Левашинский район) школьники нашли каменную табличку, на которой хорошо сохранилось около сорока знаков²³. Характер надписи на табличке близок к древнеалбанской. Поиски, проведенные в Дагестане в последующие годы, позволили значительно пополнить коллекцию знаков этого письма.

Известное распространение, в частности в Дербенте, получило пехлевийское письмо²⁴, о чем свидетельствуют надписи на камнях дербентской стены. В VI—VII вв. в Дербенте имелся целый ряд грамотных резчиков и более или менее широкий круг хранителей сасанидских культурных традиций²⁵.

Имеются также сведения о письменности, которой пользовались жители Зирехгерана (Кубачи) в XII веке. Как сообщает Андалуси, жители Кубачи надписывали на мешочках, в которых хранились кости умершего, его имя. Однако ни Андалуси, ни другие средневековые авторы, повторившие эти сведения, не указывают, на каком языке делались эти надписи²⁶.

Широкое распространение письменности в Дагестане связано с проникновением ислама. Арабы заставляли жителей покоренных районов воздвигать мечети. Для обучения населения догматам

21 История Дагестана. Т. I. С. 228.

22 Казиев С. М. Новые археологические находки в Мингечауре//Доклады АН Азерб. ССР. Т. IV. 1948; Голубкина Т. И. Еще одна албанская надпись из Мингечаура//Доклады АН Азерб. ССР. Т. V. 1949; Ваидов Р. М. Фрагмент глиняного подсвечника с албанской надписью//Доклады АН Азерб. ССР. Т. VII. 1951.

23 Дагестанская правда. 1970. 3 дек.

24 Письменность, получившая распространение в Иране при династии сасанидов (III—VII вв. н. э.) — Г. К.

25 Пахомов Е. А. Пехлевийские надписи Дербента. Баку, 1929. С. 21.

26 Melanges Asiatiques, 1873. VI. 703; Очерки истории Дагестана. Т. I. С. 87.

ислама завоеватели сажали в мечетях кадиев и «ученых», а для управления им назначали правителей и старейшин²⁷. О том, что с проникновением ислама в средневековом Дагестане распространилось арабское письмо, говорят многочисленные эпиграфические памятники. Такие памятники, относящиеся к X—XV вв., обнаружены Л. И. Лавровым, А. Р. Шихсаидовым и другими учеными во многих районах. В большинстве своем это куфические надписи, дающие ценный материал и для изучения политической истории Дагестана того времени. Так, одна из куфических надписей из сел. Рича, прочитанных еще Н. Ханыковым, сообщает о сражении жителей аула с монголами²⁸.

Уже в XIII—XV вв. в Дагестане широко были известны многие арабские книги, преимущественно религиозного содержания. В частности, автор XIII в. Захарий Казвини сообщает, что в Цахуре были распространены книги, посвященные толкованию шафийского учения, — «Китаб ал-имам ал-Шафии» («Книга имама Шафии») и «Мухтасар ал-Музани фи-фуруй ал-Шафия» («Компендий Музани по отделам шафийского учения»)²⁹.

До нас дошли также произведения средневековых местных авторов, написанные на арабском языке. Это своеобразные локальные хроники, в которых нашли отражение важнейшие для данной местности, аула события. В последующем хроники-летописи переписывались и дополнялись новыми фактами. Среди произведений подобного рода широко известны: «Шарих-ал-Ба» («История Дербента») анонимного автора, в которой рассказывается о событиях в Дагестане и Ширване в IX—XI вв.; «Дербенд-намэ» — о борьбе с арабским нашествием, дошедшее до нас в многочисленных списках на ряде языков: арабском, персидском, азербайджанском, джагатайском, «Тарихи Дагестан» («История Дагестана»), также повествующая о борьбе против нашествия арабов. В XIII в. появились исторические хроники селений: «Ахты-намэ» («История Ахты»), «Цахур-намэ» («История Цахура»), «Куркли-намэ» («История Куркли»)³⁰.

Дагестанский историк А. Р. Шихсаидов, многие годы посвятивший изучению местных исторических сочинений и хроник, пишет, что «в X—XV вв. в Дагестане сложился своеобразный жанр — произведения региональной историографии — одно из замечатель-

ных явлений в культурной жизни средневекового Дагестана»³¹.

Сохранилось также местное произведение XV в. на арабском языке под названием «Завещание Андуника». Подлинник этого произведения, относящегося к 1485 году, был обнаружен в 1941 году в Хунзахе. Этот ценный памятник, содержащий много ценных сведений для характеристики социально-экономической и политической истории средневековой Аварии, издан в переводе М.-С. Саидова³².

В рукописном фонде Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР хранится арабская рукопись XV в., представляющая собой сборник произведений по философии, праву, логике, грамматике и другим наукам. В рукописи говорится, что она написана «в селении Ашты»³³ рукой Мухаммеда ибн Абдурахмана аль Зирехгерани (т. е. Кубачинского) в 905 г. хиджры» (1499 г. н. э.). Содержание рукописи свидетельствует о том, что указанный Мухаммед хорошо владел арабским и персидским языками и был знаком с сочинениями Абдуль-Хасана Али ал-Яздади, Мийдани, Абдурахмана ал-Хамадани, Саалиби и других средневековых восточных авторов³⁴. Сохранились рукописи арабских авторов, переписанные дагестанскими учеными еще в XIV веке³⁵.

Существует мнение, что аул Зирехгеран (Кубачи) являлся в XV—XVI вв. одним из центров по «размножению» арабских текстов. Здесь была налажена, в частности, переписка книг определенного профиля — суфийских трактатов и словарей арабского языка»³⁶.

Имеются сведения о попытках перевода арабских книг на местные языки еще в XIII в. Как сообщает Захарий Казвини, цахурцы «перевели «Компендий Музани» на лезгинский язык и подобно этому «Книгу имама ал-Шафии» и занимаются ими обеими»³⁷.

Академик И. Ю. Крачковский писал, что на Кавказе можно проследить две волны арабского влияния: первая, шедшая с ранними завоеваниями, не глубоко затрагивала местное население, а вторая, «медленно нарастающая в XVI в., постепенно создала в Дагестане, Чечне, Ингушетии, отчасти Кабарде и Черкессии местную оригинальную литературу на арабском языке»³⁸. Ученый от-

³² Ученые записки Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Т. I. Махачкала, 1956.

³³ Селение в Дахадаевском районе ДАССР.

³⁴ Очерки истории Дагестана. Т. I. 1957. С. 89.

³⁵ Саидов М. Дагестанская литература XVIII—XIX вв. на арабском языке. М., 1960. С. 1.

³⁶ Дагестанская правда. 1980. 27 мая.

³⁷ Очерки истории Дагестана. Т. I. С. 88.

³⁸ Академик Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. Т. VI. М.—Л., 1960. С. 16.

²⁷ Гасан-Эфенди Алкадарн. Асари-Дагестан. Махачкала, 1929. С. 20.

²⁸ Khanikoff N. Memoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase//Journal asiatique. Т. XX. Р. 126.

²⁹ История Дагестана. Т. I. С. 229.

³⁰ Там же. С. 230.

³¹ Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования. М., 1972. С. 90.

мечает, что влияние традиционной арабской науки шло в Дагестан не столько из Турции, сколько непосредственно из арабских стран, притом под влиянием не только хаджжа, но и обширных путешествий и прямого воздействия отдельных представителей учебного мира³⁹. И. Ю. Крачковский отмечает энциклопедичность дагестанской литературы на арабском языке. Дагестанские ученые того времени владели уже всей полнотой общеарабского наследия своего времени. «В равной степени их интересовали и науки грамматические, а при широком энциклопедическом охвате большинства ученых нередко можно встретить среди их произведений и трактаты по математике, особенно нужные для решения вопросов наследственного права, или по астрономии — для вычисления точного времени молитв и постов⁴⁰».

Выдающимся представителем научной мысли и литературы Дагестана эпохи «второй волны» арабского влияния был Мухаммед Кудутлинский (умер в 1708 г.)⁴¹, который считается родоначальником дагестанской науки. Мухаммед Кудутлинский — ученый-энциклопедист, круг его интересов, наряду с богословием, охватывал светские науки. Образование получил в Дагестане, затем ездил в Египет, Хиджаз, Йемен для усовершенствования знаний. Кудутлинский — автор ряда трактатов по арабской грамматике, один из которых был позднее издан в Стамбуле и широко распространен в Дагестане. Сохранились отдельные фрагменты его работ по логике, риторике, математике и астрономии⁴².

Большой знаток мусульманского права Мухаммед Кудутлинский принимал деятельное участие в идейно-политической борьбе, развернувшейся в Дагестане между сторонниками адата и шариата. Будучи приверженцем шариата, он требовал, чтобы все вопросы жизни мусульман регламентировались согласно установлениям мусульманского религиозного права (шариата), а не по обычному праву горцев (адатам).

Мухаммед Кудутлинский был широко известен и популярен в ученом мире. Он имел многочисленных учеников не только в Дагестане, но и среди татар Поволжья, на Северном Кавказе⁴³.

С именем Мухаммеда Кудутлинского связано применение особого приема письма, который впоследствии выработался в арабской письменности Кавказа в стройную систему особых подстрочных и надстрочных значков, облегчавшую понимание арабских

³⁹ Академик Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. Т. VI. М.—Л., 1960. С. 575.

⁴⁰ Там же. С. 615.

⁴¹ По другим данным — в 1716 г.

⁴² См. Рукописный фонд Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. Д. 1678.

⁴³ Саидов М. Дагестанская литература XVIII—XIX вв. на арабском языке М., 1960. С. 3.

синтаксических конструкций. В письменности арабских стран и других областей, где арабский язык получил распространение, никаких следов этой системы не обнаружено. Это дает основание считать XVII век началом того периода, когда «арабская литература на Северном Кавказе культивируется местными силами и в своей оболочке арабской письменности развивает даже самостоятельные черты»⁴⁴.

Широкой известностью пользовался Дамадан Мегебский (умер в 1718 г.), который считается ученым, положившим начало изучению в Дагестане математических, астрономических и медицинских наук. Он перевел с персидского на арабский язык «Комментарии к Мукаддиму Улугбека» Абдул али Хосайна ал-Буржанди. По свидетельству М. Саидова, перевод этот свободный, отличается лаконичностью языка, ясным и строгим стилем. Ученый «в совершенстве владел математическими и естественными науками и в своих трудах подробно изложил их основные положения, основываясь в большинстве случаев на «Началах» Эвклида или ссылаясь на труды восточных корифеев (Насир-аддина из Туса). Он обладал обширными познаниями в тригонометрии и, излагая ее основы, сопровождал их своими выводами. Дамадан в совершенстве владел методом использования пропорции, создал компактную теорию решения приблизительных предположительных задач. Ему принадлежит множество комментариев, статей, критических замечаний по отдельным трудам»⁴⁵.

Известно также, что Дамадан Мегебский с помощью сконструированных им астрономических приборов вел наблюдения за небесными телами, пытался объяснить причины затмения Солнца и Луны.

Однако наибольшую известность Дамадан получил как медик. Основываясь на трудах арабских ученых, он составил краткий справочник лекарств и способов их приготовления из растений, неорганических веществ и животных организмов. Этот справочник, получивший по имени автора название «Дамадан», был переведен на языки народов Дагестана и долгое время служил пособием для хакимов (врачевателей)⁴⁶.

Учеником М. Кудутлинского был Магомед Убринский (умер в 1733 г.), автор ряда работ по философии, логике и риторике. В обширной личной библиотеке ученого, наряду с литературой по мусульманскому праву, арабской филологии, философии, имелись книги по астрономии, географии и другим естественным наукам, что свидетельствует о разнообразии его интересов.

⁴⁴ Крачковский И. Ю. Указ. соч. Т. VI. С. 613—614.

⁴⁵ Саидов М. Указ. соч. С. 5—6.

⁴⁶ Омаров А. Воспоминания муталима//ССКГ. Вып. I. Тифлис, 1868. С. 83; История Дагестана. Т. I. С. 302.

На полях многих книг сохранились комментарии Убринского. По ним, а также другим дошедшим до нас документам, написанным Убринским, можно судить об идейных и общественно-политических взглядах ученого. В этом отношении примечательно письмо Убринского, обнаруженное среди его книг. В письме ученый решительно выступает против гнета ханов, отстаивает интересы горских трудовых масс. В частности, в письме говорится, что в случае, если ханы попытаются ущемить интересы жителей села Убри, они все встанут на борьбу и будут отстаивать свои права⁴⁷.

Выдающимся ученым своего времени считался Давуд Усишинский (умер в 1767 г.). Давуд Усишинский, как и М. Убринский, принадлежал к плеяде научных деятелей, воспитанных М. Кудутлинским. По признанию известного дагестанского арабиста начала XX в. Али Каяева⁴⁸, Д. Усишинский впоследствии превзошел своего учителя.

Сохранился обширный труд Усишинского по грамматике арабского языка, а также многочисленные комментарии его на полях книг. Они свидетельствуют о разносторонних научных интересах Давуда Усишинского.

Давуд Усишинский, как и другие представители школы М. Кудутлинского, отстаивал прогрессивные идеи по многим вопросам общественно-политической жизни. В частности, он выступал за равноправие сословий, отвергал догмы корана о мусульманской исключительности, ратовал за равноправие и дружбу между мусульманскими и немусульманскими народами, резко осуждал набеги дагестанских феодалов на Грузию. «В то время, когда многие ученые оправдывали грабительские нашествия на Грузию, — пишет А. Каяев, — он смело заявил, что эти нашествия противоречат чести и достоинству человека, следовательно, противоречат шариату»⁴⁹.

Широкой известностью в ученом мире пользовался современник Д. Усишинского Махад Чохский (умер в 1770 г.). Получив образование у известного дагестанского правоведа Абубакара Аймахинского, Махад отправился для продолжения образования в Египет. Здесь он изучал математику, астрономию, философию и космографию. Вернувшись на родину, ученый стал преподавать математику, философию, логику и астрономию, создал в этих областях ряд оригинальных трудов⁵⁰.

Арабская литература получила в Дагестане распространение

⁴⁷ Кассиев Э. Очерки лакской дореволюционной литературы. Махачкала, 1958. С. 37.

⁴⁸ См. Рукописный фонд Института ИЯЛ Дагфилнала АН СССР. Д. 1678. Л. 51.

⁴⁹ Абдуллаев М. Мыслители Дагестана XIX и начала XX вв. Махачкала, 1963. С. 28.

⁵⁰ Саидов М. Указ. соч. С. 6.

в то время, когда творческий период общеарабской культуры давно закончился. Следствием распространения этой литературы явилось возникновение и развитие, особенно с XVI—начала XVII вв., местной дагестанской литературы на арабском языке. По отзывам многих известных ориенталистов, произведения дагестанских ученых на арабском языке отличаются выразительностью языка, а нередко «большой резкостью и силой, которая напоминает нам лучшие образцы классической эпохи арабской литературы»⁵¹.

В дагестанской литературе на арабском языке отчетливо прослеживаются два течения, или направления. Первое направление — религиозно-мистическое. Это типичная схоластическая литература средневековья, в центре которой лежат науки канонические, преимущественно экзегез и право⁵². Она развивалась под влиянием тех традиций арабоязычной литературы, которые отражали религиозно-мистическое мировоззрение.

Другое направление дагестанской арабоязычной литературы, представленное творчеством ученых, поэтов, произведения которых, возникнув на местной почве, отражают местные исторические события, несет на себе черты национального своеобразия. Представители этого направления пытались ставить конкретные социально-политические вопросы и стремились выразить свое отношение к событиям эпохи⁵³. Это «реалистическое» течение в дагестанской арабоязычной литературе нашло наиболее отчетливое отражение в творчестве упомянутых нами выше представителей школы М. Кудутлинского и получило дальнейшее развитие в конце XVIII и в XIX веке в произведениях Сайда Араканского, Хаджимухаммеда Согратлинского, Абдуллатифа Доногоно, Иусуфа Яхсайского, Мирза Али Ахтынского, Шейхамира Кумухского и других ученых⁵⁴.

К периоду широкого распространения арабоязычной литературы (конец XVI—XVIII в.) относится становление библиотечного дела в Дагестане. В этот период усиливается завоз арабских книг в Дагестан из Египта, Ближнего Востока, Средней Азии, они переписывались местными людьми, сосредоточивались в мечетях, при мечетевских школах, в домах ученых-арабистов. В частности, крупные библиотеки имелись при акушинской, ахтынской, казикумукской, кишинской, усишинской, тпигской, хунзахской, чохской и других мечетях.

Одним из знаменательных явлений истории культуры и просвещения народов Дагестана рассматриваемой эпохи является создание местной, так называемой аджамской письменности. В основу этой письменности был положен арабский алфавит.

⁵¹ Крачковский И. Ю. Указ. соч. С. 616.

⁵² Там же. С. 615.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Саидов М. Указ. соч. С. 10.

Первые известные нам попытки использования арабского алфавита для создания письменности на языках народов Дагестана относятся к концу XV в. Упомянувшееся нами «Завещание Андунника» (1485 г.) содержит 16 аварских слов, написанных арабским шрифтом⁵⁵.

В 1960 г. на полях старинной книги М.-С. Саидовым был обнаружен небольшой текст на даргинском языке. Источник этот датируется 1507 годом. В последующие годы сотрудники отдела востоковедения Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН ССР обнаружили еще около тысячи даргинских слов и выражений, внесенных местным переписчиком Идрисом Ахмедовым⁵⁶. Среди них имеются небольшие тексты, относящиеся к концу XV (1494 г.) века. В 70-х—80-х годах поиски сотрудников сектора востоковедения позволили значительно пополнить коллекцию письменных памятников на местных языках.

Если в отношении XV—XVI вв. мы имеем лишь отрывочные сведения о попытках местных людей использовать арабскую графику для создания письменности (коротенькие тексты, а иногда лишь отдельные фразы и слова, написанные на дагестанских языках арабскими буквами), то в отношении XVIII — начале XIX вв. имеются убедительные свидетельства пользования этой письменностью в определенных, правда весьма ограниченных, кругах представителей местных привилегированных сословий.

В 1964 г. проф. Р. М. Магомедов издал «Свод заповедных законов Кайтаг-Дарго», составленный во время правления уцмий Рустам-хана (1601—1645 гг.). Текст свода постановлений написан на муйринском диалекте даргинского языка в 1829 г., причем в конце документа сказано, что он переписан с другого текста по поручению временного кадия села Кища ввиду того, что предыдущий текст пришел в ветхость и им нельзя было пользоваться.

Один из списков «Свода законов» уцмий Рустам-хана в переводе с кайтагского наречия даргинского языка был опубликован в свое время А. Комаровым⁵⁷. Обе эти публикации представляют большой интерес не только как ценные источники социально-экономической и политической истории кайтагов, но и как памятники письменности, как свидетельство того, что местные люди уже в то время пользовались аджамским письмом.

Примечательно, что в тексте свода, изданном в 1964 г., почти не встречаются арабские и тюркские слова, зато много слов кайтагского, сургинского диалектов даргинского языка, что вполне

⁵⁵ Саидов М.-С. Возникновение письменности у аварцев: Языки Дагестана. Махачкала, 1948. С. 137.

⁵⁶ Исаев А. Письменность в Дагестане // Советский Дагестан. 1970. № 6. С. 71—72.

⁵⁷ Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868. С. 80—88.

соответствует назначению сборника постановлений, призванного служить основой судопроизводства на территории всего Кайтагского уцмийства.

Свод постановлений кайтагского уцмийства не единственный письменный памятник, свидетельствующий о том, что в XVIII — начале XIX вв. местное население пользовалось аджамским письмом. Подобные памятники обнаружены на аварском, лакском и других дагестанских языках. Аджамская письменность существовала почти у всех крупных народностей Дагестана. Поскольку дагестанские языки имеют целый ряд звуков, которых нет в арабском языке, буквы арабского алфавита снабжались соответствующими надстрочными и подстрочными значками, приводившими этот алфавит в определенное соответствие с фонетическими особенностями дагестанских языков.

Распространение ислама сопровождалось насаждением примечетских религиозных школ для обучения населения догматам мусульманской религии. Еще автор XIII в. Закарий Казвини сообщал о существовании медресе в сел. Цахур. «Основал его везир Низам ал-мулк ал-Хасан ибн Исхак, да очистит аллах его душу. И при нем (т. е. училище) имеется учитель и факихи, и полагается каждому факиху в нем (т. е. училище) ежемесячно один баран и определенная мера сульта»⁵⁸.

В последующие века в связи с упрочением позиций ислама примечетские религиозные школы появились повсеместно. В крупных аулах насчитывалось по нескольку таких школ. Конфессиональная система образования получает в Дагестане большое развитие. Школы служили важнейшим очагом религиозного воспитания и обучения подрастающего поколения, насаждения религиозного фанатизма.

Ф. Энгельс указывал, что в школах конфессиональной системы «память детей забивается непонятными догматами и различными теологическими тонкостями, сектантская нетерпимость и фанатичное ханжество развиваются с ранних лет, а умственное, духовное и нравственное развитие остается в позорном пренебрежении»⁵⁹.

Основными звеньями конфессиональной системы образования в Дагестане были мектеб и медресе. **Мектеб** — это школа низшего типа. Программа обучения в нем сводилась к привитию навыков механического чтения без понимания содержания. Еще меньше знаний давала эта школа по письму. Окончивший мектеб, как правило, с трудом умел выводить арабские буквы и списывать текст с оригинала. «Даже при благоприятных условиях, кончая курс школы, курс, продолжающийся около 4-х лет, туземный мальчик приобретает умение механически читать и только те книги, по кото-

⁵⁸ Генко А. Н. Указ. соч. С. 96. (Сульт — голый ячмень.)

⁵⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 2. С. 345.

рым он учился (остальные разбираются обыкновенно с большим трудом), и выводить буквы или списывать с данного оригинала. Привычка к механическому чтению укореняется так сильно, что зачастую, прочитав самое простенькое изложение на своем родном языке, ученик, окончивший школу, не в силах пересказать его своими словами. Это при благоприятных условиях»⁶⁰. Обычно же горский мальчик уходил из школы, научившись только механическому чтению или «унося лишь смутные воспоминания о существовании каких-то замысловатых крючков, точного смысла и значения которых постигнуть ему так и не удалось»⁶¹.

Следующей ступенью мусульманской профессиональной системы являлось **медресе**, представляющее собой школу повышенного типа. Медресе функционировали лишь в немногих крупных селениях, и поэтому число обучавшихся в них было незначительно. В этих школах обучались преимущественно дети состоятельных родителей, так как далеко не все родители могли выдержать расходы, связанные с обучением своих детей в другом ауле, отказаться от их помощи в хозяйстве.

Программы медресе включали изучение катехизиса, арабской грамматики, логики, курса мусульманского права. Здесь изучались также такие дисциплины, как география, астрономия, но в очень ограниченном объеме и в религиозном освещении. В медресе, как и в мектебах, господствовали схоластические методы преподавания, развитию самостоятельности учеников не уделялось внимания. Знания их в основном ограничивались умением переводить коран и более или менее грамотно писать по-арабски. Некоторые из окончивших медресе продолжали учебу под руководством известных ученых (алимов) и впоследствии сами получали это звание.

Наряду с перечисленными «организованными» формами образования известное распространение получило в Дагестане домашнее обучение детей чтению корана. Значительную часть детей, обучавшихся корану дома, составляли девочки. Родители предпочитали обучать их в домашних условиях, чтобы избежать общения с мальчиками. Абсолютное большинство девочек, обучавшихся корану, завершало свое «образование» приобретением навыков механического чтения его текста. Письму девочек, за редким исключением, не обучали.

Мы не располагаем статистическими данными о численности примечетских школ к началу XIX века, но, судя по материалам более позднего периода, в частности 60—70-х годов, и высказываниям отдельных авторов о насыщенности этими школами различ-

ных районов области, можно предположить, что их число колебалось между 600—900, а количество обучавшихся в них детей составляло 4500—6500 человек. Следует, однако, отметить, что количество примечетских школ было весьма непостоянным. Объясняется это тем, что открывались они в любое время года по усмотрению учителя-муллы, являвшегося полновластным и бесконтрольным руководителем такой школы. Кроме того, учащиеся часто переходили от одного муллы к другому, пользовавшемуся большей известностью. Таким образом, открытие новой профессиональной школы зависело в основном от наличия учащихся и преподавателя и, конечно, от возможностей родителей содержать его материально.

Главными источниками содержания дагестанских профессиональных школ служили доходы с вакуфных земель, закят, а также плата за обучение, взимаемая с родителей учащихся зерном, деньгами или мелким скотом⁶². Кроме того, по прохождении каждой главы корана, а также по окончании учебного года учащимся полагалось делать подарки своим учителям. Муллы получали, таким образом, зерно, мясо, вещи и, вдобавок к этому, хорошее угощение. Но богатые подарки и угощения не были сильны для всех родителей, и жадные муллы, видевшие в своей профессии выгодный источник получения материальных благ, старались иметь у себя на обучении детей состоятельных родителей. Это особенно относится к медресе, которые формально считались бесплатными учебными заведениями и где подарки родителей составляли доходную статью наставников их детей.

Обучение чтению в профессиональных школах осуществлялось по схоластическим методам. Объясняется это не только отсутствием контроля за ходом «учебного процесса», каких-либо единых методик, но и неподготовленностью преподавателей к такой работе, их невежеством. Эти преподаватели, по замечанию одного местного этнографа, «не менее учеников своих нуждались в образовании»⁶³.

Каждый мулла обучал детей так, как умел и считал нужным. Обучение начиналось с изучения арабской азбуки, после чего приступали к прохождению соответствующих глав корана. Каждая глава корана прочитывалась по нескольку раз до тех пор, пока ученик научится совершенно свободно и бегло читать ее, причем ни одного слова из прочитанного он не понимал⁶⁴.

⁶² Единых размеров платы за обучение в Дагестане не существовало. Там, где родители платили зерном, брали обычно 1—2 меры (25—50 кг), скотом — одного барана или овцу и т. д.

⁶³ Туземец. Грамотность в горах Дагестана//Этнографическое обозрение. 1900. № 1. С. 110.

⁶⁴ Там же. С. 117.

⁶⁰ Форфоровский С. Дагестанская мусульманская школа//Журнал Министерства народного просвещения. 1915. Ноябрь. С. 18—19.

⁶¹ Там же. С. 19.

А. Омаров следующим образом описывает занятия в религиозной школе, в которой он учился: мулла вызывал к себе каждого ученика по очереди и заставлял сперва прочесть вчерашний урок, потом сам читал новый урок с переводом, наконец, заставлял ученика прочесть то же самое, и это служило уроком для следующего дня; если же ученик не выучил вчерашнего урока, тогда новый урок откладывался. «В остальное время дня⁶⁵ ученики занимались сами, а кадий только изредка замечал, когда кто-нибудь из нас сидел без книги, что ученик должен иметь перед собой постоянно книгу»⁶⁶.

В конфессиональных школах господствовала палочная система. Родители, отдавая детей в школу, повторяли жестокую, узаконенную вековой традицией формулу: «кости мои, а мясо твое» и предоставляли ребенка во власть муллы»⁶⁷.

В отчете, относящемся к 1869 году, военный губернатор Дагестанской области писал: «Самым сильным оружием, которым мусульманское духовенство поддерживает и распространяет свое влияние на народ, бесспорно, служат мечетские школы и медресе. В них юношество со свойственным ему увлечением убеждается в том, что истина заключается только в коране и восходящих от него богословских и юридических науках, и все остальное есть суеверие и ложь, ведущие ко злу и гибели; в них возбуждается высокомерное презрение ко всему, что говорится и пишется не в смысле корана, причем они ревниво оберегаются наставниками от влияния всякого постороннего немусульманского элемента; словом, в этих училищах кладутся семена религиозной нетерпимости, фанатизма и той непримиримой вражды и ненависти к неверным, проявления которых в разных видах не раз мы видели и, вероятно, еще увидим не раз в разных частях Кавказа»⁶⁸.

В этой оценке главы царской военно-административной власти в Дагестане, хотя в ней и сквозит явная тенденциозность, отмечены, пожалуй, наиболее существенные моменты, которые обусловили огромное влияние мусульманской религиозной школы на местное население.

Преподаватели конфессиональных школ—муллы—воспитывали детей в духе примирения с существующим строем, подчинения воле сильных и имущих — ханов, беков и прочих феодалов, преклонения перед отсталыми феодально-деспотическими государства-

⁶⁵ Занятия в примечетских школах начинались рано утром, а кончались вечером, когда начинало темнеть.

⁶⁶ Омаров А. Воспоминания муталима//ССКГ. Вып. I. Тифлис, 1868. С. 23.

⁶⁷ Хасбулатов А. П. История советской школы в Дагестане: Канд. дис. 1947. С. 33.

⁶⁸ Отчет о состоянии Дагестанской области за 1869 год. Темир-Хан-Шура, 1869. С. 71.

ми Востока — Турцией и Персией. Проповедь покорности воле имущих, защита интересов господствующего меньшинства характеризует классовую сущность примечетских школ. Эти школы были призваны помогать эксплуататорам в угнетении трудящихся.

Наряду с мусульманскими примечетскими школами в Дагестане существовали школы для детей горских евреев при синагогах. Программы горско-еврейских школ мало чем отличались от программ примечетских школ. Разница состояла в основном в том, что в горско-еврейских школах дети обучались «грамоте и закону иудейской религии на древнееврейском языке»⁶⁹.

Способствовали ли сколько-нибудь эти школы умственному развитию и подъему общекультурного уровня населения?

До присоединения Дагестана к России примечетские школы являлись единственными очагами распространения грамотности среди местного населения. В этих школах горские дети обучались чтению и письму на арабском языке, а в медресе приобретали еще навыки пересказа арабского текста, получали сведения, правда зачастую искаженные, по астрономии, географии, а также другим дисциплинам. Поэтому было бы неправильно при оценке конфессиональных школ Дагестана не учитывать эту их роль.

Людьми, овладевшими грамотой на арабском языке, была создана письменность, которой пользовались в Дагестане на протяжении многих десятилетий, вплоть до 1928 года, когда был введен новый, основанный на латинской графике алфавит.

С другой стороны, нельзя и преувеличивать значение конфессиональных школ. Схоластические методы преподавания, господствовавшие в этих школах, притупляли сознание детей; оно отравлялось ядом религиозного фанатизма. В школах низшего типа — **мектебах — учащиеся**, кроме умения механически читать коран, практически мало что приобретали. Не случайно поэтому, что **еще в прошлом веке** эти школы подвергались резкой критике со стороны передовых представителей местного населения, сумевших подняться до понимания значения подлинного просвещения. Их отношение к мектебам характеризует, в частности, статья «Грамотность в горах Дагестана», опубликованная в журнале «Этнографическое обозрение» в 1900 году. Автор этой статьи «Туземец»⁷⁰ писал: «Что дает... ученикам в смысле их будущности изучение корана? Какими правами и преимуществами они пользуются по прохождении этой книги? Занимают ли они какое-нибудь общественное положение? И, наконец, отличаются ли они по своему раз-

⁶⁹ Козубский Е. И. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895. С. 153.

⁷⁰ Как установил Б. М. Городецкий в своей «Библиографии Дагестана с древнейших времен» (т. V, с. 86), автором статьи является Д. Б. Бутаев, уроженец сел. Ханаджи Казикумухского округа, этнограф и краевед.

витию хоть сколько-нибудь от других лиц, не обучавшихся корану? На все эти вопросы можно ответить отрицательно... Ни в коем случае не следует бестолково тратить столько времени (2—3 года) на то, чтобы мальчик только выучился читать, не понимая того, что читает»⁷¹.

Примечетские школы были оторваны от жизни, практики. Их главное назначение состояло в формировании религиозного мировоззрения у подрастающего поколения. Не только в мектебах, но даже в медресе учащихся не знакомили с природой, практические навыки не прививались. Это обосновывалось тем, что пророк Мухаммед «в своих книгах запрещает учиться наукам, которые более или менее способствуют правильному ознакомлению человека с природой и которые поэтому могут ослаблять в нем религиозный фанатизм»⁷². Это и понятно, так как религиозный фанатизм, слепая вера в предопределения корана помогали мусульманскому духовенству держать массы в невежестве, под своим влиянием, эксплуатировать трудящихся, наживаться за их счет.

В коране говорится, что «будущего не знает никто, кроме бога». На этом основании «ученый» гордец не допускал мысли, чтобы «человек мог достигнуть знания тайн природы посредством наук»⁷³. Однако это не мешало муллам, используя суеверный страх, который распространяла религия среди мусульман, обманывать массы и добиваться своих корыстных целей. Они охотно брали на себя роль знахарей, «исцеляющих от любых болезней», людей, могущих раздавать «чудодейственные талисманы».

Религия, таким образом, служила в руках мусульманского духовенства орудием духовного закабаления народа, средством поддержания эксплуататорских порядков. Примечетская же школа представляла собой один из важнейших очагов мусульманской религии, опору духовенства, стремившегося усилить свое влияние на массы.

instituteofhistory.ru

⁷¹ Туземец. Грамотность в горах Дагестана//Этнографическое обозрение. 1900. № 1. С. 111.

⁷² Омаров А. Указ. соч. С. 53.

⁷³ Там же.

ПРОСВЕЩЕНИЕ В ДАГЕСТАНЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

§ 1. Присоединение Дагестана к России и его прогрессивное значение

Русско-дагестанские связи восходят ко времени образования древнерусского государства. Их дальнейшее развитие происходило в условиях роста русского централизованного государства. Укрепление экономических и политических связей с русским государством имело большое значение для борьбы народностей Дагестана против ирано-турецких захватчиков и подготовки условий для присоединения Дагестана к России.

Дальнейшее усиление политического влияния России на Дагестан связано с царствованием Петра I. В результате каспийского похода Петра I (1722 г.) к России был присоединен г. Дербент и прибрежные районы Дагестана. Однако усилившиеся в царствование Петра I политическое влияние России на Дагестан и их связи, в силу ряда причин внутреннего и внешнего порядка, не привели к их закреплению при ближайших преемниках Петра I. Окончательное присоединение Дагестана к России произошло в начале XIX века, когда экономическое развитие России, рост ее военной мощи и международного авторитета, с одной стороны, и усиление русской ориентации горцев, с другой, создали необходимые условия для включения края в состав Российской империи.

Присоединение Дагестана к России было закреплено Гюлистанским мирным трактатом, заключенным Россией и Персией 24 октября 1813 года. Этот акт означал серьезный удар по агрессивным устремлениям ирано-турецких захватчиков и стоявшей за их спиной капиталистической Англии.

Заключив мирный трактат 1813 г., Персия вынуждена была признать включение в состав России земель, на которые она претендовала в течение столетий. Правда, правительство Персии, поощряемое Англией, вскоре начало добиваться пересмотра Гюлистанского договора. Однако Персии не удалось добиться этого, и она в 1828 г. при заключении Туркманчайского договора с Россией бы-

ла вынуждена по существу подтвердить условия Гюлистанского трактата.

Дагестан был включен в состав России в тот период, когда последняя переживала значительный экономический подъем в условиях усиливавшегося охвата товарно-денежными отношениями всех отраслей хозяйства и разложения феодально-крепостнической системы.

В этих условиях российское самодержавие стремилось расширить владения империи путем присоединения новых районов, в частности Северного Кавказа и Закавказья. Необходимость включения этих территорий в состав России диктовалась не только их важным стратегическим значением, богатыми сырьевыми ресурсами, но и значением как рынков сбыта продукции развивающейся промышленности метрополии. Кроме того, русское правительство придавало большое значение обеспечению широких торговых связей с Передней Азией.

Конечно, говоря о присоединении Дагестана и других национальных окраин к России, нельзя забывать, что царизм не преследовал никаких прогрессивных и тем более освободительных целей. Его внешняя политика определялась классовыми интересами русских помещиков и купцов, стремившихся к превращению, а впоследствии и превративших присоединенные окраины по сути в колонии Российской империи.

Однако при всей жестокости национальной политики царизма присоединение Дагестана к России было явлением объективно прогрессивным. Оно означало включение отсталого хозяйства Дагестана в сферу более передовой экономики России и установление с ней широких торговых связей, т. е. включение рынка Дагестана в сложившийся еще в XVII в. всероссийский рынок. В результате присоединения Дагестана к России его народы освободились от угрозы насильственного поглощения султанской Турцией и шахской Персией, от их опустошительных нашествий.

В конце XVIII—начале XIX вв. Турция переживала период феодальной раздробленности. Экономика страны находилась в состоянии упадка. Сельское хозяйство и ремесло испытывали огромные затруднения. Внутренние ограничительные пошлины, произвол пашей, разбой на дорогах задерживали развитие внутренней торговли, а внешняя торговля почти полностью находилась в руках иностранцев. Состояние упадка переживала культура. Население было почти сплошь неграмотно.

К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что турецкий помещик находится «на самой низкой и варварской ступени феодализма». К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали также стремление исламистского фанатизма «уничтожить любые прогрессивные начинания» в Турции и попытки подвластных народов освободиться из-под гнета турок, так как

их присутствие в Европе «представляет собой серьезное препятствие для развития всех ресурсов, которыми обладает фракийско-иллирийский полуостров»¹.

Персия в социально-экономическом отношении стояла еще ниже Турции. К началу XIX в. она оставалась «отсталой средневековой аграрной страной с безраздельным господством феодальных, а местами и полуфеодально-полупатриархальных производственных отношений»². Междоусобные распри, частые мятежи ханов, широко распространенные разбои на дорогах, тормозившие развитие торговли, имели своим следствием глубокий упадок экономики страны. Произвол феодальных правителей, вымогательство духовенства, в руках которого находилось гражданское судопроизводство и «народное образование», жестокая эксплуатация крестьян феодалами и разорительные феодальные войны приводили к массовой нищете в деревне, к периодическим голодовкам; среди крестьян свирепствовали эпидемии чумы и холеры³.

Общественно-экономическая отсталость, нескончаемые феодальные распри отражались на уровне культуры страны. Культура Ирана в рассматриваемый период переживала состояние крайнего упадка. Страна, выдвинувшая в прошлом ряд крупных деятелей в области философии, литературы и искусства, в XVIII в. не дала ни одного значительного имени⁴.

Таким образом, присоединение к Турции или Ирану увековечило бы феодальную раздробленность и междоусобицы в Дагестане, экономическую и культурную отсталость страны.

Присоединение Дагестана к России открывало перспективы приобщения горцев к передовой культуре русского народа, вовлекало их в классовые противоречия страны, в сферу обостренной классовой борьбы. Оно привело к ликвидации феодальной раздробленности и постоянных междоусобиц, являвшихся большим препятствием на пути экономического и культурного развития горцев.

Отмечая, что в эпоху своего упадка феодализм стал тормозом общественного прогресса, Ф. Энгельс писал о требованиях, «чтобы был положен конец бесконечным бессмысленным войнам, чтобы прекращены были раздоры между феодалами... чтобы прекратилось это состояние непрерывного и совершенно бесцельного опустошения...»⁵.

Вскоре после присоединения к России в Дагестане была запрещена работорговля, а в 60-х годах XIX в. рабство здесь было от-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 9. С. 6.

² Иванов М. С. Очерк истории Ирана. М.: Госполитиздат, 1952. С. 117.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. С. 409.

менено; ограничена, а впоследствии отменена власть ханов, в известной мере регламентированы и ограничены права местной феодальной аристократии и реакционного мусульманского духовенства.

Ко времени окончательного вхождения Дагестана в состав России экономика последней развивалась уже по капиталистическому пути, тогда как Дагестан переживал еще период феодальной раздробленности. Капитализм в период своего восходящего развития играл прогрессивную историческую роль, которая состояла, как указывал В. И. Ленин, в повышении производительных сил общественного труда и обобществлении его⁶. В. И. Ленин указывал, что «признание прогрессивности этой роли вполне совместимо... с полным признанием отрицательных и мрачных сторон капитализма, с полным признанием неизбежно свойственных капитализму глубоких и всесторонних общественных противоречий, вскрывающих исторически преходящий характер этого экономического режима»⁷.

Признавая исторически прогрессивную роль капитализма, развитие которого обнаружило еще в XIX в. «тенденцию к интернационализации способов производства и обмена, к уничтожению национальной замкнутости, к хозяйственному сближению народов и постепенному объединению громадных территорий в одно связанное целое», нельзя однако не учитывать, что «тенденция эта развивалась в своеобразных формах, совершенно не соответствующих ее внутреннему историческому смыслу. Взаимная зависимость народов и хозяйственное объединение территорий устанавливались в ходе развития капитализма не путем сотрудничества народов, как равноправных единиц, а в порядке подчинения одних народов другим, в порядке угнетения и эксплуатации народов менее развитых народами более развитыми»⁸.

Колониальные грабежи и захваты, национальный гнет и неравенство, империалистический произвол и насилие, колониальное рабство и национальное бесправие являются неизбежными спутниками процесса хозяйственного сближения народов при капитализме. Они составляют реакционную сторону происходящего при капитализме процесса хозяйственного сближения народов и объединения громадных территорий в одно связанное целое.

Итак, с одной стороны, хозяйственное сближение нерусских народов России в рамках общерусской капиталистической системы, ускорявшее их общественно-экономическое развитие, с другой,—

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 597.

⁷ Там же.

⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. Т. 2. М.: Политиздат, 1970. С. 434.

колониально-насильственные формы, военно-феодальные методы этого объединения, тормозившие рост экономики и культуры народов национальных окраин.

Капитализм создает материальные основания для более высокой, по сравнению с феодализмом, культуры. Заключаются они «в развитии капиталистической техники, в росте товарного хозяйства и обмена, приводящих людей в более частые столкновения друг с другом, разрушающих средневековую обособленность отдельных местностей»⁹.

Экономическое «завоевание» Кавказа, начавшееся вслед за окончательным присоединением его к России, привело к появлению промышленных очагов, главным образом, по переработке местного сырья, а следовательно, к появлению и росту городов, рабочего класса, носителя самых передовых революционных идей. Трудящиеся Дагестана обрели в лице русского рабочего класса верного друга в борьбе за свое национальное и социальное освобождение. Эта борьба, руководимая большевистской партией, вооруженной самой передовой революционной теорией, и привела к победе Советской власти в Дагестане.

Объективно-прогрессивным следствием присоединения Дагестана к России было появление в крае светских русских школ, медицинских учреждений, библиотек, типографий и других очагов культуры и просвещения. Эти учреждения, создававшиеся царизмом в плане осуществления своей русификаторской политики, объективно способствовали росту культуры горцев, расширению их кругозора. Светское образование, овладение русским языком и ознакомление с передовой литературой помогали горцам критически осмысливать современную им действительность, поднимали уровень их самосознания, способствовали освобождению от обветшалых обычаев и традиций.

Таким образом, присоединение к России означало не только включение отсталого народного хозяйства Дагестана в сферу более передовой экономики России, но и усиление проникновения в горы, вопреки субъективным намерениям царизма, передовой русской культуры. В. И. Ленин писал: «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, — но есть также великорусская культура, характеризуемая именами Чернышевского и Плеханова»¹⁰. Именно эта великорусская культура, характеризуемая именами Чернышевского и Плеханова, а также других передовых представителей великой русской нации, и служила источником, из которого прогрессивные люди национальных окра-

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 255—256.

¹⁰ Там же. Т. 24. С. 129.

ин, в том числе и Дагестана, черпали материал для своего духовного роста и деятельности, направленной на поднятие культурного уровня народа.

В начале второй половины XIX в. в России складывалась революционная ситуация. Характеризуя этот период, В. И. Ленин отмечал, что в условиях нарастания недовольства в России, требований политических реформ даже легальной либеральной печатью, широкой агитации герценовского «Колокола», могучей революционной пропаганды Чернышевского, студенческих волнений, крестьянских восстаний «...самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной»¹¹. В этот период нарастающей революционной ситуации, в 1851 году, Ф. Энгельс писал К. Марксу: «...Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар...»¹². Сравнивая Россию с Польшей, Ф. Энгельс отмечал в этом же письме, что в России имеется «гораздо больше элементов просвещения и в особенности элементов промышленного развития...»¹³.

Указания классиков марксизма-ленинизма о совместимости отмеченных выше двух противоположных (прогрессивных и отрицательных, мрачных) сторон капитализма, о сочетании в едином процессе прогрессивных сторон восходящего капитализма с жестоким национально-колониальным гнетом метрополии в колониях, о наличии двух культур в каждой национальной культуре, о цивилизующей роли России по отношению к Востоку помогают понять прогрессивно-историческое значение присоединения Дагестана к России.

Включение Дагестана в состав России привело к тому, что горцы, стоявшие, по выражению В. И. Ленина, «в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории»¹⁴, стали приобщаться к передовой культуре русского народа, к светской школе и образованию; оно создало условия для ликвидации феодальной раздробленности в Дагестане, постоянных междоусобиц. Дагестан втягивался в сферу общероссийской экономики и политической жизни, нивелировались его местные особенности, постепенно исчезала былая патриархальная замкнутость Страны гор, ее населения.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 29—30.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 27. С. 241.

¹³ Там же.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 594—595.

§ 2. Просвещение и школа в Дагестане в период антиколониального движения горцев

Вхождение в состав России открыло новую полосу в истории Дагестана. Горцы и русские получили возможность непосредственного взаимного общения, развития торговых и культурных связей. Дагестанцы стали часто ездить в русские города по своим торговым делам, а иные старались попасть и на русскую службу¹⁵.

Многочисленные факты говорят о мирном настроении горцев, об их стремлении жить в дружбе с русскими. Так, начальник русских войск в Дагестане генерал Хатунцев писал, что «народ кюринский (лезгины — Г. К.) вообще ласковый и скоро привыкающий к обращению с русскими»¹⁶. Другой русский генерал Розен указывал, что, хотя у салатавцев вера магометанская, к России они «ненависти не питают» и расположены «к мирной и дружелюбной жизни...»¹⁷.

Более того, ряд фактов свидетельствует о том, что горцы нередко открыто выступали против тех феодальных владетелей, которые призывали к войне с русскими, изменяли России. Генерал Вrede в апреле 1820 г. писал в рапорте генералу Вельяминову: «В Кураг приезжало несколько старшин казикумухских. Они уверяли меня, что казикумухцы ожидают только прибытия к ним наших войск, с появлением которых народ весь готов передаться нашему правительству и, ежели Сурхай-Хан вздумает сопротивляться, избрав место к защищению, то они намерены его схватить и отдать русским»¹⁸. О своем стремлении жить мирно и спокойно сообщало в июле 1826 г. Даргинское общество в письме генералу Ермолову: «Мы не любим смут и интриг, не желаем войны в гордах, не подчинимся никому из посторонних эмиров и останемся постоянно спокойными. Мы сделаем строго внушение и запрещение всем тем, которые позволили бы себе поступать против такой нашей решимости»¹⁹.

Однако официальная политика самодержавия не только не соответствовала мирным стремлениям горских и русского народов, но и преследовала противоположные цели. После утверждения царизма на Кавказе в начале XIX в. она стала более жестокой и

¹⁵ ЦГА ДАССР. Ф. 133. Оп. 2. Д. 2. Л. 10.

¹⁶ Материалы для истории Кавказа и Кавказских войн, собранные Бушеном. ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 6164. Л. 536.

¹⁷ Описание народов, принадлежащих правлению начальника войск левого фланга Кавказской линии и соседственных покорных и непокорных. ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 18502. Л. 16.

¹⁸ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Т. VI. Ч. II. Тифлис, 1875. С. 13.

¹⁹ Там же. С. 85.

дискриминационной. Если в период подготовки присоединения Северного Кавказа и Дагестана к России царизм в целях ослабления влияния Персии и Турции и укрепления своих позиций в этом районе заигрывал с местными феодальными владетелями и придерживался относительно осторожной политики, то после окончательного утверждения своего господства в этом районе он становится на путь грубого попирания интересов горских народов, колониальных по сути форм и методов освоения края и управления им.

В усилении такой политики некоторые дагестанские феодальные владетели усмотрели, как и следовало ожидать, ограничение их политической власти и возможное ослабление экономических позиций. В результате часть феодальных владетелей решила оказать сопротивление действиям русских властей.

Проводимая царизмом в Дагестане политика сопровождалась усилением эксплуатации трудящихся со стороны местных феодалов, дальнейшим ограничением прав горских крестьянских масс. Естественно, политика самодержавия вызывала недовольство горского крестьянства. Будучи основной движущей силой выступлений против царизма, горское крестьянство стремилось вооруженной борьбой освободиться не только от колониального гнета, но и от феодальной эксплуатации. В последнем интересах горского крестьянства были прямо противоположны целям феодальных владетелей. Нетрудно поэтому понять, почему феодалы были всегда готовы идти на сделку с царизмом за счет крестьян.

Политика царизма вызвала оппозицию и мусульманского духовенства. При этом оно преследовало свои собственные интересы. Мусульманское духовенство понимало, что включение Дагестана в состав царской России, где государственной религией являлось православное христианство, повлечет за собой потерю былых привилегий, ослабление влияния на горские массы. Поэтому мусульманское духовенство будоражило население, призывало к выступлению за сохранение «чистоты» мусульманской религии.

Как указывается в «Записке об устройстве мусульманского духовенства за Кавказом», магометанское духовенство «имело сильное влияние на жителей, ибо в руках его находилось судопроизводство и к нему обращался народ во всех сомнительных случаях частной жизни. Это влияние, с введением российского управления и законов, ослабело и с каждым годом уменьшается»²⁰.

Серьезное недовольство духовенства вызывало также введенное царскими властями ограничение паломничества кавказских мусульман в Мекку. Уже в 20-х годах XIX в. русское командование на Кавказе ввело положение, согласно которому кавказские му-

²⁰ Акты, собранные Кавказской археологической комиссией. Т. IX. Тифлис, 1884. С. 134.

сульмане могли выезжать в Мекку не иначе, как по особым пропускам царской администрации.

Таким образом, горское крестьянство, с одной стороны, феодалы и мусульманское духовенство, участвовавшие в антиколониальном движении,— с другой, преследовали различные цели, соответствовавшие их классовым интересам, их классовому положению.

К началу 20-х годов XIX в. антиколониальное движение горцев приняло широкие размеры. Однако в ходе этой борьбы горское крестьянство воочию убедилось в том, что интересы феодальных владетелей противоположны его интересам. Феодалы, возглавлявшие антиколониальную борьбу горцев, и не помышляли об улучшении положения трудящихся. Местное крестьянство хорошо знало их как жестоких угнетателей. Поэтому ханско-бекские лозунги и призывы к антиколониальной борьбе в течение длительного времени не могли быть популярными среди основных масс горского крестьянства.

В этих условиях сильное влияние на антиколониальное движение начинает оказывать мусульманское духовенство. Идеи мюридизма, получившие все более широкое распространение в горах особенно со второй половины 20-х годов, должны были объединить различные слои дагестанского населения и поднять их на борьбу за «чистоту» мусульманской религии, против «неверных», против России.

Мюридизм как религиозное учение возник еще в XIV в. в Средней Азии. Начало его распространения как одного из воинствующих течений в мусульманстве связано с деятельностью ордена накшбенди, основанного шейхом Багаутдином Накшбенда в Бухаре (умер в 1388—1389 г.). Наряду с проповедью чистоты суннитского мусульманства накшбендисты призывали к борьбе против неверных. Воинствующий характер ордена накшбендистов соответствовал завоевательским устремлениям бухарских эмиров, Тимура, а позднее турецких султанов, поэтому накшбендисты пользовались покровительством указанных правителей и поддержкой агрессивных настроенных военно-феодальных кругов. Неслучайно, что в XIX в. в Турции среди 32 монашеских орденов одним из наиболее известных был орден накшбендистов, в члены которого вступали «преимущественно самые знатные люди»²¹.

Согласно учению мюридизма, мусульманин, ставший мюридом, должен не только строго соблюдать все установления шариата, проводить время в молитвах, но и активно участвовать в газавате, войне против немусульман, неверных.

Главный идеолог мюридизма и зачинатель его распространения

²¹ Кавказский сборник. Вып. 10. Тифлис, 1886. С. 5; *Фадеев А. В.* Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 323.

в Дагестане мулла Магомед Ярагский в одном из своих воззваний к народу говорил: «Народ!.. Магометане не могут быть под властью неверных... Кто считает себя мусульманином, для того первое дело газават и потом исполнение шариата. Для мусульманина исполнение шариата без газавата не есть спасение»²².

Таким образом, борьбу против неверных проповедники мюридизма на Кавказе ставили во главу угла этого учения и вообще мусульманской религии. Идея газавата приобретала политическую окраску. В условиях колониальной политики царизма, усиления социального гнета эти лозунги воспринимались широкими массами горского крестьянства как призыв к борьбе не только за завоевание религиозной независимости, но и за социальное равенство, избавление от ханско-бекской эксплуатации. Проповедники мюридизма провозглашали, что правоверные не могут быть ничьи рабами или подданными, что все они «равны перед богом». Эта пропаганда сопровождалась резкой критикой тех феодальных кругов, которые сотрудничали с царизмом, служили ему.

В результате идеи мюридизма довольно быстро распространялись среди широких слоев дагестанского населения и, овладев ими, становились серьезной силой, объединявшей горские массы на антиколониальную борьбу.

Дореволюционные буржуазно-дворянские историки утверждали, что антиколониальное движение горцев северо-восточного Кавказа было вызвано не социально-политическими причинами, а распространением учения мюридизма. Советская историческая наука опровергла эти утверждения и доказала, что в основе движения кавказских горцев 20—50-х годов XIX в. лежали глубокие социальные причины, что оно было вызвано колониальной политикой царизма, феодальным гнетом, а мюридизм являлся религиозно-политическим лозунгом антиколониальной, освободительной борьбы.

С другой стороны, история движения горцев северо-восточного Кавказа дает убедительный материал, характеризующий реакционную сущность мюридистской идеологии. Известно, что учение ислама, одной из ветвей которого является мюридизм, делит народы на правоверных и неверных. Оно привело к изоляции движения горцев от освободительной борьбы других народов России, затушевывало классовые интересы трудящихся и стало одной из причин, обрекших это движение на неудачу.

Мюридизм и Кавказская война отрицательно сказались на хозяйственной и культурной жизни дагестанских горских народностей, нанесли ей огромный ущерб. От военных действий пострадали районы южного и нагорного Дагестана, где многие аулы были почти полностью разрушены. Вместе с разрушением аулов уничтожались

²² Кавказский сборник. Вып. 10. С. 20.

и памятники материальной культуры горцев, прекрасные сооружения древности и средневековья. Из разрушенных аулов такими памятниками славились, в частности, Цудахар, Хунзах, Ругуджа, Чох, Тарки. В ходе военных действий разрушению подверглось много мостов, представлявших собой не только объекты военно-экономического значения, но нередко и замечательные памятники материальной культуры, искусства дагестанских камнерезов.

Война, отвлекшая горцев от мирных занятий, отрицательно повлияла на развитие художественных промыслов. Изготовление художественных изделий из золота, серебра, меди, железа и слоновой кости, а также гончарное и деревообделочное производство сократились. Этому способствовало ухудшение торговых связей населения районов военных действий со своими соседями как внутри Дагестана, так и за его пределами.

Другим препятствием на пути развития культуры в период Кавказской войны являлись многочисленные ограничения и запреты, вводившиеся в горскую жизнь согласно установлениям шариата и мюридизма. Приверженцы мюридизма вынуждали золотых и серебряных дел мастеров заменять традиционный народный орнамент выведением различного рода изречений из корана. Жесткий контроль и преследования со стороны шариатистов мешали творческой деятельности мастеров, задерживали развитие дагестанской художественной культуры.

Высоким художественным совершенством, богатством композиции, изяществом и тонкостью исполнения отличались произведения горских камнерезов. Резьба по камню применялась в Дагестане для оформления внутренних и наружных архитектурных деталей зданий. Разностороннее, отражавшее жизнь горцев реалистическое искусство камнерезов сузилось; мастера-камнерезы стали превращаться в ремесленников, изготовлявших главным образом надгробные памятники для мусульманских «святых».

Сократилось в период Кавказской войны деревообделочное производство, а изготовление музыкальных инструментов в горах было вовсе запрещено.

Продолжительная, изнурительная война сказалась на веками складывавшейся системе просвещения в Дагестане, хотя существенных изменений она не претерпела²³. Имамы, в особенности Шамиль, уделяли немало внимания вопросам воспитания и обучения молодежи. Перед школами в имамате Шамиля ставилась совершенно определенная задача: воспитывать из подрастающего поколения верных приверженцев шариата, всегда готовых пожертвовать собой в борьбе против неверных. Шамиль строго следил, чтобы мусульманская школа выполняла это свое назначение. При нем

²³ Изменения коснулись в основном системы обучения и воспитания в районах, находившихся под управлением Шамиля.

горцам, как никогда, вменялось в обязанность, наряду с активным участием в военных действиях, воспитание детей в духе газавата, в духе презрения ко всему немусульманскому. Даже в условиях военного времени он заботился о материальной базе религиозных школ, принимал меры, исключающие возможность прекращения обучения детей в своих тыловых районах.

Хотя имамат и испытывал большую нужду в средствах для ведения продолжительной войны против такого сильного противника, как царизм, и Шамиль вынужден был изыскивать все новые источники для пополнения казны, закят²⁴ он оставил в распоряжении духовенства. За счет закята материально поддерживались не только бедные горцы, но и мечети, и религиозные школы. Кроме того, в пользу учителей, ученых и религиозных школ в имамате Шамиля выделялась еще пятая часть военной добычи и трофеев, захваченных у противника. Правда, она не всегда поступала по назначению, так как выплата ее зависела от успехов военных действий горцев и общего состояния казны имамата²⁵.

Шамиль считал, что горские дети, обучающиеся в примечательных школах, должны прежде всего в совершенстве изучить коран, а затем другие религиозные книги. Уже находясь в ссылке в Калуге, Шамиль лично обучал своих сыновей корану, руководил изучением ими других религиозных книг, позволяющих, как он говорил, в совокупности полностью усвоить «кодекс ислама»²⁶.

По свидетельству современников Шамиля, он, даже будучи главой имамата, часто «отправлялся по аулам учить народ шарикату»²⁷. Правда, «уроки» его, признают они, были очень суровые²⁸. В школах, семьях, общественных местах преподавались «истины низама»²⁹ (кодекса) Шамиля.

Одним из звеньев в «просветительской системе» имамата являлось обучение на «мюрида по тарикату»³⁰. Обучаться могли горцы независимо от возраста, состояния и даже образования. После заявления о желании стать мюридом горец получал наставления, ему указывали религиозные книги для чтения и места в них, заслуживающие особого внимания. Такие мюриды посвящали свою

²⁴ *Закят (закат)* — религиозный «очистительный» налог у мусульман, взимание которого предписано в коране. В феодальных мусульманских государствах уплата закята была обязательна для мусульман, владевших каким-либо видом имущества.

²⁵ Военный сборник. Т. XXIII. 1862. С. 377.

²⁶ АКАК. Т. XII. С. 1415.

²⁷ *Вердеревский Е. А.* Плен у Шамиля. Ч. II. Спб., 1856. С. 40.

²⁸ Там же.

²⁹ *Низам* (араб.) — строй, порядок. Низамом называлось также регулярное войско.

³⁰ *Тарикат* — система религиозных представлений и действий, приводящих, по мнению фанатично верующих мусульман, к познанию аллаха и соединению с ним.

жизнь изучению тариката и отказывались от связей с внешним миром. Ни житейская суета, ни даже военные действия для них не существовали. «Только изредка являлся он (учащийся. — Г. К.) к своему учителю для беседы, для разъяснения представившихся ему недоразумений»³¹.

Однако Шамиль понимал, что для ведения изнурительной войны нужны люди закаленные, физически сильные. Поэтому в имамате особое внимание обращалось на воспитание в молодых горцах выносливости, привитие качеств, необходимых воину, сражающемуся в суровых горных условиях. Обучение военному делу стало в имамате Шамиля одной из важнейших составных частей системы воспитания и образования. Каждому наibu вменялось в обязанность обучать молодежь военному делу. Создавались военные школы. В укрепленном районе Шамиля — Ведено, например, было несколько таких школ. Здесь с молодежью занимался старший сын имама Гази-Магомед и другие опытные мюриды. Молодые люди, прошедшие подготовку в военных школах под руководством искушенных в военных делах мюридов, составляли ценное пополнение армии имамата. От мюридов, готовящихся к активным военным действиям, не требовалось, чтобы они получили высокое религиозное образование. Все их познания «в книжной области ограничивались чтением корана и сознанием необходимости газавата»³².

Для характеристики взглядов Шамиля на образование и воспитание горской молодежи после подавления движения 20-х — 50-х гг. многое дают его мысли, высказанные царскому приставу при нем в Калуге полковнику Руновскому. По свидетельству Руновского, Шамиль считал, что «лучшим средством для воспитания детей в духе теперешних потребностей страны» являются «школы, расположенные в местах, ближайших к их родине, так, чтобы родители воспитанников имели бы возможность лично видеть быт их и успехи в деле воспитания. При этом условии следует ожидать того, что горцы с большею охотой будут доверять воспитание своих детей правительству. Вызвать же это доверие и принять на себя обязанность воспитания детей туземцев правительство должно желать ради того, чтобы воспрепятствовать им воспитывать молодое поколение в духе старого, и это самое необходимо для окончательного и вполне разумного смягчения нравов побежденных и для постепенного слияния их с победителями»³³.

Разумеется, эти высказывания следует рассматривать и оценивать в свете конкретных обстоятельств, условий жизни Шамиля в царском плену. Вместе с тем они в определенной мере учитывают

³¹ Военный сборник. Т. XXIII. С. 362.

³² Там же.

³³ АКАК. Т. XII. С. 1466.

объективные перспективы развития дела образования и воспитания молодежи Дагестана, ставшего частью Российской империи.

Пока же продолжалась борьба горцев, Шамиль не допускал и мысли о контактах с русскими в области школьного образования и воспитания. Завоз и распространение русских книг были запрещены под страхом строжайшего наказания. Один из сыновей Шамиля рассказывал полковнику Руновскому, что брат его Джамалэддин³⁴, «умиравший, можно сказать, от жажды к чтению, имел у себя много русских книг (более 300 томов), частью завезенных им из России и частью взятых вместо денег за освобождение одного пленного грузина, которого Шамиль отдал ему в рабство и которого он не замедлил отпустить. Несмотря на то, что Шамиль не мог надыхаться Джамалэдином, последний из опасения жестокого наказания, а главное из страха неминуемого сожжения книг, должен был прятать их от отца самым тщательным образом и даже сделал для них особое секретное помещение»³⁵.

Имамы старались окружить себя учеными-теологами, толкователями шариата, заботились об обеспечении благосостояния духовенства. Последнее рассматривалось как сила, способная обосновать необходимость вооруженной борьбы против неверных, воодушевлять мусульман на ее ведение и возвеличивать власть имамов. Сосредоточив в своих руках все дело школьного образования, духовенство оказывало огромное влияние на умы подрастающего поколения, воспитывало молодежь в духе непримиримой вражды к противникам ислама и шариата.

Однако в начальный период движения горцев некоторые представители духовенства выступали с критикой воинствующего мюридизма и стали в оппозицию к первым имамам: Гази-Магомеду и Гамзат-беку. Среди этих оппозиционеров были виднейшие дагестанские алимы Саид Араканский, Мухаммед-кади Хунзахский, Лачинилау, Джамалутдин Казикумухский. Гази-Магомед предпринял специальную экспедицию против своего бывшего учителя Саида Араканского. Дом Саида был разрушен до основания, все имущество расхищено, рукописи его, как враждебные мюридизму, сожжены. Сам Саид Араканский спас жизнь бегством в Казикумух³⁶. Другой противник нового учения Мухаммед-кади Хунзахский был убит мюридами Гамзат-бека при истреблении аварского ханского дома в 1834 году³⁷. Лачинилау продолжал выступать с критикой мюридизма вплоть до начала 40-х годов XIX в.

³⁴ Джамалэддин. — сын Шамиля, с 1839 по 1852 гг. находился в царском плену, где он выучился русскому языку.

³⁵ АКАК. Т. XII. С. 1414.

³⁶ Услар П. К. Этнография Кавказа. Языковедение. Вып. II. Тифлис. 1888. С. 39.

³⁷ Там же.

В 1843 г., в пору военных успехов Шамиля, Лачинилау явился к нему с повинной, и тот простил его.

Лачинилау был одним из немногих дагестанских ученых эпохи Кавказской войны, который пытался распространить среди горцев родную аварскую письменность. Письменность эта была создана на арабской графической основе с добавлением соответствующих знаков для обозначения звуков аварского языка. Шамиль открыто не выступал против попыток распространения аварской письменности, но и не симпатизировал им³⁸.

Из всех вышеназванных алимов наибольшей популярностью среди горцев пользовался, пожалуй, Джамалутдин Казикумухский, который считался учителем всех трех имамов. Хотя Джамалутдин был одним из ортодоксальных шариатистов, он не симпатизировал воинствующему духу мюридизма и не одобрял войны с русскими.

В 1842 году Джамалутдин посетил укрепленный лагерь Шамиля Дарго. Он собрал мюридов и в своей проповеди критиковал их за то, что они разбойничали в Казикумухе и грабили его жителей. По свидетельству очевидца, обращаясь к Шамилю, Джамалутдин говорил: «Я строго запрещал тебе поднимать оружие против русских, но ты не послушался и может быть для собственной гибели. Но я и теперь советую прекратить войну»³⁹.

С распространением мюридистской идеологии связано еще большее ограничение прав женщины в семейной и общественной жизни, дальнейшее сужение ее гражданских свобод. Шариат, на котором основывались все установления в имамате, строго запрещал женщине не только участвовать в решении общественных дел, но и появляться в обществе мужчин. Провинившуюся подвергали наказанию. Наказания не избегал и тот, кто выступал в защиту нарушительницы запрета, независимо от того, кем он приходился последней. Правда, в низаме Шамиля делалась попытка упорядочить брачные и бракоразводные дела горцев. В частности, был установлен единый максимальный размер калыма, значительно меньше того, который фактически взимался до этого родителями невесты. Но и эта мера не могла помочь облегче-

³⁸ После подавления движения горцев Лачинилау жил в Хунзахе. В начале 60-х годов он активно сотрудничал с П. К. Усларом. С помощью Лачинилау Услар разработал аварский алфавит на русской графической основе. В письме к академику А. Берже от 3 июня 1864 г. П. К. Услар отмечал: «Единственная моя аварская азбука, за которую я вместе с Лачинилау и целым Хунзахом готов стоять горой, есть та, которую препровождаю теперь к Вам, очень может быть, что по неполучении шрифтов, ей придется ждать довольно долгое время печати, и опасаясь, что ежели пошло ее прямо в штаб, то она затеряется где-либо между бумагами». Там же. С. 37, 40.

³⁹ Движение горцев северо-восточного Кавказа в 20—50-х гг. XIX века: Сборник документов и материалов / Составители: Гаджиев В. Г., Рамазанов Х. Х. Махачкала, 1959. С. 419.

нию доли горянки, так как в условиях ее бесправного положения расторжение брака всецело зависело от произвола мужа, а материальное положение разведенной — в определенной степени от размера калыма.

Сам Шамиль, по свидетельству некоторых современников, был настолько «ожесточен против женщины»⁴⁰, что именно в ней он видел причину частых разводов в Дагестане. По мнению Шамиля, характер горской женщины вследствие «органических и моральных ее несовершенств сложился так дурно, что очень часто делает ее неспособною угодить своему мужу»⁴¹. Таким образом, выходило, что не пороки социального устройства горской жизни, не шариат, державший женщину в двойной кабале, а характер горянки обуславливал частые разводы в стране.

Объясняя причины, почему в Дагестане женщин не учили писать, Шамиль подчеркивал, что умение писать способствовало бы росту женского распутства. Запретив женщинам учиться письму, он, по его словам, «отнял у женщин возможности нарушать целомудрие»⁴². Шамиль отмечал, однако, что сам он не ввел здесь ничего нового, а руководствовался сочинениями некоторых муштаидов⁴³ и что это «принадлежность суннета»⁴⁴.

Особенно тяжелым было положение пленницы, которая становилась рабой владельца. Даже если владелец вступал с ней в брак, она не получала прав, равных с другими, взятыми из свободного состояния. Для нее вообще не было развода. Муж-владелец мог продать, подарить и даже убить свою жену, если от нее не было детей. Дети пленницы были лишены прав, которыми обладали другие дети. После смерти мужа-владельца положение пленницы еще более усугублялось. Если муж перед смертью не дал ей свободу или не оставил завещание на этот счет, пленница поступала в полное распоряжение его родственников, которые могли продать ее как простую рабыню⁴⁵.

В имамате, по свидетельству современников, были запрещены танцы, музыка⁴⁶. Танцы были запрещены шариатом не полностью.

⁴⁰ АКАК. Т. XII. С. 1456.

⁴¹ Там же. С. 1455.

⁴² Там же. С. 1416.

⁴³ *Муштаид*, *муштахид* (араб.) — достигший высшей степени знания в юридических, богословских науках. Верхушка сословия богословов-законоведов, которые могут высказаться по вопросам религии и права и давать юридические заключения.

⁴⁴ *Суннет*, *сунна* (араб.— образ действий, поведение) — мусульманское священное предание, изложенное в рассказах (хадисах) о поступках и изречениях пророка Мухаммеда. Эти рассказы поясняют и дополняют коран.

⁴⁵ АКАК. Т. XII. С. 1458.

⁴⁶ *Острогорский М.* Завоевание Кавказа: Рассказ из отечественной истории (1801—1864). Спб., 1880. С. 27.

Для них делались исключения в двух случаях: свадьба и празднование обрезания. В дни этих празднеств мусульманам разрешалось танцевать сколько угодно с тем, однако, условием, чтобы мужчины и женщины танцевали в разных помещениях. Шамиль вовсе запретил танцы, а нарушителей стал наказывать⁴⁷. Горца, осмелившегося танцевать, избивали⁴⁸. Думается, введение этого запрета было не столько связано с отрицательным отношением Шамиля к танцам, сколько продиктовано суровыми условиями войны.

Наказанию подлежали и уличенные в пристрастии к музыке. Их подвергали аресту или палочным ударам, а принадлежащие им музыкальные инструменты немедленно уничтожались⁴⁹.

Однако горцы продолжали следовать своим традициям и не отказывались от народной музыки и танцев. Это отмечают многие дореволюционные русские авторы: «Шамиль сколько ни старался вывести пляску, как строго ни преследовал за нее, но туземцы все-таки не оставляли этого рода увеселения. Собираясь по ночам в подвалах и конюшнях, они, тайком от шпионов, предавались полному разгулу и веселью — устраивали танцклассы и плясали лезгинку»⁵⁰. То же самое отмечает и другой автор, побывавший в Дагестане вскоре после окончательного подавления движения горцев и пленения Шамиля. Он пишет: «Несмотря на то, что в течение более двадцатипятилетнего управления Шамиля в Дагестане строгаише были запрещены музыка, танцы и пение, теперь они всюду вводятся. Видно, что если чего желает народный характер, то это нелегко искоренить самыми крутыми наказаниями»⁵¹.

Сохранилось много народных песен, созданных в период Кавказской войны и послевоенные годы. Темой этих песен служили события, связанные с военными походами царских войск и горцев, сражения, разорение аулов в ходе военных действий, подвиги руководителей и участников антиколониального движения и др. Такими, в частности, исторические песни аварцев «О разорении Мехтуллы», даргинцев «Про поход Ермолова в Акушу в 1819 г.», лакцев «О курахской битве», повествующие о событиях первой четверти XIX в.

Особенно много исторических песен связано с борьбой горцев под руководством Шамиля. Большинство их посвящено сражениям горцев с царскими войсками, Шамилю, его наibaм: «О взятии Ахульго», «О взятии Чоха», «О боях за Салты» (аварские), «Бурш-

⁴⁷ *Руновский А.* Кодекс Шамиля//Военный сборник. Т. XXIII. 1862. С. 385.

⁴⁸ *Дубровин Н.* Указ. соч. С. 479.

⁴⁹ АКАК. Т. XII. С. 1478; *Руновский А.* Кодекс Шамиля//Военный сборник. Т. XXIII. 1862. С. 384—385; *Дубровин Н.* Указ. соч. С. 479.

⁵⁰ *Дубровин Н.* Указ. соч. С. 570.

⁵¹ *Глиноецкий Н.* Поездка в Дагестан//Военный сборник. Т. XXIII. 1862. С. 396—397.

линский бой» (даргинская), «Шамиль», «Хаджимурад в Аксае» (лакские), «О Хаджи-Мураде» (кумыкская), «О Бук-Магомед-Казикумухском» (даргинская, лакская). Сохранилось поэтическое произведение, посвященное последним событиям Кавказской войны, — «Пленение Шамиля». Автор этого произведения Магомед-бек из Гергебиля — участник антиколониального движения горцев — взволнованно рассказывает о последних событиях войны, пытается объяснить причины поражения Шамиля⁵².

Среди исторических песен эпохи Кавказской войны встречаются и такие, в которых отразилось мировоззрение феодалов и их приближенных. Таковы песни «Гибель хунзахских князей», «Убиение Гамзата», «Шайх и Аглар», в которых осуждались действия руководителей антиколониального движения горцев⁵³.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

⁵² История Дагестана. Т. II. М., 1968. С. 318—319.

⁵³ Там же. С. 319.

ШКОЛА И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В ДАГЕСТАНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

§ 1. Создание государственной системы школьного образования

После завершения Кавказской войны Дагестан окончательно втягивается в сферу общероссийской политической и экономической жизни. В конце 50-х и в 60-х годах XIX в. царское правительство проводит в Дагестане, ставшем одной из окраин России, административную, судебную и крестьянскую реформы, реформу сельского управления. Была образована Дагестанская область, разделенная на четыре военных отдела: Северный Дагестан, Верхний Дагестан, Средний Дагестан и Южный Дагестан, два гражданских управления: Дербентское градоначальство и Управление портовым городом Петровском с примыкающими к нему землями; введено так называемое военно-народное управление во главе с начальником Дагестанской области (позднее — военным губернатором), в руках которого сосредоточивалась вся военная и гражданская власть. Начальником области (военным губернатором) назначались исключительно лица из числа царских генералов. Вскоре после образования Дагестанской области была ликвидирована власть ханов.

В 60-х годах XIX в. под влиянием падения крепостного права в России в Дагестане была освобождена часть феодально зависимых крестьян, освобождены рабы и отменено рабство вообще. Административно-судебные и крестьянская реформы 60-х годов, вызванные изменившимися политическими условиями, экономическим развитием края, дальнейшим обострением классово-войсковой борьбы, а также стремлением правящих кругов царской России подчинить экономику Дагестана интересам развивающегося русского капитализма, имели важные последствия. Они способствовали ломке патриархально-феодальных устоев в экономике и в быту горцев, создали определенные предпосылки для развития капиталистических отношений. Ускорился процесс сближения отдельных частей

края, ликвидации их экономической раздробленности. Усилились связи населения Дагестана с соседними народами Кавказа.

В пореформенный период и в последующие десятилетия XIX в. в Дагестане бурно развивалось отходничество, которое усиливало подвижность населения, его связи с культурным миром, вносило новые, объективно-прогрессивные черты в жизнь горцев.

В 90-х годах XIX в. была проложена железная дорога по Приморскому Дагестану. Владикавказская железная дорога связала Дагестан с промышленными и культурными центрами внутренней России и Закавказья, способствовала более быстрому развитию фабрично-заводской промышленности, а следовательно, и городского населения края.

Изменения в социально-экономической и общественно-политической жизни Дагестана во второй половине XIX в. создавали объективные предпосылки для прогресса культуры горцев, сдвигов в области народного просвещения.

История народного образования в Дагестане до присоединения к России — это, как мы уже видели, история конфессиональной системы обучения подрастающего поколения, представленной религиозными мектебами и медресе, а также горско-еврейскими школами при синагогах. С вхождением Дагестана в состав России начинается новый период истории просвещения горских народов. Он характеризуется появлением светских учебных заведений, где выходцы из местной эксплуататорской верхушки стали обучаться основам современных знаний, проходить предварительную ступень, необходимую для подготовки в последующем к службе в местном военно-административном аппарате, в различных сферах хозяйственной, культурной и другой деятельности.

Первым по времени русским учебным заведением в Дагестане было Дербентское уездное училище, основанное в 1837 г.¹ Училище это, как и уездные училища Закавказья, открытые на основании Положения от 12 мая 1835 г., имело целью распространение в крае «начальных сведений и приготовление учащихся к продолжению курса учения в Тифлисской гимназии»². Дербентское уездное училище открылось в составе трех классов, из которых один — подготовительный. Наряду с другими предметами в училище преподавались армянский и азербайджанский языки. На содержание училища расходовалось 1780 рублей.

В первые годы в училище обучалось небольшое число учащихся

ся. Так, в 1838 г. число учеников Дербентского училища едва достигало 35 человек, причем из общего количества учащихся 14 являлись детьми дворян и чиновников. В последующие десятилетия число учащихся Дербентского уездного училища росло следующим образом: в 1848 г. в училище обучалось 57 учащихся, в 1858 г. — 84, в 1868 г. — 84, в 1878 г. после преобразования уездного училища в трехклассное городское — 125 учащихся³.

В конце 40-х годов в Дербенте открывается второе учебное заведение — мусульманская школа. В отличие от уездного училища, в эту школу принимались только дети мусульман, как говорилось в уставе, «всех свободных состояний». В 1849 г. кавказским наместником было открыто 8 таких школ, в том числе одна в Дагестане (г. Дербент). Мусульманские школы призваны были вооружить детей-мусульман знаниями «по законам их веры» и помочь им «изучить русский язык в объеме, потребном для них в общежитии»⁴.

В организации мусульманских школ принимал участие известный русский ориенталист Н. Ханыков. С учетом советов Ханыкова разрабатывались программы и учебные планы мусульманских школ, проводилась укомплектовка преподавателями. Первый преподаватель Дербентской мусульманской школы Айгун-кади Дженгутайский также был назначен по рекомендации Ханыкова.

Для обучения в Дербентской школе из разных концов Дагестана съехались аварцы, даргинцы, кумыки, табасаранцы и представители других горских народностей. Среди учащихся, наряду с детьми школьного возраста, были 23—25-летние молодые люди. Большинство учащихся уже в первый год учебы в школе изучали помимо арабского и русский язык, хотя первоначально, согласно предписанию наместника Кавказа Воронцова, изучение этого языка не было обязательным. В короткий срок некоторые учащиеся научились читать по-русски довольно свободно⁵.

Однако число учащихся Дербентской мусульманской школы было весьма невелико. По уставу в ней должно было обучаться 60 человек. К концу 1851 г. в школе обучалось всего 56 учащихся, из которых 8 жителей Дербента, остальные 48 учащихся из других мест Дагестана. В последующие годы количество учащихся из-за материальных затруднений, жаркого климата и «отдаленности Дербента от главных пунктов суннитского населения» сократилось. В связи с этим было признано целесообразным перевести школу в Темир-Хан-Шуру. Это мотивировалось и тем, что в окрестностях

¹ В 1877 г. Дербентское училище было преобразовано в трехклассное городское, а в 1898 г. — в четырехклассное.

² Козубский Е. И. К истории народного образования в Дагестанской области в первое пятидесятилетие//Дагестанский сборник. Вып. 1. Темир-Хан-Шура, 1902. С. 198.

³ Козубский Е. И. К истории народного образования в Дагестанской области в первое пятидесятилетие//Дагестанский сборник. Вып. 1. Темир-Хан-Шура, 1902. 192.

⁴ Там же. С. 199.

⁵ Там же. С. 200.

Шуры есть много «почетных лиц и служащих офицеров из мусульман, дети которых нуждаются в обучении их арабскому и русскому языку». Ознакомление же учеников «с русским языком возможно только там, где живут и русские в значительном числе, чтобы ученики могли сближаться». Этому условию отвечала Темир-Хан-Шура, где преобладало русское население.

В январе 1855 г. Дербентская мусульманская школа была переведена в Темир-Хан-Шуру, куда перешла и часть учащихся (13).

С переводом школы в Темир-Хан-Шуру контингент учащихся еще более сократился. В ней обучалось всего 20 учащихся. Он оставался неизменным вплоть до начала 60-х годов. Правда, в 1857 г. была несколько расширена учебная программа школы. Кроме обучения чтению и письму, учащиеся стали изучать грамматику, арифметику, знакомиться с начальными сведениями по истории и географии.

Школа влачила жалкое существование. О материальной базе ее можно судить по тому, что на приобретение мебели и учебного оборудования в связи с переводом школы в Темир-Хан-Шуру было израсходовано всего 167 руб. 63 коп.⁶

В 1861 г. мусульманская школа вошла в состав открывшейся в Темир-Хан-Шуре горской школы. Последняя была учреждена на основании «устава горских школ», разработанного по поручению наместника Кавказа А. Барятинского в главном штабе Кавказской Армии и утвержденного царем 20 октября 1859 г. Школа имела целью «распространение гражданственности и образования между покорившимися горцами» и «доставление служащим на Кавказе семейным офицерам и чиновникам средств к воспитанию и обучению детей»⁷. Разумеется, «устав горских школ» имел в виду «распространение гражданственности и образования» не между всеми горцами, а лишь между представителями имущих классов — беков, богатых торговцев, чиновников, т. е. тех, кого царизм с полным основанием мог считать надежной опорой в проведении своей политики.

Устав определял, что горские школы учреждаются в виде опыта на четыре года «на степени уездных и первоначальных училищ». Личный состав горских школ состоял из штатного смотрителя, законоучителей православного и мусульманского вероисповеданий, трех учителей основных и одного учителя приготовительного классов.

Горская школа содержалась на средства, отнускавшиеся военным ведомством, и находилась в ведении командования вооруженными силами на Кавказе. При ней был учрежден пансион на 65 воспитанников, из них 40 казеннокоштных, в том числе 25 горцев

⁶ ЦГА ДАССР. ф. 3. Оп. 9. Д. 7. Л. 19.

⁷ Козубский Е. И. Указ. соч. С. 205.

из «почетных фамилий» северного и южного Дагестана и 15 детей русских чиновников. 25 воспитанников пансиона горской школы содержались за счет средств, находившихся в распоряжении кавказского наместника, и средств родителей⁸.

Темир-Хан-Шуринская горская школа открылась в составе трех классов (приготовительного, первого и второго) с 41 учащимся.

Помимо учеников мусульманского училища в нее были приняты 18 учеников бывшей школы при 81-м Апшеронском пехотном полку⁹. К концу 1861 г. число учащихся достигло 69 человек и в последующие годы росло следующим образом: в 1865 г. в школе обучалось 75 учащихся, в 1870 г. — 105 и в 1874 г., т. е. к моменту преобразования герской школы в прогимназию, — 144 учащихся¹⁰.

В 1861 г., вскоре после открытия горской школы, командующий Кавказской армией разрешил начальнику Дагестанской области «не стесняться при определении на казенный счет в школу туземцев — тем, принадлежат ли они к какому-либо привилегированному сословию, а из детей русских чиновников и офицеров принимать и таких, которые были рождены во время состояния их отцов в нижнем звании»¹¹.

Обучение в горской школе велось по программам, принятым в закавказских уездных училищах. Особое внимание уделялось преподаванию мусульманского вероучения, по которому, как и по арабскому языку, учащиеся сдавали переводные экзамены. С 1870 г. в школе было введено обучение столярному и токарному ремеслу, а с 1872 г. — садоводству и огородничеству. Занятия по садоводству и огородничеству, например, вел уроженец сел. Кафыр-Кумух Темир-Хан-Шуринского округа Асеу Чаплау, прошедший подготовку в Никитском ботаническом саду в Крыму.

Таким образом, в горской школе известное внимание уделялось и практическим занятиям учащихся в области ремесел и сельскохозяйственного производства.

Комиссия, проверявшая учебную работу школы, писала об изучении в ней основных учебных дисциплин. Преподавание в приготовительном классе сводится к первоначальному обучению русской грамоте. Обучение черчению идет довольно успешно, причем обращается внимание на ознакомление учащихся с названиями различных предметов, с объяснением главных свойств и особенностей, встречающихся при чтении. Существуют уроки «плавного объяснительного чтения». Из приготовительного в первый класс пере-

⁸ Козубский Е. И. Историческая записка о первом десятилетии Темир-Хан-Шуринского реального училища. Порт-Петровск, 1890. С. 3.

⁹ О школах при воинских частях смотри § 2 настоящей главы.

¹⁰ Козубский Е. И. Историческая записка о первом десятилетии Темир-Хан-Шуринского реального училища. Порт-Петровск, 1890. С. 19—20.

¹¹ Там же. С. 5—6.

водятся ученики, которые довольно свободно читают, пишут и рассказывают прочитанное¹².

В первом классе начинается изучение грамматики. Большое внимание уделяется усвоению грамматических определений. Как недостаток отмечалось, что в третьем классе ученики занимались только сочинениями. Признавалось необходимым продолжение занятий по грамматике, так как они развивают «у детей способности мышления» и помогают «быстрому усвоению даже родного языка»¹³.

Согласно отзыву комиссии, «некоторые из мусульман I, II, III классов почти совершенно усвоили русскую речь», но ученики «правильнее пишут, чем говорят». Отмечая недостатки в преподавании арифметики, комиссия указывала, что она, особенно в приготовительном классе, «проходится отчасти механически, отчего ученики не свободно делают арифметические задачи»¹⁴. Знания учащихся по географии и истории носили, по мнению комиссии, книжный, механический характер¹⁵.

За время своего существования Темир-Хан-Шуриная горская школа выпустила 66 человек. Из них 7 человек, или 11%, поступили в гимназии и реальные училища, 56 (85%) — на военную службу, а 3 человека занялись частной деятельностью или поступили на гражданскую службу¹⁶.

Вследствие крайней ограниченности программ 3-классная школа не могла служить подготовительной ступенью к поступлению ее питомцев в средние учебные заведения. Дети зажиточных горцев и царских чиновников, служивших в Дагестане, после окончания горской школы фактически были лишены возможности продолжать свое образование. К тому же в 1866 г. последовало распоряжение наместника Кавказа, согласно которому отменялись льготы выпускникам горских школ при поступлении в гимназии. Наместник приказал «приостановить действие параграфа 15 устава горских школ, предусматривавшего указанные льготы, и принимать воспитанников этих школ в гимназии не иначе как по экзамену, по программам, для гимназии установленным, и только в классы, соответствующие познаниям и возрасту поступающих, на основании общего Положения о кавказском учебном округе».

Бедной была материальная база школы. Помещение школы не позволяло выделить даже квартиры для смотрителя. Комнаты, в которых жили и учились учащиеся, не отвечали элементарным

¹² Козубский Е. И. Историческая записка о первом десятилетии Темир-Хан-Шуриной реального училища. Порт-Петровск, 1890. С. 24.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 25.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Козубский Е. И. К истории народного образования в Дагестанской области в первое пятидесятилетие. С. 206.

требованиям, отчего дети часто заболели. Исполняющий обязанности врача школы писал 2 октября 1862 г., что «большая часть воспитанников страдает от простуды и не удивительно, когда отовсюду — из коридоров, полов и в окна здания — дует сквозной ветер». Пол столовой, служившей одновременно и помещением для занятий воспитанников, имел «большие скважины» в кухню, через которые постоянно сквозило, а при мытье пола вода текла в кухню, на плиту, где готовили пищу воспитанникам¹⁷.

Положение не намного изменилось и после завершения в 1868 г. небольшой пристройки к зданию школы и аренды в апреле 1870 г. для занятий частного дома. В отчете о состоянии школы в 1868 г. мы читаем: «В классах был такой холод, что приходилось прекращать учение. На многих воспитанниках сюртуки и брюки оказались крайне ветхи, а казенных сапог совсем не было... Недостаток платья доходил до того, что однажды воспитанники ходили только в нижнем белье»¹⁸. В 1870 г. ученические скамьи и столы находились в таком состоянии, что дальнейшее их использование в школе было признано совершенно невозможным. В этом году во всей школе имелось всего 7 годных стульев¹⁹.

Кроме того, горская школа не могла удовлетворить потребности населения в силу ограниченности контингента. Поэтому еще в 60-х годах стал обсуждаться вопрос о преобразовании школы в прогимназию²⁰. Обосновывая необходимость этого преобразования, начальник Дагестанской области писал Кавказскому наместнику в 1869 году: «Ввиду того значения, которое имеет воспитание дагестанских горцев в наших учебных заведениях, и при увеличивающемся год от году стремлении самих горцев отдавать детей своих в эти заведения, а также для предоставления здешнему служащему сословию русских офицеров и чиновников возможности дать своим детям первоначальное образование... преобразование Темир-Хан-Шуриной горской школы в прогимназию с пансионом, с соответствующим потребностям числом воспитанников для русских детей и горцев, представляется неотложной необходимостью»²¹.

Переписка о преобразовании горской школы в прогимназию длилась пять лет. И лишь в мае 1874 г. наместник Кавказа утвердил представление попечителя Кавказского учебного округа об открытии прогимназии.

¹⁷ Козубский Е. И. Историческая записка... С. 12.

¹⁸ Там же. С. 15.

¹⁹ Там же. С. 18.

²⁰ Прогимназия — школа, учрежденная в России в 1864 г. Сначала прогимназия состояла из 4-х низших гимназических классов; позднее появились и 6-классные прогимназии. Программа прогимназии соответствовала программе соответствующих классов гимназии. Существовали как мужские, так и женские прогимназии.

²¹ Козубский Е. И. Историческая записка... С. 33.

Темир-Хан-Шуринская прогимназия была открыта 14 сентября 1874 г. в составе пригготовительного и первого классов. Второй, третий и четвертый классы открылись соответственно в 1875, 1876, 1877 гг. Пансион прогимназии в первый год своего существования имел то же число воспитанников, что и окружная горская школа. В 1875 г. число казеннокоштных воспитанников было увеличено до 60²². Зачисление в пансион за счет государственной казны производилось в зависимости от того, «какое служебное положение занимали родители воспитанника, иногда же отдавалось предпочтение кандидатам из таких местностей, откуда менее является желающих поступить в школу и где поэтому желательно бы было развить стремление к отдаче детей в учебное заведение»²³.

На содержание каждого казеннокоштного воспитанника, а также воспитывавшегося за счет средств, находящихся в распоряжении кавказского наместника, расходовалось 140 рублей в год. С воспитанника, который содержался в пансионе на средства родителей, взималось 160 рублей плюс 40 рублей, вносимых на первоначальное обзаведение. Взималась плата за обучение и сходящихся учеников. В первый год существования прогимназии эта плата была равна 5 рублям в год — с ученика пригготовительного класса и 10 рублям — с ученика следующих классов. Но уже в 1875/76 учебном году плата за обучение была увеличена соответственно до 10 и 15 рублей²⁴.

В сентябре 1875 г. ввиду наплыва учащихся попечитель Кавказского учебного округа разрешил открыть второе отделение пригготовительного класса. Однако при поступлении в этот класс дети горцев встречались с серьезными трудностями. Действующий тогда устав 1871 г. определял жесткий возрастной ценз для поступающих в пригготовительный класс. Дети старшего возраста фактически не принимались на учебу. Непосильным был для большинства горских детей и требуемый уставом уровень знаний при поступлении в школу. Даже начальник Дагестанской области считал такие условия столь трудными, что их выполнение «равносильно закрытию вовсе доступа в прогимназию»²⁵.

В январе 1878 г. при прогимназии открывается подготовительное отделение для дагестанских детей. В том же году в отделении обучалось 43 принятых вновь и переведенных из пригготовительного класса ученика²⁶.

Темир-Хан-Шуринская прогимназия являлась самой крупной по составу учащихся и лучше организованной школой Дагестанской

области. Уже в 1876 г. в ней обучалось более 200 учащихся. К концу 70-х гг. число учащихся прогимназии составило 227 человек²⁷.

Социальный состав учащихся Темир-Хан-Шуринской прогимназии в 1880 г. был таким: 55% — дети дворян, чиновников и представителей духовенства и только 16% — дети так называемых нижних чинов. Число обучающихся горцев за все годы существования прогимназии составляло в среднем 23% всех учащихся, но в отдельные годы оно бывало и меньше, снижаясь до 15%²⁸.

В 1874—1880 гг. в прогимназию было определено 137 детей дагестанских горцев. Из них 25 человек были переведены в Ставропольскую гимназию, 4 — в Бакинское реальное училище, 2 — в учительскую семинарию, 48 поступили в открывшееся в 1880 г. Темир-Хан-Шуринское реальное училище, остальные окончили курс прогимназии или выбыли из нее по разным причинам²⁹. Прогимназия располагала фундаментальной и ученической библиотеками. В сравнительно небольшом количестве имелись учебные и учебно-наглядные пособия по русскому языку, математике, физике, географии, истории и другим предметам. В прогимназии проводилось, правда, с перерывами, обучение учащихся переплетному, столярному и токарному делу.

Согласно учебному плану закавказских гимназий и прогимназий 1879 года, в Темир-Хан-Шуринской прогимназии преподавались немецкий и греческий языки соответственно с 2 и 3-го классов. Однако греческий язык изучали не все ученики 3 и 4 классов. В 1879/80 учебном году греческий язык изучали всего 57% учащихся третьего и 78% учащихся четвертого классов.

После трех выпусков (1878, 1879, 1880 гг.)³⁰ Темир-Хан-Шуринская прогимназия закрывается и вместо нее с 1880/81 учебного года открывается реальное училище.

Открытию реального училища — первого среднего учебного заведения в Дагестане — предшествовали многочисленные ходатайства жителей, а также продолжительная переписка военной администрации области с канцелярией попечителя Кавказского учебного округа. В начале 1879 г. «жители всех сословий» Дагестанской области подали попечителю учебного округа заявление, в котором просили его о преобразовании Темир-Хан-Шуринской прогимназии в реальное училище.

Окончательное решение об открытии учебного заведения было принято в мае 1880 г., и 8 сентября в реальном училище начались

²² Козубский Е. И. Историческая записка... С. 34.

²³ Там же. С. 33.

²⁴ Козубский Е. И. Указ. соч. С. 48.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Козубский Е. И. Указ. соч. С. 59.

²⁸ Там же. С. 56.

²⁹ Там же. С. 161.

³⁰ Всего прогимназию окончило 38 человек.

занятия. Училище открылось в составе пригготовительного и пяти основных классов. В 1881 и 1882 годах были открыты шестой и седьмой классы.

В 1882 г. состоялся первый выпуск окончивших шестой класс реального училища. Всего было выпущено 10 человек. В последующие годы производились и выпуски из седьмого класса. За первое десятилетие существования училища (до 1890 г. включительно) его окончили 74 человека, из них уроженцев Дагестанской области 46 (62%), в том числе горцев Дагестана 14 человек³¹.

Социальный состав учащихся реального училища мало чем отличался от состава прогимназии. Среди них преобладали дети дворян, царских чиновников и состоятельных горожан. Правда, в 80-х годах несколько увеличилось число учащихся-горцев. Так, в январе 1889 г. по сравнению с январем 1881 г. число учащихся русской национальности сократилось на 27%, армян на 14%, а учащихся-горцев увеличилось на 16%. Несколько возросла (на 4%) численность учащихся из сельской местности Дагестана. Из 246 учащихся реального училища на начало 1890 г. 192 человека (78%) являлись уроженцами Дагестана и 58 человек (23,6%) — горцами, т. е. выходцами из местных народностей³².

Всего в течение первого десятилетия в реальное училище было принято 146 детей горцев. По округам они распределялись: Темир-Хан-Шурирский — 60; Гунибский — 15; Самурский — 14; Казикумухский — 11, Кюрийский — 11, Кайтаго-Табасаранский — 10, Даргинский — 10, Аварский — 9, Андийский — 2, город Дербент — 3 и из Терской области (чеченцев) — 1. 28 (17%) детей, поступивших в училище, было переведено в Ставропольскую гимназию, 11 (7%) — в Бакинское реальное училище, 38 человек были исключены или выбыли из училища по разным причинам, 14 окончили курс, а остальные продолжали учение³³.

Хотя материально-учебная база реального училища была лучше, чем прогимназии, она, особенно в первые годы, далеко не удовлетворяла потребностей обучения. Классных помещений было так мало, что пригготовительный и подгготовительный классы занимались в одной комнате; «во время уроков они отделялись занавесью из старого солдатского сукна». И только в 1884 г. владельцем дома, в котором размещалось училище, были пристроены помещения, что позволило несколько расширить учебную площадь здания.

Фундаментальная и ученическая библиотеки училища к концу 80-х годов насчитывали 7 220 книг. В фундаментальной библиоте-

ке имелись научные, научно-педагогические издания, книги по истории, географии России, русской и зарубежной литературам. Однако в первые годы, по свидетельству работников училища, в ученической библиотеке мало было книг по истории, а также по немецкой и французской литературам.

При училище функционировали физический и естественно-исторический кабинеты, геодезическая и химическая лаборатории, метеорологическая станция. Для практических занятий по труду имелаь токарная мастерская.

Преподавательский и вспомогательный персонал училища в год открытия состоял из 17 человек. В последующие годы, в связи с расширением пансиона и открытием старших классов, его численность возросла. В 80-х годах в училище работало всего 46 работников учебно-воспитательного персонала, из которых два дагестанца. В частности, в 1880—1881 гг. черчение в 5 классе преподавал дагестанец, горный инженер Магомед Омаров. Соглашаясь удовлетворить просьбу Кавказского учебного ведомства об использовании инженера М. Омара в качестве преподавателя естественных наук Темир-Хан-Шурирского училища до весны 1881 г., военный начальник области отмечал, что с этого времени он должен «заняться разведками и исследованием минералов» в Дагестане³⁴. Преподавателем мусульманского вероучения работал житель сел. Нижнее Казанище Дада Мустафа-оглы³⁵.

В педагогическом коллективе училища было немало высококвалифицированных специалистов. С 1881 года историю преподавал выпускник Новороссийского университета кандидат исторических наук Е. И. Козубский, автор многочисленных работ по истории, этнографии, краеведению Дагестана.

Преподаватель русской словесности А. В. Барсов издал ряд работ по русской грамматике, а также некоторые образцы дагестанского устного народного творчества — «Дагестанские сказки» (1882 г.) и «Предания некоторых местностей Дагестана» (1882 г.). Учащиеся первого класса училища, наряду с учебниками К. Д. Ушинского, пользовались и синтаксическим задачником А. В. Барсова. Ряд статей преподавателей училища был напечатан в 80-х годах в кавказских и центральных периодических изданиях.

В последующие годы в составе реального училища, в организации учебно-воспитательного процесса не произошло скольконибудь существенных изменений, если не считать введения с 1892/93 учебного года нового устава реальных училищ 1888 года.

³¹ Козубский Е. И. Указ. соч. С. 156.

³² Там же. С. 160.

³³ Там же. С. 166.

³⁴ ЦГА ДАССР. Ф. 126. Оп. 1. Д. 126. Л. 1—4.

³⁵ Козубский Е. И. Историческая записка... С. 106.

В 1892 г. было закрыто механико-техническое отделение и взамен его открыт VII дополнительный класс.

В августе 1894 г. педагогический совет училища принял решение, которое призвано было несколько облегчить детям из местных народностей доступ в подготовительный класс.

Подготовительный класс был открыт еще при прогимназии в 1878 г. для детей горцев, не умеющих говорить по-русски. Однако в течение ряда лет, из-за отсутствия в городе начальных училищ, в класс принимались и русские дети. Это приводило к ограничению приема горских детей. Было решено, что с 1894 г. дети горожан будут приниматься только на старшее отделение подготовительного класса, а на младшие отделения — только дети горцев.

С 1895 года в училище были введены новые учебные планы и некоторые новые учебники. Общим стало преподавание гимнастики. Тогда же с учащимися реального училища стали проводиться занятия по шелководству, садоводству. Для этой цели городским управлением Темир-Хан-Шуры был выделен небольшой участок земли.

Темир-Хан-Шуринское реальное училище много раз принимало участие на конкурсах Российской академии художеств. Чертежи и рисунки учащихся удостаивались похвал жюри конкурсов. На конкурс академии в 1894 г. было представлено 430 рисунков и работ по черчению 24 учеников, в 1897 г. — 310 работ 5 учеников и в 1899 г. — 209 работ. Всего похвалы удостоились 12 учеников училища. Среди отмеченных за работы в 1899 г. был и ученик М. Дахадаев, ставший впоследствии одним из видных революционных деятелей Дагестана³⁶.

Всего в конце XIX в. (1899 г.) в Темир-Хан-Шуринском реальном училище обучалось 308 учащихся. К этому времени 6 классов училища окончили 268 учеников, из которых 227, или 85%, поступили в 7 класс, 33 (12%) — на военную службу и 8 человек (3%) — на другую работу³⁷.

Кроме того, в реальном училище принимались в порядке экстерната экзамены на звание учителя начальных училищ и некоторые другие звания. Выдержавшие экзамены направлялись учителями в школы, на различные должности в городах и округах области.

В 80-х годах среди сдавших экзамены на звание учителя сельского училища был, в частности, Иса Абдуллаев, впоследствии один из известных дагестанских педагогов. В 90-х годах всего подвергались экзаменам на различные звания 77 человек, из которых выдержали экзамены 53 человека³⁸.

³⁶ Махач Дахадаев окончил реальное училище в 1900 г. — Г. К.

³⁷ Козубский Е. И. Отчет о втором десятилетии Темир-Хан-Шуринского реального училища (1890—1899). Темир-Хан-Шура, 1901. С. 19.

³⁸ Там же. С. 16.

Таким образом, Темир-Хан-Шуринское реальное училище, являвшееся крупнейшим и до 1897 г.³⁹ единственным средним учебным заведением в Дагестане, наряду с подготовкой молодежи в вузы выполняло в известной мере функции по подготовке педагогических кадров, помогало им повысить квалификацию.

В Порт-Петровске (г. Махачкала) первые школы появились значительно позже, чем в Дербенте и Темир-Хан-Шуре. Правда, по свидетельству И. Березина, совершившего в начале 40-х годов путешествие по Дагестану, он нашел в укреплении Низовом русское училище, в котором обучалось 40 детей с преподавателем-офицером. Других упоминаний о каком-либо учебном заведении в этом городе до конца 60-х годов не сохранилось. Школа же, о которой пишет Березин, была открыта, по-видимому, при воинской части.

В 1862 г. представители общественности Порт-Петровска обратились к начальнику Дагестанской области с просьбой разрешить открыть в городе бесплатную, «в виде опыта, временную школу для образования детей обоего пола». По мысли авторов ходатайства, в школе должны были преподаваться закон божий, русская грамота и первые четыре действия арифметики. Однако школа в том году не была открыта.

И только спустя семь лет, в 1869 г., по ходатайству «Петровского общества» разрешено было открыть в городе «одноклассное начальное училище грамотности и ремесел», в котором занятия начались в 1870 году⁴⁰. Училище содержалось на средства частной благотворительности и города.

Это единственное учебное заведение Порт-Петровска долгое время влечило жалкое существование. Прошло еще 15 лет, прежде чем Министерство внутренних дел царского правительства утвердило «устав попечительства о Петровской городской начальной школе». Согласно уставу (1885 г.), попечительство, состоявшее из лиц, ежегодно вносящих взносы в пользу школы, призвано было поддерживать своими средствами школу и имевшееся при ней ремесленное (столярное) отделение как в материальном, так и в учебно-воспитательном отношении. На него же возлагалась обязанность оказывать материальную помощь нуждающимся ученикам школы. К этому времени в школе обучалось всего около 50 учащихся⁴¹. Во второй половине 80-х — 90-х годах число учеников Порт-Петровской начальной школы заметно возросло. По сведениям, представленным в канцелярию военного губернатора Да-

³⁹ Когда на базе существовавшей женской прогимназии в Темир-Хан-Шуре была открыта женская гимназия.

⁴⁰ Козубский Е. И. К истории народного образования в Дагестанской области в первое пятидесятилетие. С. 215.

⁴¹ ЦГА ДАССР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 98. Л. 9.

гестана полицмейстером города, в 1891 г. в школе обучалось уже 113 человек⁴². В год преобразования школы в высшее начальное училище (1897 г.) в нем училось 120 учеников, а в 1899 г. — 218 человек⁴³.

Шестидесятые годы ознаменовались также открытием в Дербенте и Темир-Хан-Шуре первых женских учебных заведений. Первое из них — Дербентское женское начальное училище — открылось в апреле 1864 года. Содержалось училище главным образом на средства общественной и частной благотворительности. Оно было рассчитано на устройство 20 девочек из местного мусульманского населения. В училище решено было принять также 6 девочек из русских и армянских горожан. Главная цель школы заключалась в том, чтобы подготовить хороших домашних хозяек, или, как говорилось в проекте устава, «добрых жен и хороших матерей». Поэтому воспитательная работа в школе сводилась к тому, чтобы приучить девочек «к разумному, полезному для простой жизни труду, к необходимым рукоделиям, к домашнему хозяйству, бережливости и порядку и научить их грамоте»⁴⁴.

Девочки 8—10 лет из бедных семей воспитывались за счет средств училища. Курс обучения был определен шестилетний. Обучали девочек русская надзирательница и ее помощница из местных жительниц, обучающая школьниц азербайджанскому языку.

В таком виде школа функционировала до июня 1873 года, когда она была преобразована «в открытую бесплатную школу с преподаванием по прежней программе». Иначе говоря, и после преобразования в школе обучали русской и азербайджанской грамоте, а также рукоделию и умению вести домашнее хозяйство.

В 80—90-х годах число учащихся женского училища несколько увеличилось. По сведениям, представленным дербентским градоначальником военному губернатору Дагестанской области, в нем в 1883 г. обучалось 32 девочки⁴⁵, в 1891 г. — 40⁴⁶ и в 1893 г. — 35⁴⁷. Произошли изменения и в учебной программе, учебных планах училища. В 1893 г. в нем преподавались: закон божий, русский язык, география, русская история, арифметика, пение и рукоделие. Училище располагало небольшой библиотекой (390 томов), состоящей в основном из учебной и методической литературы⁴⁸.

Несколько позднее Дербентского женского училища (май

42 ЦГА ДАССР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 109. Л. 15, 16.

43 Там же. Ф. 81. Оп. 3. Д. 4. Л. 14.

44 Козубский Е. И. К истории народного образования... С. 226.

45 ЦГА ДАССР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 98. Л. 2.

46 Там же. Д. 109. Л. 4.

47 Там же. Д. 110. Л. 4.

48 Там же.

1864 г.) открылось «общественное училище для бедных девиц» в Темир-Хан-Шуре. Темир-Хан-Шуринское женское училище, как и Дербентское, содержалось в основном на общественные благотворительные средства и принимало на учение девочек в возрасте от 8 до 12 лет. В год открытия в училище обучалось всего 9 учениц, которые содержались в пансионе на полном обеспечении. По уставу, утвержденному наместником Кавказа, в пансионе училища могли воспитываться и «своекоштные пансионеры», т. е. такие, за воспитание и обучение которых родители вносили 60 рублей в год. Приходящие ученицы обучались в училище бесплатно.

Учебный план училища с трехлетним курсом обучения включал следующие дисциплины: закон божий, письмо и чтение, первые четыре действия арифметики, рукоделие (шитье, вязанье и др.) и домашнее хозяйство (приготовление пищи, печение хлеба, стирка белья и др.)⁴⁹.

В конце 60-х годов в Темир-Хан-Шуринской женской школе обучалось 50 учениц. В пансионе школы воспитывалось 10 девочек, из которых 6 были мусульманками⁵⁰.

В 1872 г. Темир-Хан-Шуринское женское училище преобразовывается в «бесплатную школу для приходящих» с двумя отделениями. Была несколько усложнена и учебная программа. Она включала, помимо русского языка, арифметики, закона божьего, также географию, чистописание, хоровое пение. Спустя два года (1874 г.) открылось «высшее отделение для подготовки учениц к слушанию прогимназического курса».

В 1875 г. вместо бесплатной женской школы в Темир-Хан-Шуре открывается четырехклассная прогимназия. На содержание учебного заведения из местных доходов Закавказского края отпускалось 1500 рублей в год. Первый выпуск четырехклассной прогимназии состоялся в 1878 г. Всего окончили курс 14 человек⁵¹. В 1880 г. в прогимназии был открыт пятый класс. В связи с этим возросла и численность учащихся прогимназии. Как видно из отчета попечительского совета прогимназии за 1891 г., в подготовительном и пяти основных классах на 1 января 1892 г. обучалось 106 учениц⁵². К январю 1896 г. количество учениц прогимназии составило 124, из которых русских — 85, горянок — 2, остальные — представительницы других национальностей области и Кавказа. Более 60 процентов из них (73 ученицы) являлись детьми дворян

49 Козубский Е. И. К истории народного образования... С. 227.

50 Кавказ. 1887. 6 дек.

51 Козубский Е. И. Указ. соч. С. 227. (У автора данные не точны. Он пишет, что курс окончили 114 человек.— Г. К.)

52 ЦГА ДАССР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 19. Л. 45, 46.

и царских чиновников, 20 — состоятельных горожан и только несколько учениц из так называемых «нижних чинов»⁵³.

Темир-Хан-Шурина женская прогимназия размещалась в небольшом собственном здании, построенном в 1865 году. В нем она оставалась до 1882 г., когда сильное землетрясение повредило его и вынудило попечительский совет прогимназии нанять частный дом. С этого времени многие годы занятия проводились в арендуемых частных домах.

Во второй половине 90-х годов в женском образовании в области произошли некоторые сдвиги. В 1897 г. Темир-Хан-Шурина прогимназия была преобразована в женскую гимназию, в том же году открылось женское начальное училище в Порт-Петровске. В самом конце XIX — начале XX вв. (1900 г.) в женскую прогимназию было преобразовано Дербентское женское училище.

Таким образом, в городах области к началу XX в. имелось по одной женской школе, содержащейся за счет государственных ассигнований и средств городских управлений. В них обучалось всего 367 учащихся⁵⁴.

Все школы, о которых шла речь, находились, как мы видели, в городах и были мало доступны детям горцев, особенно сельским жителям. Вскоре после подавления движения горцев светские школы появляются и в сельской местности. Первой из них была Ахтынская школа в Самурском округе. Открылась она 26 сентября 1861 года с контингентом 44 ученика. Детей-лезгин обучали грамоте на русском и азербайджанском языках. По признанию военного начальника Южного Дагестана, почти все учащиеся Ахтынской школы отличались прекрасными способностями⁵⁵.

В том же 1861 г. начальником среднего Дагестана в виде опыта была открыта школа и в Кумухе, в которой обучалось 10—15 мальчиков. Горские дети изучали русский и лакский языки, арифметику. Содержалась школа на средства, пожертвованные отдельными лицами, и 150 рублей в год отпускались окружным управлением. Занятия велись настолько успешно, что за короткое время школа смогла подготовить одного молодого человека на должность письменного переводчика в Казикумухском окружном управлении⁵⁶.

Однако Ахтынская и Кумухская школы долгое время оставались единственными светскими учебными заведениями в сельской местности Дагестана. Лишь спустя 11 лет (в 1872 г.) было открыто начальное училище в Чирюрте, населенном русскими отставными военными служащими. Еще через шесть лет (в 1878 г.) откры-

⁵³ ЦГА ДАССР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 121. Л. 4.

⁵⁴ Дагестанский сборник. Вып. 1. Темир-Хан-Шура, 1902. С. 192—193.

⁵⁵ ЦГА ДАССР. Ф. 126. Оп. 2. Д. 71. Л. 19.

⁵⁶ Козубский Е. И. К истории народного образования... С. 217.

лись две новые школы — в Касумкенте (Кюринский округ) и Дешлагаре⁵⁷ (Кайтаго-Табасаранский округ).

Решение наместника Кавказа открыть сельские школы в Касумкенте и Дешлагаре основывалось на том, что общества этих селений подготовили помещения для них, обязались принять на себя расходы на отопление, освещение школ, содержание обслуживающего персонала.

Касумкентское училище с самого начала являлось двухклассным, а в Дешлагарском — второй класс открылся в 1880 г. В сентябре 1880 г. школа открывается еще в одном селении Дагестанской области — Карабудахкенте (Темир-Хан-Шурина округ). Однако в начале 1891 г. эта школа была закрыта, а средства, отпускавшиеся на ее содержание, были направлены на финансирование Хунзахского сельского училища, преобразованного в нормальное училище.

Несколько сельских школ открылось в конце 80-х и начале 90-х годов. Так, в 1889 г. открылись школы в сел. Хаджалмахи (Даргинский округ) и Хунзахе (Аварский округ). В 1891 г. открывается Ботлихская школа в Андийском округе. Таким образом, к середине 90-х годов XIX века в восьми округах Дагестанской области из девяти (кроме Гунибского), функционировали сельские или слободские школы. В большинстве своем это были одноклассные школы с небольшим числом учащихся.

Сохранился отчет о работе Хаджалмахинского сельского училища за первое полугодие 1889/90 учебного года. Из него видно, что в училище обучалось 14 мальчиков в возрасте от 7 до 14 лет. Разница в возрасте самого младшего и самого старшего ученика равнялась семи годам. Примечательно, что самые старшие ученики училища не успевали, тогда как самые маленькие имели положительные оценки по всем предметам. Наибольшее число отрицательных отметок за первое полугодие ученики получили по арифметике, а успеваемость по русскому языку была выше, чем по арабскому⁵⁸.

В четырех из восьми школ, существовавших в сельской местности области в 1896 г., количество учащихся не превышало 20—25 человек и ни в одной сельской школе не достигало 100 человек⁵⁹. Общее число учащихся во всех сельских и слободских школах Дагестана составило в 1896 г. 372 человека, в том числе девочек — 34. Если в целом по области одна школа приходилась в этом году на 37 750 человек и один учащийся в среднем на 628 человек, то

⁵⁷ Дешлагар — ныне Сергокала. — Г. К.

⁵⁸ ЦГА ДАССР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 103. Л. 1.

⁵⁹ Обзор Дагестанской области за 1896 г. Темир-Хан-Шура, 1897. С. 51.

в сельской местности одна школа приходилась на 71 695 человек, а один учащийся — более чем на 1 540 человек населения!

К концу 90-х гг. прошлого века в сельской местности Дагестана открылись еще четыре школы: в Маджалисе, Қаякенте (Қайтаго-Табасаранский округ), Гунибе (Гунибский округ) и Карабудахкенте (Темир-Хан-Шури́нский округ).

Таким образом, к исходу прошлого столетия в Дагестанской области имелось 26 русских школ, из них 14 школ в городах и 12 в сельской местности. Средних школ было две — обе в областном центре Темир-Хан-Шуре. Во всех 26 школах области обучалось 1 896 учащихся, из них 495 девочек. В сельской местности Дагестана, где проживало около 95% населения области, обучением в школах было охвачено всего 493 ребенка обоего пола, или менее 26% от общего числа учащихся. В сельских школах обучалось всего 25 девочек⁶⁰.

Столь неприглядная картина народного просвещения в Дагестане на рубеже XIX—XX вв. убедительно показывает колониальный характер самодержавной «просветительской» политики на присоединенных окраинах. Более сорока лет потребовалось царизму после окончательного присоединения Дагестана, чтобы открыть 12 карликовых школ для более чем полумиллионного сельского населения области! В Гунибском округе, например, первая светская школа была открыта лишь в 1899 г., т. е. ровно через сорок лет после подавления освободительного движения горцев Дагестана и пленения Шамиля. С 1862 по 1870, с 1881 по 1887 и с 1892 по 1897 г. в сельской местности не было открыто ни одного учебного заведения.

Здесь уместно напомнить о рапорте попечителя Кавказского учебного округа исполняющему должность главного начальника гражданской частью на Кавказе от 22 января 1896 г., содержащем официальную характеристику состояния народного образования в крае. «Что мы видим вокруг себя? — спрашивает попечитель учебного округа. — Сколько местностей Кавказа остаются вовсе без школ, сколько еще местностей, где тысячи жителей, стремящихся привести детей к свету истины, не находят для них места в тесных, темных, бедных народных школах! Сколько есть людей, жаждущих света и не находящих его»⁶¹.

«В Кубанской области, — продолжает попечитель, — где народное образование наилучше поставлено, почти 70% детей школьного возраста остаются вне учения. Что же сказать о Дагестанской и

Карской областях... о многих частях Северного Кавказа?.. Образование народное на Кавказе слабее, чем на острове Гаити!»⁶²

Констатируя неприглядную картину народного просвещения на Кавказе, попечитель учебного округа, однако, не просил главноначальствующего увеличить средства на расширение школьной сети за счет сумм, находящихся в его (главноначальствующего) распоряжении, или войти с ходатайством об увеличении государственных ассигнований, а просил лишь о том, чтобы главноначальствующий гражданской частью рекомендовал начальникам губерний, областей и округов «разъяснить населению необходимость открытия начальных народных училищ» на свои средства⁶³.

Такой политикой царизм препятствовал проникновению передовой русской культуры на национальные окраины. В то же время самодержавие глушило и самостоятельное культурное творчество нерусских народов. Оно стремилось задушить всякое проявление национальной культуры, все то, что препятствовало проведению его политики насильственного «обрусения» нерусских национальностей.

Школы Дагестана, как и всего Кавказа, находились под жестким полицейским контролем. В 1867 г. было предписано во всех школах Кавказа вести преподавание только на русском языке⁶⁴. Но царизм этим не ограничился. Он делал все для того, чтобы затруднить доступ в школу детям трудящихся. 18 июня 1887 г. царский министр просвещения издал реакционный циркуляр, который еще больше ограничивал доступ в прогимназии и гимназии выходцам из бедных семей. Выполнение мер, намеченных в циркуляре, должно было, по мысли царского министра, освободить эти школы «от поступления в них детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей, детей коих, за исключением разве одаренных необыкновенными способностями, вовсе не следует выводить из среды, к коей они принадлежат», так как это, «как показывает многолетний опыт, приводит... к недовольству своим бытом, к озлоблению против существующего и неизбежного, по самой природе вещей, неравенства имущественных положений»⁶⁵.

В соответствии с этим циркуляром, с 1887/88 учебного года во всех мужских гимназиях и прогимназиях Кавказского учебного округа⁶⁶ плата за обучение была повышена с 30 до 40 рублей в

⁶² ЦГА ДАССР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 123. Л. 2.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Константинов Н. А., Струминский В. Я. Очерки по истории начального образования в России. М., 1953. С. 155.

⁶⁵ Кавказ, 1887. 4 авг.

⁶⁶ За исключением Кубанской войсковой гимназии.

⁶⁰ Подсчитано нами по данным «Обзора Дагестанской области за 1899 г.». Темир-Хан-Шура, 1900.

⁶¹ ЦГА ДАССР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 123. Л. 2.

год⁶⁷. В течение долгого времени царское правительство не давало разрешения на открытие в Закавказье университета. Он был создан только после революции.

Оставаясь в общем крайне медленным, развитие школьного образования в Дагестане с конца 90-х гг. все же несколько оживляется. Происходит некоторое расширение сети школ, финансируемой за счет средств государственной казны. Это было вызвано теми социально-экономическими и общественно-политическими процессами, которые происходили в стране, в частности на ее национальных окраинах.

В 90-е годы Россия переживала период относительно быстрого подъема промышленного производства, происходило развитие капитализма вширь, он охватывал новые районы, создавая армию промышленного пролетариата, все больше вовлекая национальные окраины в классовые противоречия страны. Развитие капитализма сопровождалось усилением эксплуатации рабочих; одновременно росло и классовое самосознание рабочего класса, обострялась революционная борьба. В процессе борьбы против эксплуататоров рабочие и все трудящиеся убеждались в необходимости грамотности, образования. Понимание этого делало рабочий класс самым последовательным борцом за народное просвещение. Борьба рабочего класса и трудящихся крестьян, все возрастающие требования горского населения об открытии новых школ заставили царское правительство пойти на некоторое расширение школьной сети и в Дагестане.

С другой стороны, по мере развития промышленности и ее технического совершенствования увеличивалась нужда в грамотных рабочих, способных приносить капиталистам максимальную прибыль. Этот объективный процесс вынуждал царизм идти на уступки экономически усилившейся буржуазии, толкал на путь половинчатых, сопровождавшихся архиреакционными оговорками, реформ в области просвещения.

Архивные материалы свидетельствуют о том, что население Дагестана проявляло большой интерес к школе, к образованию. Это видно как из многочисленных ходатайств в адрес областной администрации и дирекций учебных заведений о принятии детей на учебу, так и из рапортов начальников округов военному губернатору Дагестанской области. Вот некоторые из них. 2 мая 1894 г. начальник Самарского округа писал военному губернатору Дагестана: «Жители сел. Ахты и других больших селений вверенного мне округа сознательно убеждены в необходимости давать образование своим детям, что доказывает большой наплыв желающих поступить в Ахтынское училище, и только незначительный размер

его и ограниченные денежные средства заставляют зачислять лишь 45 обучающихся. Несостоятельность же местных жителей не позволяет дать своим детям дальнейшего образования за свой счет»⁶⁸.

В другом документе, характеризующем состояние Ахтынского училища и исходящем от дирекции народных училищ Бакинской губернии и Дагестанской области (март 1895 г.), говорится о срочной необходимости преобразования училища в двухклассное, так как оно «переполнено учащимися (60 учеников) и приходится отказывать многим желающим» учиться⁶⁹.

В рапорте начальника Гунибского округа от 6 ноября 1894 г. дагестанскому военному губернатору сообщалось, что в этом округе желающих учить своих детей русской грамоте «если не больше, но никак не меньше, чем в Аварском и Андийском округах, но все желающие боятся материальных жертв, так как им не из чего выделять необходимый расход на обучение и содержание своих детей вне дома и селения»⁷⁰.

Когда в 1898 г. сельские общества Темир-Хан-Шуринского округа были запрошены, не пожелает ли какое-нибудь из них принять на себя постройку здания для сельской начальной школы при финансовой помощи за счет земских сумм в 1000 рублей, согласие дали восемь обществ одного только Темир-Хан-Шуринского участка. Общества обязались участвовать в расходах по строительству и содержанию школы в одном из селений участка. Жители сел заявили, что внесут при строительстве школы «необходимую сумму из своих средств» и помогут ей «в отношении всего, что для нее потребуется»⁷¹.

Этих примеров, на наш взгляд, вполне достаточно, чтобы получить представление о действительном отношении горского населения к светской школе. Главным тормозом на пути просвещения горских масс являлась политика царского правительства. На народное образование российская монархия выделяла гроши, и основную тяжесть расходов на школьное строительство и содержание школ она перекладывала на плечи трудящихся. А трудящиеся массы, и без того изнывавшие под двойным гнетом, были не в состоянии взять на себя еще и расходы на развитие образования. И если горские трудящиеся иногда с недоверием относились к русской школе, то главным образом потому, как вынуждены отмечать и официальные представители царской администрации, что не могли поддержать ее материально. В этом нас лишний раз убеждают массовые отказы («за неимением мест») на просьбы жителей

⁶⁸ ЦГА ДАССР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 112. Л. 17.

⁶⁹ Там же. Оп. 3. Д. 68. Л. 31.

⁷⁰ Там же. Оп. 2. Д. 111. Л. 29.

⁷¹ Там же. Д. 128. Л. 148.

о приеме их детей в учебные заведения, находившиеся на государственном бюджете. Один из местных авторов писал в статье «Грамотность в горах Дагестана», опубликованной в 1900 г. в журнале «Этнографическое обозрение», что Темир-Хан-Шуриновское реальное училище «закрывает свои двери более 3/4 горцев, жаждущих образования»⁷². Согласно далеко не полным официальным данным, в 1900 и 1901 гг. в приеме во Владикавказское реальное училище было отказано 75 процентам всех подавших заявления дагестанцам⁷³, а в Бакинские реальное училище из 13 подавших заявления было принято только 6 человек⁷⁴.

На общем собрании уполномоченных Дербентского городского общественного управления (сентябрь 1901 г.) городской староста признал, что был лично свидетелем, как родители, привезшие своих детей в Темир-Хан-Шуру и Владикавказ для устройства в средние учебные заведения, со слезами на глазах слушали отказ от учебного начальства «за неимением свободных вакансий»⁷⁵.

Приведем еще одно признание официального лица, характеризующее отношение местного населения к русской школе. Оно принадлежит человеку, достаточно осведомленному о состоянии народного просвещения в Дагестане и об отношении горцев к светскому образованию. Речь идет о рапорте инспектора народных училищ Бакинской губернии и Дагестанской области в Кавказский учебный округ от 20 марта 1901 г. «Посетив в текущем марте месяце Казикумухское одноклассное училище, — пишет инспектор, — я застал там около 70 учащихся при одном учителе. Число учащихся могло бы быть гораздо большим, если бы не приходилось отказывать в приеме за неимением мест очень многим детям, желающим учиться. В текущем, например, году, по словам учителя училища, было отказано в приеме в училище более 50 детям. Вследствие чего является крайняя необходимость в расширении Казикумухского училища... Целесообразнее было бы преобразовать названное училище в двухклассное, для чего потребуется увеличить ежегодный расход на училище на 600 рублей»⁷⁶.

Несмотря на значительную поддержку со стороны населения царские власти отказывались отпускать средства на строительство школьных зданий. Характерна в этом отношении история со строительством здания для Левашинской школы в Даргинском окру-

ге в 80-х гг. XIX века. Строилось оно в течение семи лет, потом строительство было приостановлено, хотя для его завершения недоставало всего 1 500 рублей. На просьбу об отпуске средств на окончание строительства из канцелярии главнокомандующего по военному-народному управлению Кавказского края последовал ответ: «Ходатайство отклонено как преждевременное». В письме разъяснялось, что Министерство просвещения, «категорически отказав в отпуске денежных средств на содержание сельских школ в Кумухе, Хаджал-Махах и Хунзахе, без сомнения отклонит также и... ходатайство об открытии за счет казны школы в сел. Левашин»⁷⁷. Вследствие этого почти готовое здание было разобрано, камень и другие строительные материалы проданы.

Как и на других окраинах царской России, материальное положение учителя дореволюционной дагестанской школы было крайне тяжелым. Еще П. К. Услар в 60-х гг. прошлого века отмечал, что «звание сельского учителя материально есть самое неблагоприятное. Этому званию могут посвятить себя люди, отказавшиеся от честолюбия, от надежды повыситься, — люди, дорожащие скудным куском хлеба и уверенностью, что завтра пройдет для них так же безмятежно, как и сегодня»⁷⁸.

Понятно, что при таком отношении к народному учителю, который в условиях царизма, по выражению В. И. Ленина, был загнан как заяц⁷⁹, и при мизерных материальных затратах государства на образование, особенно на национальных окраинах, не могло быть и речи о значительном прогрессе дела просвещения и культуры. Именно в этом и надо видеть главную причину крайне медленных темпов развития народного образования в дореволюционном Дагестане.

Даже в конце XIX века в светских школах Дагестана почти не было учителей из местного населения. За 20 с лишним лет, прошедших со времени открытия «татарского отделения» Горийской учительской семинарии (1879 г.) до начала XX века, только трем горцам из Дагестана удалось окончить полный курс этого отделения и получить звание учителя народной школы. Кроме них работало несколько учителей-дагестанцев, не имевших специального педагогического образования.

Учителей было крайне мало, и это обстоятельство сказывалось на работе школ, затрудняло их укомплектование, создавало текучесть учительских кадров. Сошлемся лишь на один документ, характеризующий текучесть кадров учителей в сельских школах

⁷² Туземец. Грамотность в горах Дагестана//Этнографическое обозрение. 1900. С. 112.

⁷³ ЦГА ДАССР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 134. Л. 4.

⁷⁴ Там же. Л. 5.

⁷⁵ Там же. Л. 7.

⁷⁶ Там же. Д. 123. Л. 203; Каймаразов Г. Ш. Влияние России на развитие культуры и просвещения дореволюционного Дагестана: Рукопись канд. дис. 1955. С. 191.

⁷⁷ ЦГА ДАССР. Ф. 126. Оп. 2. Д. 70. Л. 108.

⁷⁸ Услар П. К. О распространении грамотности между горцами//ССКГ. Вып. III. Тифлис, 1870. С. 9.

⁷⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 135.

области в 90-х гг. прошлого века, — отчет начальника Андийского округа за 1896 год, где он, объясняя, почему среди населения округа «слабо развивалось убеждение о пользе школьного образования», пишет: «За пять лет, прошедших со времени открытия Ботлихской школы, в ней пребывало один за другим четыре учителя... Мог ли учитель хорошо узнать своих учеников и их родителей, когда один из них пробыл в Ботлихской школе около 6 месяцев, другой — всего 2»⁸⁰.

Были и трудности, с которыми встречался русский учитель в горах. Незнакомая обстановка, незнание языка местного населения, его настороженность и недоверие, которые подогревались реакционным духом, затрудняли работу учителя, мешали его общению с горцами. Далеко не все могли выдержать эти и связанные с материальными трудностями испытания. Однако те, кто в суровых условиях гор, несмотря на материальные лишения, честно и добросовестно служили благородному делу народного просвещения, пользовались глубокой и искренней любовью местного населения.

§ 2. Школы при воинских частях и поселках. Вневедомственные и частные школы

Выше мы вели речь о развитии школьной сети в Дагестанской области, главным образом, ведомства народного просвещения. Школы эти, как мы видели, финансировались в основном за счет государства, земских средств, а также материально поддерживались местным населением. Занятия в школах, будь то реальное училище, прогимназия, городское и сельское училище, проводились по учебным планам и программам, утвержденным для каждого вида учебного заведения соответствующими инстанциями, ведавшими вопросами просвещения, с учетом местных условий.

В пятидесятых и шестидесятых годах XIX века несколько школ было открыто при воинских частях, дислоцированных в различных пунктах Дагестанской области, появились также частные школы.

В 1859 г. священник линейного батальона, расквартированного в сел. Ахты, Т. Лебединский открыл при учебной команде школу, в которой учились и горские мальчики. Двое из них впоследствии продолжали учебу в других учебных заведениях. Такие школы существовали также в поселке Дешлагар (при 83-м Самурском пехотном полку), Темир-Хан-Шуре (при Апшеронском полку)⁸¹.

⁸⁰ ЦГА ДАССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

⁸¹ В 1858 г. в связи с переводом Апшеронского полка в сел. Ишкарты, туда же перешла и школа.

Позднее школы открылись в Кумухе и Гунибе при дислоцированных в этих аулах линейных батальонах.

В рапорте начальнику Дагестанской области от 6 июня 1862 г. военный начальник Среднего Дагестана сообщал, что в школе при Кавказском линейном батальоне № 19, расквартированном в Казикумухе, учатся и дети горцев. «Число учащихся в школе мусульманских мальчиков, — говорится в рапорте, — доходит ныне до 15... Успехи мальчиков в короткое время заслуживают одобрения, а метод преподавания наук и обращения с мальчиками в школе дают право надеяться, что при некотором увеличении средств школы число охотников учиться в ней возрастет, а результат образования мусульманских мальчиков в русской школе принесет наилучшую пользу для края»⁸².

Еще большей популярностью среди горцев пользовалась школа, организованная при аптеке Дагестанского конно-иррегулярного полка в Нижнем Дженгутае русским врачом И. С. Костемеровским. Школа открылась в декабре 1856 года. По свидетельству самого Костемеровского, она была организована для подготовки из местного населения «фельдшерских учеников и оспопрививателей»⁸³. Однако со временем успехи школы оказались столь значительными, что они превзошли ожидания ее организатора.

Первыми учениками школы были сыновья и малолетние братья всадников полка. Вскоре весть об открытии школы разнеслась по аулу и привлекла столько желающих учиться, что аптека не могла их вместить. Пришлось подыскать другое, более просторное помещение. Временами число обучающихся горцев достигало 45 человек. Преподавали в ней сам И. С. Костемеровский и фельдшера. В школе изучались следующие предметы: русский язык, арифметика (четыре основных арифметических действия, именованные числа), география и история (в форме бесед, посвященных объяснению явлений природы и общественной жизни)⁸⁴.

В статье, опубликованной в газете «Кавказ» 25 мая 1858 г., И. С. Костемеровский писал, что в Дженгутаевской школе велись занятия и по пению. Дети пели «со скрипкою» русские и аварские песни — «иногда с присоединением хореографических упражнений»⁸⁵.

На экзаменах, состоявшихся в 1858 г., учащиеся обоих классов школы — младшего и старшего — обнаружили хорошие успехи в учении. По свидетельству И. С. Костемеровского, экзаменационная

⁸² ЦГА ДАССР. Ф. 126. Оп. 2. Л. 71, 31—32.

⁸³ Кавказ. 1860. 28 мая.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Кавказ. 1858. 25 мая.

комиссия «единогласно присудила «за успехи в науках» старшему и младшему классам выдать пуд грецких орехов»⁸⁶.

Выпускники Дженгутаевской школы поступали на военную службу в конно-иррегулярный полк, другие воинские части, некоторые были подготовлены И. С. Костемеревским к педагогической деятельности и занимались распространением русской грамоты в Аварии.

Однако, как свидетельствуют имеющиеся в нашем распоряжении материалы, школы при воинских частях были непостоянными и работали, как правило, с перерывами, плохо обеспечивались средствами, имели незначительный контингент учащихся и, просуществовав некоторое время, закрывались. Понятно поэтому, что такие школы не могли оказать значительного влияния на развитие просвещения в горах. Но то, что местное население отдавало своих детей даже в эти школы, очень показательно и свидетельствует о наметившемся уже со второй половины 50-х годов прошлого века сдвиге в сознании горского общества, о стремлении дагестанцев к получению современного образования.

Особое место в истории дагестанского просвещения второй половины XIX в. занимают школы, открытые в 1865—1867 гг. в Хунзахе, Кумухе и Гунибе для обучения горцев грамоте на родных языках по алфавитам, разработанным выдающимся исследователем кавказских языков П. К. Усларом. П. К. Услар при участии своих помощников Айдемира Чиркеевского и Абдуллы Омарова составил алфавиты, создал буквари на аварском и лакском языках. Позднее были подготовлены сборники сказок, пословиц, песен, которые предназначались для первоначального чтения.

Первой открылась школа в Хунзахе. В школу предполагалось принять 15 человек, чтобы окончившие ее могли впоследствии заняться распространением грамотности среди аварцев. Однако соображения практического характера взяли верх, и решено было вызывать для обучения новой грамоте группами письмоводителей наибских управлений и судов Аварского, Гунибского и Андийского округов с тем, чтобы ввести в этих округах официальную переписку на аварском языке вместо арабского. В школу принимались и другие лица, желающие обучиться аварской грамоте. Учителем был назначен Айдемир Чиркеевский.

Вскоре после открытия школа была переведена в Темир-Хан-Шуру. Несмотря на преклонный возраст многих учащихся они в течение двух-трех месяцев выучивались свободно читать и писать по-аварски. На экзаменах, проходивших в присутствии начальника области и П. К. Услара, в течение нескольких часов производилась

«примерная переписка; она шла быстро и безостановочно. Результаты превзошли все ожидания»⁸⁷. Письмоводители, возвратившись домой, уже могли вести официальную переписку на родном языке.

Еще больших успехов в занятиях достигли переводчики. За два года существования школу окончили несколько групп горцев — лиц различных занятий и самого разного возраста от малолетних до пожилых, — всего более 100 человек⁸⁸.

Гунибская школа открылась в феврале 1867 года, однако просуществовала менее полугода. Она закрылась в июне того же года. Более продолжительным было существование Кумухской школы, учителем в которой работал Абдулла Омаров. Она открылась в сентябре 1866 года. В школу было принято 15 человек, из которых 13 человек окончили курс и после экзаменов выпущены. В январе 1867 г. был проведен новый набор учащихся из шести аулов Казикумухского округа. Примечательно, что среди учащихся Кумухской школы была и одна горянка⁸⁹ — факт исключительный для Дагестана того времени.

В 1867 г. все школы были закрыты. На их содержание были израсходованы весьма скромные средства — всего 2005 рублей 27 копеек⁹⁰. Недостаточная материальная поддержка и отношение официальных властей были однако не единственной причиной недолгого существования школ. Попытка распространения письменности на родных языках вызвала отрицательную реакцию, а то и прямое сопротивление реакционного духовенства, которое усмотрело в этом деле, по словам официального отчета начальника области (1869 г.), «большую опасность для своей профессии», отнеслось к нему весьма враждебно «и тайно старалось противодействовать распространению в народе новой грамоты»⁹¹.

Согласно отчетам военных начальников среднего и западного Дагестана, в 1870 г. лиц, знавших новую грамоту, было 169 человек⁹²: в Гунибском округе — 63, в Казикумухском округе — 51, Аварском — 45 и Андийском — 10.

Хотя обучение грамоте по азбукам, разработанным П. К. Усларом, и прекратилось с закрытием школ, горцы продолжали ими интересоваться и в последующие годы. Сохранились свидетельства лиц, которые, посетив библиотеки в Темир-Хан-Шуре, воочию убедились, что книгами П. К. Услара и его учеников пользовались и

⁸⁷ Загурский Л. П. К. Услар и его деятельность на Кавказе//Сборник сведений о кавказских горах. Вып. X. Тифлис, 1881. С. 62.

⁸⁸ Козубский Е. И. К истории народного образования... С. 224.

⁸⁹ Загурский Л. Указ. соч. С. 63.

⁹⁰ Козубский Е. И. К истории народного образования... С. 225.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же. С. 226.

в 70-80-х годах прошлого века. «Внешний вид этих книг,— писал один из посетителей,— свидетельствовал о том, что они побывали во многих руках».

К концу 50-х и к 60-м годам относятся попытки открыть в Дагестане частные школы. Первая из них была открыта в 1859 г. в Темир-Хан-Шуре сестрами Н. В. и А. В. Есиповыми. До открытия Дербентской и Темир-Хан-Шуринской женских школ она являлась единственным женским учебным заведением области. Школа просуществовала до 1875 г., когда в связи с созданием мужской и женской прогимназий в Темир-Хан-Шуре и сокращением числа учащихся была закрыта. Однако не все попытки организации частных школ оказались удачными. Так, в июне 1864 г. наместник Кавказа разрешил жене вольнонаемного оружейного мастера линейных батальонов № 16 и 17 Венден открыть частный пансион для детей «не только благородных фамилий, но и из почетных граждан»⁹³. Однако нет никаких сведений, подтверждающих, что пансион был открыт.

Неудачной была также попытка Е. Е. Немирович-Данченко открыть частную школу в Порт-Петровске, хотя она и получила в 1871 г. разрешение кавказского наместника на открытие «элементарного двухклассного училища».

С. Я. Петрова, жена начальника 21-й пехотной дивизии, обратилась в том же 1871 г. к наместнику Кавказа с просьбой о разрешении открыть в Дешлагаре «общественное женское училище», но получила отказ ввиду «необеспеченности содержания училища»⁹⁴. Все же С. Я. Петровой, при содействии лиц, взявших на себя труд не только обучения детей, но и оказания им помощи в выполнении домашних заданий, удалось открыть школу. Эта школа с программой приготовительного и первого классов содержалась на средства самой Петровой и собираемые ею пожертвования. Временами число учениц доходило до 50 человек. Но в связи с переводом штаба 21-й пехотной дивизии в Порт-Петровск (1873 г.) Дешлагарская школа закрылась⁹⁵.

В 1872 г. частное женское училище открывается в Темир-Хан-Шуре. Оно просуществовало около трех лет. В 1875 г. в связи с выездом из города организатора училища — Котляревской — оно закрылось⁹⁶.

В 1874 г. в Темир-Хан-Шуре открывается еще одно детское учреждение, о котором следует упомянуть, так как это был новый, до сих пор неизвестный в Дагестане тип детского учебно-воспита-

тельного заведения — детский сад. В него принимались дети с шести лет. По мысли организаторов, детский сад «легким, забавным, последовательным и разумным трудом, пением, детской гимнастикой займет ребенка в продолжение 5—6 часов дня, разумно поведет развитие его мыслительных способностей... наглядным обучением по элементарным предметам образует его так, что он войдет в школу, как в свою среду». Однако этим предположениям не суждено было сбыться. И не только потому, что «детский сад» имел слишком слабую материальную базу, а расходы на содержание детей и приобретение учебных пособий должны были вносить родители. В условиях, когда общее состояние народного просвещения даже в городах области находилось на низком уровне, отсутствовала единая, преемственная, доступная широким массам система образования и воспитания, детские дошкольные учреждения не могли привиться и получить распространения. Да такие попытки и не получали поддержки со стороны царской администрации. На 1 января 1875 г. в Темир-Хан-Шуринском детском саду воспитывалось 14 мальчиков и девочек, а в следующем 1876 г. и того меньше — 13⁹⁷. Детский сад, просуществовав всего два года, в 1876 г. закрылся.

С 1875 по 1877 г. в Темир-Хан-Шуре работала частная школа для приходящих малолетних детей, в которой в год открытия обучались 5 девочек и один мальчик⁹⁸.

Более продолжительным было существование частной еврейской школы в Темир-Хан-Шуре. Открылась она в 1885 г. В школе обучалось 25 учащихся обоего пола⁹⁹.

По сведениям Е. И. Козубского, в Порт-Петровске в 1876 г. существовали две частные женские школы Дегаевой и Смирновой, а в 1876 г. здесь была открыта еще одна школа с пансионом домашней учительницей М. Серпинэ. В том же году школа была преобразована в прогимназию в составе приготовительного и трех основных классов, в которых к началу 1879 г. обучалось всего 17 учениц. 6 из них содержались в пансионе. В 1879 г. в прогимназии открылся четвертый класс, и число учащихся уже в августе этого года достигло 30 человек, из которых 9 пансионеров. Из-за материальных затруднений и выезда из города преподавателей в 1881 г. прогимназия закрылась¹⁰⁰.

Одновременно со школой Серпинэ в Порт-Петровске работало еще одно частное учебное заведение — начальное училище Барбаль.

⁹³ Козубский Е. И. К истории народного образования... С. 228.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Козубский Е. И. Очерки истории г. Темир-Хан-Шуры//Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XIX. Тифлис, 1894. С. 65.

⁹⁷ Козубский Е. И. Указ. соч. С. 66.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Козубский Е. И. К истории народного образования... С. 230.

¹⁰⁰ Там же. С. 229—230.

Столь же недолговременным было существование частного начального училища, открытого Сараджевой в Дербенте в октябре 1887 г.

§ 3. Обучение горцев в учебных заведениях России

После присоединения Дагестана к России открылись возможности для обучения представителей привилегированной части горской молодежи в учебных заведениях империи. Правда, пока продолжалось движение горцев под руководством Шамиля, возможности эти были крайне малы и ограничивались в основном устройством отдельных лиц из верных царизму местных феодалов в кадетские корпуса и некоторые другие военные учебные заведения. Как отмечал еще П. К. Услар, «немногие из них учились успешно, другие пользовались льготами для получения офицерских эполет и увеличивали собой число кавалерийских офицеров в России. В общей сложности, польза, принесенная этими лицами Кавказу, далеко не соответствовала издержкам, употребленным на их воспитание»¹⁰¹.

Царские власти понимали, что для окончательного усмирения горцев недостаточно одной военной силы, военных побед, нужно еще «примирить местные умственные, религиозные и бытовые особенности края с общими духовными интересами России». В этом царизму должна была помочь школа.

Генерал Клюке фон Клюгенау, командовавший царскими войсками, действовавшими против горцев, писал в 1844 г.: «Следует в будущем обращать внимание на образование туземного населения, так как это, без сомнения, долгий и трудный, но тем не менее неизбежный и достойный путь к утверждению нашей власти в Дагестане»¹⁰².

Среди учебных заведений России первое место в образовании и воспитании горской молодежи во второй половине XIX в. принадлежит Ставропольской гимназии, открытой в 1837 году. В 1842 г. были разработаны предложения об организации при гимназии приготовительного отделения на 50 горских мальчиков в виде пансиона, после окончания которого они должны поступать в кадетские корпуса и другие военные учебные заведения. Положение о Кавказском учебном округе 1843 г. внесло изменения в порядок обучения детей из «почетных фамилий» горского населения и определило создать при гимназии вместо приготовительного отделения пансион на 60 воспитанников. 15 мест в пансионе выделя-

лись детям «почетных лиц кабардинских и других горских племен, на северной покатости Кавказского хребта обитающих»¹⁰³.

В 1853 г. последовало новое положение, согласно которому число горских пансионеров в Ставропольской гимназии было увеличено до 65, но одновременно на две трети сокращались вакансии для «почетных горцев» в кадетских корпусах. В 1857 г. Кавказскому учебному округу были выделены средства на содержание за государственный счет 65 воспитанников в Ставропольской и 25 в Екатеринодарской (ныне г. Краснодар) гимназиях.

Однако прошло еще десять лет, прежде чем горцы Дагестана получили даже формально доступ в эти учебные заведения. Дело в том, что вакансии в Ставропольскую и Кубанскую гимназии были установлены для уроженцев так называемой «Кавказской линии», т. е. жителей Кубанской и Терской областей. Дагестанская область в нее не входила. И только в 1866 г. царские власти на Кавказе решили на горские вакансии в пансионе Ставропольской гимназии принимать как уроженцев Терской, так и Дагестанской областей, причем на каждые три вакансии для уроженцев Терской области приходилась одна для горцев Дагестана.

В 1867 г. при Ставропольской гимназии для горцев было открыто горское (реальное) отделение. Установленные вакансии разрешалось занимать только детьми, которые могли свободно говорить по-русски и понимали излагаемое на русском языке. Они должны были быть подготовлены так, чтобы без труда выдержать экзамен в соответствующий их возрасту класс гимназии. Из-за малочисленности русских школ в Дагестане, особенно в первые годы после учреждения вакансий, было трудно отобрать кандидатуры, которые удовлетворяли столь жестким требованиям. Направление дагестанцев на учебу в Ставропольскую гимназию происходило так: начальник области поручал педагогическому совету Темир-Хан-Шуриной горской школы¹⁰⁴ отобрать учеников, которые отвечали бы предъявляемым требованиям, затем их отправляли в Ставрополь за счет общественных средств тех округов, откуда они родом. Отбирались дети до 15 лет в соответствующие возрасту классы по реальному отделению¹⁰⁵.

После преобразования Темир-Хан-Шуриной горской школы в прогимназию (1874 г.), а последней в реальное училище (1880 г.) и некоторого увеличения в связи с этим численности горских детей, подготовленных для продолжения образования в русских учебных заведениях, возросло количество дагестанцев, обучающихся

¹⁰³ Дагестанский сборник. Вып. 1. Темир-Хан-Шура, 1902. С. 190—191.

¹⁰⁴ С 1874 г. после ее преобразования — Темир-Хан-Шуриной прогимназии. — Г. К.

¹⁰⁵ Козубский Е. И. К истории народного образования... С. 193.

¹⁰¹ ССКГ. Вып. X. Тифлис, 1881. С. 73.

¹⁰² Дагестанский сборник. Вып. 1. Темир-Хан-Шура, 1902. С. 190.

в Ставропольской гимназии. Сократился и отсев из учебного заведения по неуспеваемости.

Всего с 1866 по 1890 г. из горской школы, прогимназии и реального училища в Ставропольскую гимназию было направлено 124 человека. Из них из Темир-Хан-Шурина округа — 49, Даргинского — 8, Кюрина — 6, Кайтаго-Табасаранского — 7, Самурского — 8, Аварского — 10, Андийского — 4, Гунибского — 11, Казикумухского — 12, Закатальского — 4 и неизвестно из какого — 5.

В шестидесятые годы в гимназию было направлено из области 22 дагестанца, в семидесятые — 63 и в восьмидесятые — 39. Всего за эти годы окончили курс 32 человека, в том числе по гимназическому отделению — 3 и по реальному (горскому) отделению — 29 человек¹⁰⁶. Из общего числа дагестанцев, окончивших за 25 лет курс Ставропольской гимназии, 13 поступили в высшие учебные заведения и 15 человек на военную службу¹⁰⁷.

В 1868 г. вакансии для дагестанцев открылись еще в одном среднем учебном заведении — Бакинской гимназии, впоследствии преобразованной в реальное училище. Вакансии эти были учреждены за счет уменьшения мест для горцев в Кубанской гимназии. Всего при Бакинской гимназии было открыто для горцев 15 мест, которые должны были замещаться уроженцами Дагестанской области и Закатальского округа. В отличие от Ставропольской гимназии в Бакинскую гимназию (и реальное училище) направлялись горские дети, учившиеся не только в Темир-Хан-Шурина горской школе, прогимназии (и реальном училище), но и в других школах, и даже нигде раньше не учившиеся. Всего за двадцать лет (1868—1888 гг.) в Бакинскую гимназию (и реальное училище) было отправлено 47 дагестанцев, из них 27 человек из трех южных округов области (Кюрина, Кайтаго-Табасаранского и Самурского) и г. Дербента¹⁰⁸. Окончили курс учебного заведения 10 дагестанцев, все они поступили на военную службу.

Небольшому числу уроженцев Дагестана удавалось поступить и в другие учебные заведения вне пределов области. Во второй половине 70-х и в 80-х годах четверо дагестанцев из г. Дербента, Кайтаго-Табасаранского и Кюрина округов обучались в Закавказской (г. Гори) и Кубанской учительских семинариях. Трое из них окончили курс, получили звание учителя начальной школы и работали впоследствии педагогами.

В 1867 г. 9 дагестанцев из разных округов было направлено для обучения грамоте и приобретения «практическим путем раз-

ного рода полезных в домашнем быту горцев сведений по части ремесел и сельского хозяйства» в сел. Лачино, где находился «практический хутор» Кавказского общества сельского хозяйства. Один уроженец Дагестана (Гунибский округ) был направлен в 1870 г. на учебу в сельскохозяйственную школу, работавшую при ферме агронома Бушена около Владикавказа.

Однако дагестанцы недолго пробыли в сел. Лачино. Двое из них сразу вернулись назад. Остальные оставили учебу в 1869 г. «вследствие климата». Четверо из учеников поступили в 1870 г. в училище виноделия и садоводства при Никитском ботаническом саде в Крыму и окончили курс в 1872 году¹⁰⁹.

В 1870 г. два дагестанца из Темир-Хан-Шурина и Самурского округов окончили фельдшерскую школу при Тифлисском военном госпитале. И в последующие годы в Тифлисской школе учились молодые горцы из ряда округов области.

Среди учебных заведений Кавказского края, где представители дагестанской молодежи получали образование еще во второй половине XIX в., была и Владикавказская гимназия. Так, в 1889 г. успешно окончил эту гимназию уроженец сел. Алкадар Кюрина округа Алимирза Гасанов¹¹⁰, который в том же году поступил в Петербургский университет. В 90-е годы число дагестанцев, пытавшихся поступить в школы г. Владикавказа, возросло. По данным Центрального госархива Дагестанской АССР, в конце XIX в. только во Владикавказское реальное училище подавало заявления о приеме ежегодно в среднем 3—5 дагестанцев¹¹¹. Однако подавляющему большинству их отказывалось в этом по стандартной причине «отсутствия мест». По этой причине горцам Дагестана отказывали в приеме и в другие учебные заведения края и империи. Особенно в тяжелом положении оказывались дети из бедных семей. Даже те немногие, которым с огромными усилиями и трудом удавалось окончить сельские училища, за редким исключением, не могли продолжать образование.

В Центральном государственном архиве Дагестана сохранились любопытные документы, которые красноречиво свидетельствуют об отношении властей к стремлению горской молодежи к продолжению образования.

В 1870 г. житель Гунибского округа Магомед-Алибек-оглы обратился к губернатору Дагестана с просьбой устроить его сына в сельскохозяйственную школу. Прошение это губернатор направил командующему Кавказской армией, а тот — в канцелярию императора в Петербург. Последовал ответ: «Неужели в Дагестане нет де-

¹⁰⁶ Козубский Е. И. К истории народного образования... С. 194.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Козубский Е. И. К истории народного образования... С. 196—197.

¹¹⁰ ЦГА ДАССР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 102. Л. 2.

¹¹¹ Там же. Д. 134.

тей беков, ханов, помещиков? Отказать». Другой пример. В 1891 г. ученик Ахтынской сельской школы Мирзоев Абдул-Гашум послал заявление военному губернатору области, в котором просил дать распоряжение об устройстве его в фельдшерскую школу при Тифлисской Михайловской больнице или в какую-либо учительскую семинарию на государственный счет, «по открытии свободной вакансии»¹¹². Обратим внимание — сельский школьник просил губернатора определить его в фельдшерскую школу или в учительскую семинарию не в 1891 году, а когда «появится вакансия». И тем не менее, ответ был отрицательный. В нем говорилось, что просьба не может быть удовлетворена «из-за отсутствия свободных вакансий ни в одном из означенных учебных заведений»¹¹³.

Хотя в целом положение и было плачевным, появление школ в сельской местности, средних школ в городах области и обучение представителей горской молодежи в средних учебных заведениях, специальных школах за пределами Дагестана знаменовали важный этап в народном просвещении в крае.

Во второй половине XIX в. представители горской молодежи, хотя и в крайне ограниченном числе, получили доступ в высшие учебные заведения Москвы, Петербурга, Харькова. В 1869 г. выпускники Ставропольской гимназии А. Келеметов, Далгат Магомед-оглы, М. Арабилов были определены «областными стипендиатами» соответственно в Харьковский и Московский университеты и Петербургскую медико-хирургическую академию. А. Келеметов в 1874 г. окончил юридический факультет Харьковского университета, а Далгат Магомед-оглы был направлен из Московского университета в Германию, где окончил курс в Вюрцбургском университете. На медицинский факультет Московского университета поступил в 1871 г. также выпускник Ставропольской гимназии Г. Бамматов, но умер, не завершив учебы.

Окончив курс в Петербургском горном институте в 1880 г., возвратился в Дагестан уже упоминавшийся нами инженер Магомед Омаров¹¹⁴, который также был выпускником Ставропольской гимназии. В 70-х годах 5 выпускников этой гимназии за счет «общественных штрафных средств» области были направлены в военные училища и еще несколько человек в Петербург в Институт путей сообщения и технологический институт. Стипендиатами Дагестанской области в Московском высшем техническом училище являлись

¹¹² ЦГА ДАССР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 108. Л. 1.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ См. § 1. настоящей главы.

с 1885 г. Илья Анисимов¹¹⁵ и Гирей-Гаджи-Магомед Гасанов, а Пир-Али Эмиров (окончил курс в 1889 г.) и Дауд Бутаев — в Петровской сельскохозяйственной академии¹¹⁶.

В 1889 г. поступили в Петербургский университет окончившие успешно Ставропольскую гимназию Башир Далгат и Владикавказскую гимназию Алимурза Гасанов.

В 90-х годах число молодых дагестанцев, которым удавалось продолжать образование в высших учебных заведениях, незначительно увеличилось. Это объясняется не только малочисленностью горцев в средних учебных заведениях, но и в огромной степени материальными трудностями, с которыми они встречались в процессе учения в вузе. Стипендиальный фонд, создававшийся за счет «общественных штрафных средств» области, был мизерным. А за учение в вузе студент должен был вносить не менее ста рублей в год. Естественно, только обеспеченные родители могли содержать своих детей в столице и других вузовских городах.

В Центральном государственном архиве ДАССР сохранилось множество заявлений студентов столичных вузов в адрес военного губернатора области и кавказского наместника об оказании им материальной помощи для продолжения учебы. Так, один из них, студент 3-го курса Петербургского института путей сообщения, ахтынец Видади Эмиров¹¹⁷ писал в 1894 г. в заявлении на имя военного губернатора Дагестана, что из назначенной стипендии ему приходится вносить в институт ежегодно 100 рублей за право слушания лекций, а на оставшиеся деньги он должен приобретать учебные пособия и жить в течение года в столице, а это невозможно без ущерба занятиям и здоровью. В заключение студент просил увеличить ему стипендию.

После более чем 5-месячной переписки между канцеляриями главноначальствующего по военно-народному управлению Кавказского края и военного губернатора Дагестана В. Эмирову в просьбе было отказано¹¹⁸.

Итак, за более чем 30 лет после того, как первые дагестанцы

¹¹⁵ Илья Шеребетович Анисимов получил в Москве высшее образование, стал инженером-нефтяником. В 1888 г. он издал труд «Кавказские евреи — горцы» — наиболее обстоятельное монографическое исследование по этнографии этого народа, выполненное в дореволюционный период.

¹¹⁶ Козубский Е. И. К истории народного образования... С. 198.

¹¹⁷ Видади Эмиров окончил Ставропольскую гимназию, Институт путей сообщения, стал впоследствии одним из видных дагестанских инженеров. Эмиров внес большой вклад в осуществление строительных работ в Дагестане в первые годы Советской власти, в частности, в строительство канала им. Октябрьской революции в 1921—1923 гг. Канал протяженностью более 70 км стал снабжать столицу республики Махачкалу водой р. Сулак. За сооружение канала одной из первых среди республик страны ДАССР была награждена орденом Трудового Красного Знамени.

¹¹⁸ ЦГА ДАССР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 106.

получили доступ в университеты и специальные институты, число окончивших эти учебные заведения составило по имеющимся у нас данным 15 человек. Следует, однако, оговориться, в это число не входят лица, окончившие военные учебные заведения, т. е. в среднем через каждые два года вуз оканчивал один дагестанец.

О том, что эти данные отражают действительную картину, говорят и другие свидетельства. Так, в отчете созданного в 1905 г. «Общества просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области» за первые 15 месяцев его деятельности отмечается, что тогда было 17 дагестанцев, получивших высшее образование (3 медика, 2 юриста, 2 агронома, 2 горных инженера, 2 инженера путей сообщения, 2 инженера-техника, 2 инженера-технолога, 1 инженер-строитель, 1 окончивший факультет восточных языков), и несколько десятков строевых офицеров.¹¹⁹

§ 4. Конфессиональные школы

Параллельно с русскими школами во второй половине XIX века в Дагестане продолжала функционировать густая сеть религиозных мусульманских школ — медресе и мектебов, а также еврейские школы при синагогах. В городах Темир-Хан-Шуре (с 1892 г.), Дербенте (с 1893 г.) и Порт-Петровске (с 1892 г.) существовали православные церковно-приходские школы.

Ввиду неудовлетворительного состояния дореволюционной официальной статистики исследователю трудно проследить изменения сети религиозных школ в течение всей второй половины XIX в. Данные, представлявшиеся начальниками округов и находившие отражение в ежегодных обзорах Дагестанской области¹²⁰, по-видимому, несколько занижены и не дают полной картины не только деятельности, но и численности этих школ. Так, П. К. Услар считал, что «если об образовании народном судить по соразмерности числа школ с массой народонаселения, то дагестанские горцы в этом отношении опередили даже многие просвещенные европейские нации. Учение доступно каждому горскому мальчику. В каждом ауле найдутся один, два человека, которые учат детей читать и писать из-за куска хлеба; при каждой мечети находятся школы, где желающим учиться можно продолжать свое учение. Можно сказать, что в Дагестанской области нет почти ни одного селения, в котором при мечети у кадия или муллы не обучалось бы арабскому языку от трех до пятнадцати и более учеников. Едва ли где

в мусульманском населении на всем Кавказе до такой степени развито изучение арабского языка и духовной литературы на этом языке, как в Дагестане. Несмотря на трудность изучения этого языка, особенно по методу здешних учителей, стремление к ознакомлению с арабской грамотностью до того сильно развито между туземцами, что они учатся от 8-летнего возраста до достижения 30 и более лет, переходя из одного училища в другое, более известное ученостью преподавателя»¹²¹.

Это писалось в 60-х годах XIX в. человеком, многие годы посвятившим изучению Дагестана и достаточно хорошо его знавшим. Хотя данная П. К. Усларом характеристика и не содержит статистических сведений о примечетских школах, она дополняет представление, картину, которые исследователь может составить по другим источникам о состоянии религиозного образования в Дагестане во второй половине XIX в.

Есть и другое обстоятельство, мешающее определить точное число религиозных примечетских школ в рассматриваемое время. Дело в том, что религиозные школы, возникая в любое время года, главным образом в зависимости от наличия преподавателя и учащихся, и неожиданно закрываясь, плохо поддавались регистрации.

В 1890 г. в Самурском округе было зарегистрировано 82 примечетские школы, в которых обучалось 804 человека¹²², а в Аварском округе — всего 65 с 246 учащимися мужского пола¹²³. Некоторые начальники округов в своих ежегодных отчетах военному губернатору вплоть до 1892 г., когда обзоры Дагестанской области стали издаваться в Темир-Хан-Шуриной типографии, вообще не приводят каких-либо статистических сведений о религиозных школах. Они ограничивались констатацией факта их существования¹²⁴.

По данным обзора Дагестанской области, в 1892 году в Дагестане насчитывалось 646 мусульманских примечетских школ с 4306 учащимися, 15 школ при еврейских синагогах, в которых обучалось 252 человека, и две православные церковно-приходские школы в Темир-Хан-Шуре и Порт-Петровске с 169 учащимися¹²⁵. В последующие годы число религиозных школ в области изменилось незначительно и составило в 1899 году: мусульманские примечетские школы — 588 с 4126 учащимися, школы при еврейских сина-

¹¹⁹ Отчет о деятельности общества просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области за время с открытия общества с 21 октября 1905 г. по январь 1907 г. Темир-Хан-Шура, 1907. С. 10.

¹²⁰ С 1892 г. обзоры Дагестанской области стали издаваться в г. Темир-Хан-Шуре. — Г. К.

¹²¹ Услар П. К. Этнография Кавказа. Абхазский язык. Тифлис, 1887. С. 3—4.

¹²² ЦГА ДАССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4. Л. 46.

¹²³ Там же. Д. 5. Л. 35.

¹²⁴ Там же. Д. 4, 5. Л. 1, 4, 5 и др.

¹²⁵ Обзор Дагестанской области за 1892 г. Темир-Хан-Шура, 1893. С. 62.

годах — 26 с 469 учащимися и православные церковно-приходские школы — 3 с 174 учащимися¹²⁶.

К сожалению, ни материалы отчетов начальников округов, обзоров Дагестанской области, ни другие данные официальной дореволюционной статистики не выделяют, сколько было среди примечетских школ мектебов, и какова была численность школ повышенного типа — медресе. Об этом можно составить представление по другим, косвенным данным и свидетельствам. Можно утверждать, что медресе было в Дагестане, как и в предыдущий период, сравнительно немного. Они открывались в крупных аулах, преимущественно при больших или, иначе говоря, главных мечетях, в которых служили наиболее «квалифицированные» кадии и муллы. Соотношение мектебов и медресе в системе мусульманского религиозного образования в Дагестане было, по-видимому, десять — пятнадцать к одному, т. е. на каждые 10—15 мектебов приходилось одно медресе.

Если говорить о составе учащихся религиозных школ области, то подавляющее большинство в них были мальчики. Особенно мало девочек училось в мусульманских примечетских школах (10,7% в 1899 г.) и школах при еврейских синагогах (около 4,7%)¹²⁷. Лишь в православных церковно-приходских школах, находившихся в городах области, процент девочек едва превышал треть общей численности учащихся. Имеющиеся у нас статистические данные позволяют сделать вывод, что в течение последнего десятилетия XIX в. половой состав религиозных школ области изменился незначительно. Они показывают также, что если в школах некоторых округов, таких как Темир-Хан-Шуринский, Кайтаго-Табасаранский, Самурский, Андийский, девочки составляли в отдельные годы от 10 до 22 процентов общей численности учащихся, в других — Аварский, Даргинский, Казикумухский — их не было вовсе или обучалось единицы.

Аналогичной была картина в школах при еврейских синагогах. Из трех городов и двух округов, где функционировали еврейские школы, практически только в Темир-Хан-Шуре обучались девочки.

Не претерпели сколько-нибудь существенных изменений и материальные условия существования религиозных школ. Как и прежде, они зависели от возможностей и желания домашнего учителя, открывшего коранскую школу, а в примечетских школах еще от материальных возможностей мечети, отношения к делу ее служителей и, конечно, пожертвований родителей и всех жителей

аула. Плата и «добровольные» пожертвования в пользу домашнего учителя и примечетской школы вносились по-прежнему зерном, продуктами, скотом и деньгами. Последние и здесь все активнее стали входить в обиход в связи с дальнейшим развитием в области товарно-денежных отношений.

Система обучения и методы преподавания в дагестанских религиозных школах также не претерпели значительных изменений. В этом отчетливо проявлялись консерватизм конфессиональной системы обучения и господствовавших в ней методов преподавания, консервативная роль духовенства.

В уже упоминавшейся нами статье «Грамотность в горах Дагестана»¹²⁸ этнограф и краевед Д. Бутаев рассказывает о примечетских школах Казикумухского округа конца XIX в. В них, по свидетельству автора, изучение арабской грамоты и корана делится на два периода: в первый период учатся ясно и свободно читать коран без перевода на родной язык, изучают основные догматы магометанской веры. Большей частью ученики (99 из 100) этим и заканчивают свое «образование». Во второй период приступают к более или менее правильному разбору арабской грамматики и других книг, преимущественно религиозного содержания. Обучают, главным образом, мальчиков, девочки большей частью лишены возможности обучаться корану. Исключение составляют лишь дети богатых людей — выходцев из ханских, бекских семей¹²⁹.

Преподавателей примечетских школ местный этнограф характеризует как людей, совершенно не подготовленных к своей деятельности. Многие из них, обладая красивым почерком, умением бегло читать коран, «мало-мальски научившись с грехом пополам переводить арабские книги и аккуратно посещая мечети во время службы, находят себе места при мечети в качестве дибера, т. е. священника, и тем самым, так сказать, приобретают право открывать училище и принимать детей»¹³⁰.

Хотя было совершенно ясно, что в условиях конца XIX века методы преподавания в религиозных мусульманских школах явно устарели и тормозили умственное развитие детей, духовенство упорно цеплялось за старые методы. Оно боялось, что включение в «учебные планы» этих школ светских предметов ослабит его влияние, поколеблет устои мусульманской религии. И то обстоятельство, что мусульманские школы Дагестана позднее и медленнее стали на путь приближения к светским школам, чем, например, в Крыму или в ряде других мусульманских районов Кавказа, в

¹²⁸ Этнографическое обозрение. 1900. № 1.

¹²⁹ Там же. С. 109—110.

¹³⁰ Там же. С. 110.

¹²⁶ Памятная книжка и адрес-календарь Дагестанской области на 1901 год. /Под ред. Е. И. Козубского. Темир-Хан-Шура, 1901. С. 22, 23, 31.

¹²⁷ Там же.

огромной степени объясняется сопротивлением духовенства, пользовавшегося большим влиянием на население.

Примечательна в этом отношении характеристика примечетских школ, которая дана в передовой статье газеты «Кавказ» 12 сентября 1893 г. Статья озаглавлена «Мусульманское духовенство и народные школы». Газета с сожалением констатирует, что «духовные училища (медресе) и начальные училища при мечетях (мектебы) до сих пор остаются в прежнем положении, и в них не только не проникло преподавание русского языка, но в мечетские мектебы не проник еще, насколько известно, даже звуковой метод преподавания грамоты, значительно облегчающий труд усвоения ее детьми и много сокращающий время, употребляемое при старом притупляющем буквенном способе...»¹³¹

Вслед за передовой статьей в той же газете появился ряд новых материалов, посвященных мусульманским примечетским школам. Все они являлись, по существу, отражением возникшего под влиянием развития капиталистических отношений реформаторского движения в области просвещения в мусульманских районах империи.

Газета обсуждала вопросы, связанные с организацией учебной работы, «учебными планами» и «программами» примечетских школ, методикой преподавания, подготовкой учительских кадров и др.

В статьях содержались предложения о реформе примечетской религиозной школы, предусматривавшие «улучшение» этой школы и системы обучения в ней.

По мнению некоторых авторов, в таком «улучшении» особенно нуждались мектебы. Один из ярых сторонников реформы примечетской религиозной школы А. О. Черняевский считал, например, что совершенствование мектебов должно заключаться «в применении новейших приемов преподавания, в организации правильного курса обучения, а также в улучшении гигиенических условий»¹³². Он предлагал ввести в эти школы «преподавание арифметики и, где можно, русского языка». Ведь учат же в большинстве мектебов (закавказских — Г. К.) персидскому языку, говорил он, почему же не обучать детей русскому языку, «более нужному им в жизни и по более разумно составленным учебникам»¹³³.

А. О. Черняевский выступал за реформу примечетской школы, которая основывалась на современных методах обучения. Вместе с тем он решительно возражал против попыток отдельных «рефор-

маторов» воскресить «на русской почве» арабские средневековые медресе¹³⁴.

Царское правительство открыто не вмешивалось в дела примечетских религиозных школ и не поддерживало их материально. Однако это не означает, что его представители не интересовались их деятельностью. Наоборот, за работой преподавателей мектебов и медресе был установлен надзор местной администрации, которая должна была доносить вышестоящим властям о всех действиях духовенства и в первую очередь о его пропагандистской деятельности. Дело в том, что царизм не верил мусульманскому духовенству, не без основания подозревал его в протурецкой ориентации, в явной и скрытой антирусской агитации среди населения. Эти подозрения особенно усиливались в моменты осложнения внешнеполитических отношений России, и прежде всего в моменты ухудшения взаимоотношений с Турцией.

Реакционное духовенство всячески препятствовало сближению русского и дагестанских народов, приобщению последних к современной культуре. Вот что пишет по этому поводу автор статьи «Дагестанская мусульманская школа», опубликованной в «Журнале Министерства народного просвещения»: «До сих пор можно слышать в мечетях проповеди мулл (они единственные учителя в медресе), где сближению с русскими приписываются общественные бедствия, как-то: неурожай, засухи, землетрясения и др. Что же они набьют в голову бедным ученикам? Мусульманская школа и ее учителя-муллы, всеми силами поддерживаемые и Турцией, особенно в последнее время, стараются способствовать развитию в горах отчужденности от русских...»¹³⁵

С другой стороны, у царизма и местного мусульманского духовенства существовала и сфера общих интересов. Реакционное духовенство всемерно способствовало увековечению ненавистного народным массам строя эксплуатации и угнетения, проповедовало покорность и смирение по отношению к эксплуататорам, упорно «оберегало» население от проникновения передовых идей, активно сопротивлялось нарастающему революционному движению трудящихся горцев. Понятно, что подобная деятельность духовенства вполне соответствовала видам царского правительства и находила поддержку со стороны его официальных представителей на Кавказе.

В условиях конца XIX века, когда в экономике Дагестана постепенно утверждались капиталистические элементы, подвергались ломке старые формы хозяйства и происходили существенные

¹³¹ Кавказ. 1893. 12 сент.

¹³² Кавказ. 1893. 6 окт.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Кавказ. 1893. 12 сент.

¹³⁵ Фарфоровский С. Дагестанская мусульманская школа // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. Ноябрь. С. 3.

изменения в общественной жизни, примечетские школы со своими средневековыми схоластическими методами преподавания тормозили культурное развитие общества. Жизнь настоятельно требовала коренных реформ в системе обучения в конфессиональных школах и прежде всего введения в их учебные планы светских дисциплин. Однако этому мешало реакционное духовенство. Поэтому примечетская школа Дагестана во второй половине XIX века не претерпела серьезных изменений.

Итак, после присоединения к России в Дагестане существовали и параллельно развивались школы двух типов: светские школы, в которых обучение проводилось на русском языке, религиозные мусульманские и горско-еврейские школы с преподаванием на арабском и древнееврейском языках. Если главное назначение школ первого типа, т. е. русских, сводилось к подготовке из представителей местной эксплуататорской верхушки чиновников царского военно-административного аппарата и к содействию русификации края, то школы религиозные были призваны укреплять устой мусульманской и иудейской религий. В конце века в городах области открылись также три православные церковно-приходские школы.

Общим между школами первого и второго типа являлось то, что они, как и вообще просвещение в эксплуататорском обществе, носили классовый характер. Школы были недоступны большей части горских детей. Об этом свидетельствует тот факт, что в школах обоих типов в начале XX века обучалось примерно 7,5% всех детей школьного возраста.

Таким образом, состояние школьного образования в Дагестанской области до конца XIX в. оставалось жалким. Этим объяснялась низкая грамотность населения Дагестана, которая, по данным первой всеобщей переписи 1897 г., лишь немногим превышала 9%¹³⁶. По тем же данным, грамотность населения, считавшего родными кавказские языки, составляла всего 7,8%. Грамотных на русском языке насчитывалось в области 13 236 человек, или 28,7% от общей численности грамотного населения, а среди грамотных дагестанцев этот процент был в несколько раз ниже — всего 7,1%¹³⁷.

Таковы были результаты «просветительской» политики самодержавия в Дагестане, политики, лишавшей основные массы трудящихся возможности приобщиться к современной культуре, овладеть знаниями.

¹³⁶ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Дагестанская область. Спб., 1905. С. 12—13.

¹³⁷ См. Рукописный фонд Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР (РФИИЯЛ): Исторический отдел. Оп. 5. Д. 39.

§ 5. Влияние русской культуры на просвещение и развитие педагогической мысли в Дагестане

Со второй половины XIX в. русское влияние все больше сказывается на хозяйственно-бытовом укладе, на общественной жизни, семейных отношениях и даже на развитии языков дагестанских народностей.

Благодаря русским в Дагестане начали применяться более прогрессивные приемы земледелия, появились новые сельскохозяйственные орудия: усовершенствованные железные плуги, бороны, конные молотилки, способствовавшие росту производительности сельскохозяйственного труда, повышению урожайности возделываемых культур. Появление и распространение ряда новых для Дагестана сельскохозяйственных культур — картофеля, капусты, огурцов, помидоров и некоторых других — также связано с русским влиянием.

Во второй половине XIX в. в Дагестане расширяются площади под садами и виноградниками. Дагестанские фрукты, виноград находили довольно широкий сбыт в русских городах, и это в значительной мере способствовало дальнейшему развитию в крае садоводства и виноградарства. Здесь начинают выращивать новые сорта плодов и винограда.

Русский путешественник, побывавший во многих пунктах Южного Дагестана в 90-х годах прошлого века, писал: «Устройство воронцовских виноградников¹³⁸ начинает уже благотворно отражаться на садах окрестных жителей, которые под руководством ученого винодела и садовода практически усваивают себе усовершенствованные методы посадки, обрезки кустов и приготовления вина»¹³⁹.

В Южном Дагестане появление некоторых сортов косточковых фруктов и корнеплодов также связывают с русскими. Об этом свидетельствуют и названия этих культур. Лезгины, например, вишню называют «русской черешней», а редиску — «русским турпом» или «русской редиской».

Из России в Дагестан проникали некоторые агрономические сведения, основанные на достижениях науки и сельскохозяйственной практики. Горцы постепенно овладевают более рациональными приемами возделывания почвы, ухода за сельскохозяйственными культурами. Русские специалисты оказывали местному населению помощь в борьбе с заболеваниями животных и содействовали проведению профилактических мероприятий.

Русские люди оказали влияние и на развитие рыболовства в

¹³⁸ 20 км от Дербента.

¹³⁹ Кривенко В. С. По Дагестану: Путевые заметки. Спб., 1896. С. 140.

Дагестане. Благодаря совершенствованию орудий лова дагестанцы стали ловить больше рыбы, научились лучше использовать богатства Каспийского моря, дагестанских рек и озер.

В ходе Кавказской войны и после ее завершения в горах в военно-стратегических и хозяйственно-экономических целях были проложены шоссейные дороги протяженностью в сотни верст. Эти дороги облегчали общение населения Дагестана между собой и с соседними народами.

Одним из прогрессивных последствий присоединения Дагестана к России является возникновение новых городов (Темир-Хан-Шура, Порт-Петровск), превратившихся в экономические и культурные центры области. Значительно благоустроился старейший из дагестанских городов — Дербент. Еще в первой четверти XIX в. были расширены улицы Дербента, устроены площади, улучшено санитарное состояние города.

Входя во все более тесные взаимоотношения с русским населением, горцы перенимали от него новые черты быта. Новое в быту дагестанцев вызывалось, естественно, теми изменениями условий их жизни, экономической деятельности, которые произошли после присоединения к России. Эти изменения можно проследить не только на орудиях производства, но и в пище горца. Стол дагестанца стал более разнообразным. Он больше употребляет овощей, вначале в свежем, а впоследствии и в консервированном виде. Более разнообразной и богатой стала горячая пища горца.

Заметные изменения происходят в жилище дагестанского горца, одежде. Местные жители, преимущественно из состоятельных слоев, строят дома с остекленными окнами. Путешественники, побывавшие в Дагестане во второй половине XIX в., отмечали, что даже в горных аулах рядом с домами местной архитектуры они встречали дома европейского типа, наряду с узкими переулками — широкие улицы¹⁴⁰. Место очага в комнате постепенно занимает русская печь; появляются кровати, столы, зеркала и другие предметы домашнего обихода русского происхождения. Как отмечает Н. Бакланов¹⁴¹, некоторые из этих предметов, в частности русские зеркала, стекло, проникают в Дагестан еще с середины XVII в., а фаянс, фарфор — с XVIII в.

Русское влияние коснулось и народного изобразительного искусства горцев. По свидетельству того же Н. Бакланова, еще в конце XVII— начале XVIII вв. на изделиях кубачинцев появляется новый узор, носящий любопытное название «москов накыш», т. е. московский или русский узор. Будучи перенесенным из Рос-

¹⁴⁰ Ган К. Ф. Путешествие в Кахетию и Дагестан//Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXXI. Тифлис, 1899.

¹⁴¹ Бакланов Н. Златокузнецы Дагестана. М., 1926. С. 59.

сии, он «понравился здесь, привился и получил право гражданства, сохранив на память о своем происхождении название московско-го»¹⁴². Есть также орнамент в виде сетки с заполненными цветками ячейками. Это так называемое «сито», происходящее от русского сита и присущее русскому декоративному искусству¹⁴³.

Профессор Е. М. Шиллинг, в течение двадцати лет занимавшийся изучением материальной культуры кубачинцев, сообщает интересные сведения о влиянии русского изобразительного искусства на творчество кубачинских мастеров. Он дает, в частности, подробное описание московского узора, который мог проникнуть в Кубачи «примерно в XVI в., когда стали крепнуть и расти постоянные связи между Кавказом и Московским государством»¹⁴⁴.

Влияние русской культуры на развитие искусства кубачинцев отмечено Е. М. Шиллингом в области эмалевой работы, зарождение которой местные старожилы относят к середине XIX века. В конце прошлого века один из лучших мастеров старшего поколения в этой области Бахмут Топчиев ездил в Москву и Петербург. Здесь кубачинский мастер изучил изделия, обработанные цветной эмалью, закупил материал и, вернувшись на родину, стал работать совместно с братом. В последующие годы Б. Топчиев выпивал эмаль из Москвы и добился в новой для кубачинцев области изобразительного искусства неплохих результатов¹⁴⁵.

Еще более глубоким было русское влияние на духовную культуру Дагестана. Благоприятное влияние оказал на горцев великий русский язык — по определению Ф. Энгельса, «один из самых сильных и самых богатых из живых языков»¹⁴⁶. В процессе длительных экономических и политических связей дагестанских и русского народов, а впоследствии и укрепления этих связей присоединением Дагестана к России местные языки стали испытывать все большее влияние русского языка.

В. И. Ленин в письме С. Г. Шаумяну от 6 декабря 1913 г. отмечал прогрессивное значение русского языка для мелких и отсталых наций¹⁴⁷. Благодаря русскому языку дагестанские языки обогащались новыми терминами, пополняли свой словарный состав. Можно было бы привести большой список русских слов, получивших право гражданства в дагестанских языках еще в дореволюционное время. Мы ограничимся указанием лишь некоторых заимствований из русского языка, связанных с появлением новых уч-

¹⁴² Бакланов Н. Златокузнецы Дагестана. М., 1926. С. 48.

¹⁴³ Там же. С. 57.

¹⁴⁴ Шиллинг Е. М. Кубачинская серебряная доска. М., 1938; *Он же*. Кубачинцы и их культура: Историко-этнографические этюды. М.—Л., 1949. С. 111.

¹⁴⁵ Шиллинг Е. М. Указ. соч. С. 97, 125.

¹⁴⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 18. С. 526.

¹⁴⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 234.

реждений, предметов домашнего обихода, новой техники: почта, телеграф, телефон, начальник, конверт, стол, стакан, чайник, самовар, кровать, машина, молотилка, пароход и многие другие.

Опыт изучения русского языка использовался деятелями дагестанского просвещения при научной разработке местных языков, создании на них алфавитов. Составители первых учебников, книг для чтения и грамматик горских языков начинали свою работу с изучения русской учебной литературы. Так, Магомед Хандиев, прежде чем приступить к созданию аварской азбуки, хрестоматии и грамматики, изучил русскую грамматику. На достижения русской научной лингвистики опирались при создании азбук дагестанских языков и учебных пособий и такие деятели просвещения Дагестана, как Исабек Абдулаев и Саид Габиев.

На своем жизненном опыте горцы все больше и больше убеждались в необходимости обучения детей русскому языку и, преодолевая влияние традиций и религии, отдавали детей в русские школы. Характерно в этом отношении признание горца сыну, приехавшему в аул на каникулы из Ставропольской гимназии: «Не желая в старости, на радость моим недоброжелателям, беспокоиться за вас, я решился, вопреки обычаям наших предков, вопреки требованиям нашей религии, отдать вас в школу, чтобы вы могли там познакомиться и помириться с установлениями и обычаями русских и чтобы я не беспокоился за вас в будущем»¹⁴⁸.

Учиться в русских школах призывал известный дагестанский ученый Гасан Алкадари. Он писал, что после присоединения Дагестана к России для горцев «открылись двери к просвещению... Будем же учить детей, пусть знают, что есть, чего нет... Пусть откроются их глаза и увидят, что нужно в жизни, и пусть они совершат поездку на пароходах и по железным дорогам»¹⁴⁹.

Передовые представители образованной части горцев знакомили население с произведениями русских писателей, переводили на местные языки отдельные произведения А. С. Пушкина. И. А. Крылова, К. Д. Ушинского и выступали, таким образом, пропагандистами прогрессивной русской культуры.

Примечательно, что некоторые деятели просвещения Дагестана не только были знакомы с произведениями выдающегося русского педагога К. Д. Ушинского, но и пытались использовать его прогрессивные педагогические идеи в своей школьной практике. Этому, как и в целом развитию просвещения в Дагестане во второй половине XIX в., в значительной мере способствовала деятельность

Петра Карловича Услара, выдающегося педагога и исследователя кавказских горских языков.

Начало научной и педагогической деятельности П. К. Услара в Дагестане в основном совпадает с поражением движения горцев под руководством Шамиля. Одержав военную победу над горцами, царизм не прекратил борьбы за завоевание Дагестана, она приняла лишь другие формы. Горские народы предстояло «завоевать» и идеологически. Однако на пути к этому существовало весьма серьезное препятствие — мусульманское духовенство, религиозная школа, арабский язык. Преодолеть это препятствие должен был помочь П. К. Услар.

П. К. Услар взял за огромный труд и в течение нескольких лет создал капитальные исследования по аварскому, даргинскому, лакскому, лезгинскому и табасаранскому языкам, составил их азбуки, положив в основу русскую графику. Но чтобы распространить новую азбуку, нужно было заинтересовать ею горцев, показать ее преимущество перед арабским алфавитом, занимавшим здесь господствующее положение. Местное население следовало также убедить в научной и практической несостоятельности религиозных школ, где обучение велось по книгам, написанным на арабском языке.

Взявшись за эту нелегкую задачу, П. К. Услар при поддержке местной военной администрации создает в 1865—1867 гг. в Хунзахе, Казикумухе, Гунибе новые школы, где обучением руководили специально подготовленные для этой цели горцы. Одновременно в ряде статей он резко обрушивается на мусульманское духовенство, примечетские школы и предлагает свой план обучения подрастающего горского поколения. В этих статьях — «О распространении грамотности между горцами», «Предположение об устройстве горских школ» и «О составлении азбук кавказских языков»¹⁵⁰ — изложены педагогические взгляды П. К. Услара.

В статье «О распространении грамотности между горцами» П. К. Услар подвергает уничтожающей критике мусульманскую религиозную школу, где обучение велось на арабском языке. «Длинный ряд детских и юношеских годов,— писал П. К. Услар,— проводят они в мусульманской школе — гнездилище мрачного изуверства, где по методу, придуманному с целью затормозить развитие умственных способностей, учатся на непонятном для них языке читать коран, упражняются в начертании непонятных для них письмен. Немногие, особенно даровитые, пройдя в течение двух десятилетий длинный ряд таковых школ, образующих лестницу, соразмеренную со знаменитостью преподавателей, приобретают

¹⁴⁸ *Амиров Гаджи-Мурад*. Среди горцев Северного Дагестана: (Из дневника гимназиста)//ССКГ. Вып. VII, отдел III. Тифлис, 1873. С. 2.

¹⁴⁹ *Гасан Алкадари*. Асари-Дагестан. Махачкала, 1929. С. 7.

¹⁵⁰ ССКГ. Вып. III. Тифлис, 1870; Этнография Кавказа. Языкознание: Абхазский язык. Тифлис: Издательство Кавказского учебного округа. 1887.

положительное знание арабского языка и арабской литературы»¹⁵¹.

Борьбу за вытеснение арабской письменности и религиозных школ следовало начать, по мнению П. К. Услара, с создания письменности на родных языках горцев и организации начальных школ на этих языках. Эта новая письменность должна базироваться на русской графической основе. Обучение родной грамоте П. К. Услар рассматривал как «наилучшее подготовительное пособие к изучению русской грамоты». «Выучите, — писал он, — сначала ученика-горца грамоте на его родном языке и от нее перейдите к русской»¹⁵².

П. К. Услар показал преимущества обучения горцев грамоте по азбукам, составленным на русской графической основе, по сравнению с обучением по азбукам, в основу которых положен арабский алфавит. Он отмечал, что в первом случае горские дети «учатся сначала своей азбуке, чтобы перейти к чужой», а во втором — «учатся сначала чужой, чтобы перейти к своей»¹⁵³. Однако П. К. Услар понимал, что на пути осуществления его планов, конечная цель которых состояла в распространении в горах русского языка, встретятся препятствия и прежде всего — сопротивление со стороны его главного соперника — арабского языка. Он указывал, что арабские завоеватели, покорив Дагестан оружием, озаботились «покорить его и арабским языком» и что арабская письменность прочно привита здесь тысячелетними непрерывными усилиями мусульманского духовенства.

Опыт кратковременного обучения горцев родной грамоте по алфавитам П. К. Услара в 1865—1867 гг. вполне себя оправдал. П. К. Услар, лично присутствовавший на экзамене зимой 1866—1867 гг., положительно отзывался об успехах учащихся. За шесть недель молодые горцы, не знавшие ни слова по-русски, сносно овладели новой грамотой и научились вести несложную переписку. «Этот экзамен, — писал П. К. Услар, — указывает на весьма надежное средство к ослаблению необходимости для горцев учиться по-арабски»¹⁵⁴.

Несмотря на непродолжительное и жалкое существование этих школ¹⁵⁵, тайное противодействие мусульманского духовенства рас-

пространению новой грамоты среди горцев, еще в 1870 году в Дагестане было 169 человек, знавших эту грамоту¹⁵⁶.

Л. П. Загурский, один из последователей П. К. Услара, даже в 1881—1882 гг. встречал в Дагестане немало знатоков русско-горской грамоты. Книжки, отпечатанные в Темир-Хан-Шуре на алфавитах П. К. Услара, пишет Л. П. Загурский, «усердно читались, наружный вид их ясно доказывал, что они прошли через множество рук»¹⁵⁷.

Большое значение П. К. Услар придавал переводам книг и брошюр с русского на местные языки. Он писал, что переводы эти могут быть осуществлены с большим успехом и что «мнение о крайней бедности этих (дагестанских — Г. К.) языков совершенно ошибочно и проповедуется людьми, которые не имеют о них никакого понятия. Эти языки, напротив, невероятно богаты грамматическими формами, которые доставляют возможность выражать самые тонкие оттенки мысли. Правда, что горцы усвоили себе множество слов тюркских и арабских, как теперь усваивают слова русские, но это ничего не доказывает. Подобным образом и русский язык времен Петра Великого наполнился иностранными словами, что несколько не свидетельствует о его бедности»¹⁵⁸.

В 1865—1867 гг. с применением дагестанских азбук, составленных П. К. Усларом, был издан ряд книг. В 1865 г. вышла в свет аварская азбука, в 1867 г. — аварские сказки, а также переведенная на аварский язык статья из книги К. Д. Ушинского «Детский мир» под названием «О воздухе и воде, их свойствах и видоизменениях». В 1865 г. и позднее на лакском языке были изданы упомянутая статья из «Детского мира» К. Д. Ушинского в переводе одного из активных помощников П. К. Услара Абдуллы Омарова, «Казикумухская азбука» П. К. Услара и книга по арифметике, написанная А. Омаровым. Спустя несколько лет (в 1871 г.) в Темир-Хан-Шуринской типографии штаба войск Дагестанской области была напечатана «Кюринская азбука», составленная на основе усларовского алфавита одним из помощников П. К. Услара в исследовании лезгинского языка — Казанфаром Зульфукаровым.

Как уже отмечалось, П. К. Услар разработал конкретный план устройства школ для горцев. По его мнению, эти школы должны были быть общеобразовательные, элементарные, так как «всякому специальному образованию должно предшествовать общее». Элементарное воспитание, по Услару, должно заключаться, «во-пер-

¹⁵¹ Услар П. К. Этнография Кавказа. Абхазский язык. Тифлис, 1887. С. 4.

¹⁵² Там же. С. 24.

¹⁵³ Там же. С. 22.

¹⁵⁴ Там же. С. 26.

¹⁵⁵ Они были закрыты еще в первой половине 1868 г.

¹⁵⁶ Козубский Е. И. К истории народного образования в Дагестанской области в первое пятидесятилетие // Дагестанский сборник. Вып. I. Темир-Хан-Шура, 1902. С. 226.

¹⁵⁷ Кавказ. 1888. 2 авг.

¹⁵⁸ Услар П. К. Указ. соч. С. 28.

вых, в обучении чтению и письму; во-вторых, в пробуждении умственных способностей учащегося, в приучении его к самостоятельной умственной деятельности: дело не в том, чтобы учащийся чему-либо научился на всю жизнь свою, а чтобы, так сказать, выучился «он учиться»¹⁵⁹. Средствами «научить учащегося учиться» П. К. Услар считал языкознание и математику. Под языкознанием он подразумевал «изучение одного или нескольких иностранных, преимущественно мертвых языков». Этому он отдавал предпочтение по сравнению с изучением естествознания. Для горцев изучение классических языков может быть заменено русским языком. «Русский язык, сближение с русской жизнью, хотя бы даже только умственное, бесконечно важны для будущности Кавказа...»¹⁶⁰. Математика столь же важна в элементарном воспитании, как и языкознание. Она «еще ровнее, чем языкознание, ведет от простого к более сложному, от легкого к более трудному... доставляет самое общее упражнение для самостоятельности умственных способностей»¹⁶¹.

Горские школы, по мнению П. К. Услара, должны быть «горские по национальности: не должно выпускать из виду этого главного их назначения»¹⁶². В них могут учиться русские дети, однако в количестве, не превышающем 1/3 детей местных жителей, с тем чтобы школы эти не утратили характера своего назначения. Срок обучения в горских школах должен быть четырехгодичным, в них должны приниматься дети не моложе 12 и не старше 14 лет.

В статье «Предположение об устройстве горских школ» П. К. Услар излагает также краткую примерную программу этих школ, соображения относительно педагогического состава и дает примерный учебный план.

Резюмируя изложенное о педагогических взглядах П. К. Услара и его практической деятельности по распространению грамотности среди горцев, мы должны отметить, что они имели несомненное объективно-прогрессивное значение. П. К. Услар беспощадно критиковал религиозную школу и мусульманскую профессиональную систему образования вообще, боролся со схоластикой и тлетворным влиянием реакционного духовенства на умы подрастающего поколения горцев, признавал необходимость начинать обучение с овладения грамотой на родном языке, считаясь с возрастными особенностями и склонностями детей, использовать методы наглядного обучения. П. К. Услар составил алфави-

¹⁵⁹ Услар П. К. Предположение об устройстве горских школ // Этнография Кавказа. Языкознание: Абхазский язык. Тифлис, 1887. С. 30—31.

¹⁶⁰ Услар П. К. Указ. соч. С. 34.

¹⁶¹ Там же. С. 35.

¹⁶² Там же. С. 36.

ты для ряда дагестанских языков. Распространение грамоты среди горцев по алфавитам П. К. Услара облегчало усвоение русской грамоты, открывало возможность приобщения горцев к передовой русской культуре.

Было бы, конечно, наивно полагать, что результаты трудов и практические предложения П. К. Услара были и даже могли быть в полной мере использованы царизмом и его администрацией на Кавказе для действительного просвещения горских масс. В планы царского правительства отнюдь не входило развитие культуры и просвещения на национальных окраинах. В реферате, посвященном кавказским алфавитам и зачитанном на заседании Кавказского отдела русского географического общества (18 июня 1888 г.), Л. П. Загурский резко критикует администрацию Кавказского учебного округа за бездействие в деле издания лингвистических трудов П. К. Услара и обучения горцев грамоте по его алфавитам. В ответ официальные представители царского министерства народного просвещения обрушились на автора реферата. Они не стали даже скрывать своей антипатии к усларовским алфавитам и стремление открыто проводить линию на русификацию Кавказа. Это стремление нашло отражение, в частности, в ряде передовых статей газеты «Кавказ», опубликованных вскоре после выступления Л. П. Загурского¹⁶³.

По мнению авторов этих статей, тесное сближение горцев с русскими возможно лишь путем распространения среди них государственного (т. е. русского) языка. Создание же «письменности, грамотности и литературы» для исчезающих (!), «в силу неотразимых политических причин, многочисленных мелких племен Кавказа имеет великое значение только для науки, а никак не для практической государственной деятельности... которая направляется к... ассимиляции всех многоязычных подданных государства»¹⁶⁴.

После окончательного утверждения своего господства на Кавказе царизм счел возможным отказаться даже от тех полулиберальных жестов по отношению к местному населению, которые он очень половинчато позволял себе иногда в первые годы после завершения Кавказской войны. Национальное угнетение, русификация — такова была политика самодержавия в Дагестане.

Да и сам П. К. Услар не был последовательным сторонником просвещения горских масс. Он вовсе не рассматривал новую грамоту как средство действительного культурного прогресса горцев, в частности создания своей письменной литературы. Он писал, что «туземная грамотность должна служить только к тому, чтобы отвлечь горцев от арабского языка и облегчить для них изу-

¹⁶³ Кавказ. 1888. 2, 9 авг.

¹⁶⁴ Там же.

чение русского»¹⁶⁵. Что касается самостоятельной литературы, то ее горцы, «по самому положению своему, иметь не могут и никогда иметь не будут»¹⁶⁶.

Идеи П. К. Услара, его практическая деятельность по распространению грамотности среди горцев объективно способствовали дальнейшему сближению их с передовой русской культурой и педагогической мыслью, усилению их влияния на развитие культуры и школы в Дагестане. Своими лингвистическими трудами П. К. Услар убедительно доказал возможность научного исследования дагестанских языков и создания на этих языках письменности, доступной широким массам. Благодаря трудам таких людей, как П. К. Услар, русская культура, прогрессивные педагогические идеи постепенно, но неуклонно проникали в Страну гор, оказывая благотворное влияние на духовную жизнь горцев.

В Дагестане уже в 50—60-х годах XIX в. выдвигается ряд местных людей, внесших значительный вклад в просвещение своего народа. Это аварцы Магомед Хандиев и Айдемир Чиркеевский, лакец Абдулла Омаров, лезгин Казанфар Зульфугаров, даргинец Магомед Хюркилинский (Урахинский) и др.

Языковед и педагог Магомед Хандиев родился около 1818 г. в сел. Тинди Гидатлинского общества Аварии. Он рано лишился отца. Обучался в примечетской школе и, став муталимом, скитался по аулам, переходя от одного кадия к другому и совершенствуя свои знания в области арабского языка. Хотя Магомед Хандиев отличался большим прилежанием в учебе, религиозные обряды он выполнял весьма неаккуратно. Поэтому шариятисты косо смотрели на любознательного муталима.

В 1846 г. в сражении под Кутиша М. Хандиев был ранен и попал в плен к русским, где провел около полугода. После освобождения из плена Хандиев начинает серьезно подумывать об овладении русской грамотой. Переселившись в Казанище, он достал букварь и стал самостоятельно изучать русскую грамоту, совмещая это занятие со службой в качестве муллы. Вскоре он научился сносно читать и писать по-русски.

В 1854 г. М. Хандиев был приглашен в Новочеркасск в качестве преподавателя аварского языка. Здесь он продолжал неумоимо заниматься русским языком. В результате Хандиев научился свободно говорить и правильно писать по-русски, изучил грамматику; он составил азбуку аварского языка, грамматику и хрестоматию. Своих учеников он учил аварскому языку по руководству, состав-

¹⁶⁵ Услар П. К. О распространении грамотности между горцами//ССКГ. Вып. III. С. 29.

¹⁶⁶ Там же. С. 26—27.

ленному им же самим на русском языке. Овладев русским языком, М. Хандиев взялся за французский язык, в изучении которого за непродолжительное время добился значительных успехов.

С М. Хандиевым был знаком П. К. Услар, который высоко ценил труды неумоимого горского филолога и педагога и положительно отзывался о составленной им хрестоматии. П. К. Услар писал, что хрестоматия М. Хандиева «весьма полезна для изучения гидатлинского наречия. В ней много переведено с русского, между прочим, весьма удачно — сказка Пушкина «О золотой рыбке»¹⁶⁷.

Во многом похожа на жизненный и творческий путь М. Хандиева жизнь другого представителя дагестанской культуры и просвещения — лака Абдуллы Омарова. П. К. Услар писал о нем: «Руководителем моим (в исследовании лакского языка — Г. К.) был уроженец Кумуха¹⁶⁸ Абдулла Омар-оглы, молодой человек, весьма даровитый и трудолюбивый, с которым я мог свободно объясняться по-русски. Теперь он без малейшего затруднения пишет на природном языке своем и усвоил грамматическое понимание его. На него вся надежда в отношении распространения грамотности между лаками»¹⁶⁹.

Интересен рассказ самого А. Омарова о том, как он учился русскому языку. Его давно интересовала русская грамота, и он имел сильное желание изучить ее. Один из учеников Темир-Хан-Шуринской горской школы¹⁷⁰, учившийся в ней уже четыре года, приехал однажды к себе в Казанище на каникулы. Ученик этот часто приходил в мечеть, где Абдулла Омаров был муталимом, и брал у последнего уроки арабского языка. «Пользуясь этим случаем, — рассказывает Абдулла Омаров, — я в свою очередь стал учиться у него русской грамоте. Но так как у нас не было печатной азбуки, то я изучил письменные буквы и в скором времени мог уже разбирать четко написанные рукописи и даже начал писать по-русски. Тогда у меня явилось более сильное желание обучиться русскому языку. Но обнаружить кому-нибудь свое желание я пока не решался, так как даже за то, что я осмелился принести в мечеть русскую пропись, все муталимы стали сильно упрекать меня, говоря, что я занимаюсь недобрым делом, что я не боюсь греха»¹⁷¹.

Через некоторое время бывший муталим, несмотря на сопротивление отца, поступает в Темир-Хан-Шуринскую горскую шко-

¹⁶⁷ Услар П. К. О распространении грамотности между горцами//ССКГ. Вып. III. Тифлис, 1870. С. 19.

¹⁶⁸ Не точно. А. Омаров родился в сел. Куркли Казикумухского округа.

¹⁶⁹ ССКГ. Вып. I. Тифлис. 1868. С. 13.

¹⁷⁰ Открывшейся в 1861 году.

¹⁷¹ Омаров Абдулла. Воспоминания муталима//ССКГ. Вып. II. Тифлис, 1869. С. 44.

ду, где и совершенствует свои познания в области русского языка. Абдулла Омаров настолько хорошо овладел русским языком, что стал переводить на лакский язык статьи из книг К. Д. Ушинского и других русских авторов, писать статьи на русском языке. Он непосредственно участвует в разработке лакской азбуки, корректирует труд П. К. Услара о лакском языке. При этом, как сообщал П. К. Услар академику А. А. Шифнеру в письме от 14 февраля 1867 г., А. Омаров обнаружил в составленной им грамматике лакского языка «некоторые промахи», и автор внес соответствующие поправки. Кроме того, А. Омаров включил в подготовленный П. К. Усларом словарь лакского языка 300 новых слов¹⁷².

А. Омаров составил и издал сборник произведений устного творчества лакцев, создал первую арифметику на лакском языке¹⁷³, обучал земляков новой грамоте.

В конце 60-х годов А. Омаров переселился в Тифлис, где продолжал учиться. Ряд лет работал переводчиком Кавказского горского управления. Переехав позднее в Закаталы, Омаров работал учителем сельской школы. Умер А. Омаров в Закаталах.

Абдулла Омаров — автор двух содержательных работ о жизни и быте лакцев в XIX в.: «Воспоминания муталима»¹⁷⁴ и «Как живут лаки (из воспоминаний детства)»¹⁷⁵. В них в живой и занимательной форме рассказывается о нравах и обычаях лакцев, приводятся факты, характеризующие их семейные и общественные традиции.

В «Воспоминаниях муталима» Омаров дает обстоятельную характеристику примечетских школ, рассказывает о жизни учащихся-муталимов и о тех ступенях обучения, которые они должны были пройти в течение многих лет занятий. Говоря о грамотности населения Дагестана, автор отмечает, что таких, которые могут читать коран с переводом изречений на «туземный язык», а также могут сколько-нибудь грамотно писать по-арабски, насчитывается «средним числом один на 100 человек в горах, а на плоскости гораздо меньше»¹⁷⁶.

А. Омаров был горячим поборником просвещения своего народа. Он составлял учебники для школ, перевел доступные материалы с русского на родной язык, лично обучал горцев грамоте.

Омаров был одним из тех горцев, которые в период безраз-

дельного господства мусульманской религии в духовной жизни Дагестана осознал значение современного образования и много сделал, чтобы заложить его основы в горах. Он критикует систему и методы обучения в мусульманской школе, педагогические приемы учителей-мулл, отчетливо сознавая, что эта школа не может удовлетворить требованиям жизни. Омаров выступает за светское обучение и сам участвует в создании школ, где горские дети овладевали основами современных знаний.

Другой сотрудник П. К. Услара, его активный помощник в изучении аварского языка Айдемир Чиркеевский родился в 1830 г. в сел. Чиркей Темир-Хан-Шурина округа в семье поэта и богослова, участника движения горцев под руководством Шамиля. После гибели отца подростком попал в первый дагестанский конно-иррегулярный полк. Позднее был направлен в Петербург, где учился в гимназии и кадетском корпусе.

Возвратившись в 1860 г. в Дагестан, Чиркеевский занялся сбором материалов устного народного творчества аварцев. В 1863 г. А. Чиркеевский, служивший в канцелярии начальника Дагестанской области, был рекомендован П. К. Услару в качестве помощника в изучении аварского языка. В одном из писем академику А. Берже¹⁷⁷ П. К. Услар пишет: «В лице Айдемира Чиркеевского нашел я не только усердного, но и в высшей степени даровитого сотрудника. От его просвещенной деятельности на поприще дагестанского языкознания наука вправе ожидать в будущем драгоценных приношений»¹⁷⁸.

При активной помощи Чиркеевского П. К. Услар осенью 1863 г. закончил свое исследование по аварскому языку, составил аварскую грамматику, которая, по его словам, «уже по одному объему обширнее соединенных вместе абхазской и чеченской грамматик»¹⁷⁹.

В свою очередь П. К. Услар оказывал помощь А. Чиркеевскому в подготовке его работ по истории аварцев, аварских сказок и песен. Часть их в переводе А. Чиркеевского и П. К. Услара была напечатана во втором выпуске «Сборника сведений о кавказских горцах» в 1869 году¹⁸⁰. На родном языке аварские сказки и песни, собранные А. Чиркеевским, были изданы еще раньше — в 1867 году¹⁸¹. А. Чиркеевский оставил заметный след как деятель дагестанского просвещения. В 1865 г. под руководством П. К. Услара он составил аварскую азбуку на русской графической основе.

172 Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание: Лакский язык. Тифлис, 1890. С. 31—32.

173 Издана в Тифлисе в 1867 г.

174 Сборник сведений о кавказских горцах (ССКГ). Вып. 1. Тифлис, 1868.

175 ССКГ. Вып. III. Тифлис, 1870.

176 Омаров А. Воспоминания муталима//ССКГ. Вып. II. Тифлис, 1869. С. 46, 50.

177 Адольф Петрович Берже — известный исследователь Кавказа, председатель Кавказской археографической комиссии.

178 Услар П. К. Чеченский язык. Тифлис, 1888. С. 39.

179 Там же. С. 36.

180 ССКГ. Вып. II. Тифлис, 1869.

181 Чиркеевский А. Аварские песни и сказки. Темир-Хан-Шура, 1867.

А. Чиркеевский был также помощником П. К. Услара при составлении им аварского букваря, изданного в том же 1865 г. в Тифлисе. П. К. Услар отмечал, что аварский букварь «составлен весьма грамотно, каждой его букве может быть дан грамматический отчет. По этому букварю туземцам выучиться читать и даже правильно писать весьма легко»¹⁸².

А. Чиркеевский не только разработал азбуку, участвуя в составлении букваря на родном языке, но и лично обучал горцев грамоте, прививал им интерес к знаниям, к современной культуре.

Влияние П. К. Услара испытали на себе и его помощники в исследовании лезгинского и даргинского языков Казанфар Зульфукаров и Далгат Урахинский.

П. К. Услар писал о Казанфаре Зульфукарове: «Житель сел. Мамрач Кюринского округа, письмоводитель словесного окружного суда, Казанфар Зульфукаров-оглы, с 1867 г., когда только я нахожусь в Дагестане, командирован в мое распоряжение. При исключительной помощи его я успел составить обширную грамматику, хрестоматию и словарь кюринского языка. Вполне ознакомившись с грамматическим и фонетическим строением горских языков, он служит мне деятельным помощником при исследовании табасаранского языка. Теперь он усердно трудится над постепенным пополнением составленного нами кюринского словаря. Сверх того, для упражнения кюринцев в чтении, написал книгу, которая готова для печати»¹⁸³. И действительно, в 1871 году в Темир-Хан-Шуринской типографии была напечатана кюринская азбука Казанфара Зульфукарова — первая печатная книга на лезгинском языке.

Далгат Урахинский по завершении П. К. Усларом работы по исследованию даргинского языка уехал в Москву для продолжения образования. Он окончил Московский университет, став одним из первых дагестанцев, получивших университетское образование.

Первыми пропагандистами новых алфавитов, созданных на русской графической основе, явились люди, занимавшие те или иные должности в местном административном аппарате. В этом, разумеется, нет ничего удивительного. Энтузиастам, подобным крупному ученому-лингвисту П. К. Услару, легче было общаться именно с такими людьми.

Научная и педагогическая деятельность П. К. Услара оказала влияние не только на современное ему поколение горцев. На трудах П. К. Услара учились передовые представители горской ин-

теллигенции в последующие десятилетия XIX и в начале XX вв. его научные работы широко используются языковедами и в наше время.

После смерти П. К. Услара¹⁸⁴ передовые люди Дагестана стремились продолжить его начинания в области народного просвещения, делали попытки создания новых алфавитов, взяв за основу разработанные им принципы. Отношение многих из этих людей к творческому наследию Петра Карловича Услара хорошо выразил видный дагестанский просветитель и революционер С. И. Габиев в докладе, посвященном 35-летию со дня его смерти. На дагестанцах, отмечал С. И. Габиев, лежит «священная обязанность непременно воплотить святую мечту этого безмерно любившего их человека в живую действительность. Они должны создать школу, где каждый мальчик и девочка могли бы слышать прелести своего материнского языка»¹⁸⁵.

Сам С. И. Габиев в 1912 г. предпринял практическую попытку возродить дагестанские алфавиты на русской графической основе. Однако подобные попытки, как и во времена П. К. Услара, не находили поддержки со стороны царских властей.

В издававшейся им в Петербурге в 1912—1913 гг. газете «Заря Дагестана» С. И. Габиев продолжал настойчиво отстаивать идею демократизации школы, требование о «необходимости обучения детей на своем родном языке».

Незадолго до начала первой мировой войны на некоторых из дагестанских языков были составлены буквари. В этой работе участвовали и местные педагоги. Однако буквари не нашли тогда практического применения, и светская школа на родном языке, вплоть до победы Советской власти, оставалась мечтой энтузиастов просвещения, мечтой горских трудящихся.

¹⁸⁴ П. К. Услар умер в 1875 г.

¹⁸⁵ Дагестанские областные ведомости. 1912. 12 сент.

¹⁸² Услар П. К. Чеченский язык. С. 39.

¹⁸³ Козубский Е. И. К истории народного образования в Дагестанской области в первое пятидесятилетие. С. 222.

ШКОЛА И ПРОСВЕЩЕНИЕ В ДАГЕСТАНЕ В НАЧАЛЕ XX в.

§ 1. Общеобразовательная школа

Развитие капитализма вширь втягивало присоединенные окраины в сферу общероссийских экономических отношений, нивелировало местные особенности, способствовало ликвидации былой национальной замкнутости. Этот процесс сопровождался дальнейшим усилением колониальной эксплуатации трудящихся окраин и национального гнета, все больше вовлекая окраины в классовые противоречия страны. Царизм вынужден был считаться с развивающимися капиталистическими отношениями и в интересах господствующих классов пойти на некоторое увеличение ассигнований на просвещение. С конца XIX в. под влиянием развивающегося капитализма и под давлением передовых общественных сил царское правительство несколько расширило школьную сеть и на национальных окраинах империи.

Открывая школы на присоединенных окраинах, царизм рассчитывал подготовить из представителей имущих классов этих окраин опору самодержавия и таким образом еще более усилить колониальный гнет. С другой стороны, проникновение капиталистических отношений на окраины России настоятельно требовало расширения базы просвещения, подготовки грамотных людей, могущих в интересах эксплуататоров обслуживать современное производство. Однако царизм, будучи верен своей антинародной политике, всячески препятствовал общему подъему культуры России, особенно национальных окраин. Результатом такой политики самодержавия была почти сплошная неграмотность населения на многих национальных окраинах России.

В конце XIX в. в Дагестанской области имелось всего 26 школ, из них 14 школ в городах с 1 403 учащимися и 12 школ в сельской местности с 493 учащимися. На каждую 1000 человек в Дагестане приходилось 3 учащихся, а одна школа — на 25 тыс. человек¹.

¹ Обзор Дагестанской области за 1899 г. Темир-Хан-Шура, 1900. С. 158.

Самодержавное государство отпускало гроши на нужды просвещения и главную тяжесть содержания школ перекладывало на плечи трудящихся, и без того обремененных налогами и изнурительными повинностями. В 1898 г. на содержание учебных заведений г. Дербента было ассигновано царским правительством всего 1 435 рублей. В то же время содержание городской тюрьмы обошлось государству в 4718 рублей².

На нужды просвещения в Дагестане в начале XX в. царским правительством отпускалось в среднем 13,5 коп. на душу населения³. В 1905 г., например, на содержание всех сельских школ Дагестана было израсходовано из государственного бюджета всего 12,6 тыс. рублей⁴.

«Не может в буржуазном государстве буржуазия дать действительно на культурные цели ничего кроме грошей, ибо куши нужны ей на обеспечение господства буржуазии, как класса... и больше гроша она не может, оставаясь буржуазией, отдать на культуру»⁵, — говорил В. И. Ленин.

Мизерные средства, отпускавшиеся на просвещение, обусловили убогую материальную базу дагестанских школ. В начале XX в. около 70% школ Дагестанской области размещалось в непригодных зданиях. Во многих сельских школах отсутствовало учебное оборудование, ощущался острый недостаток самого необходимого хозяйственного инвентаря.

Плачевное состояние школ вынужден был признать и попечитель Кавказского учебного округа, посетивший осенью 1912 г. учебные заведения области. Он писал: «А учиться бедным каякентам⁶ приходится среди недопустимой обстановки: здание школы разваливается, помещение класса неудобно, квартиру учительницы трудно приспособить к жилью»⁷.

Несмотря на значительную материальную поддержку со стороны населения, царские власти отказывались отпускать средства на строительство школьных зданий. Собственных зданий не имели многие городские школы, а в некоторых из них, по свидетельству учебной администрации, было темно, тесно и сыро.

Дискриминационный характер политики царизма в области просвещения ярко проявлялся в игнорировании родных языков

² Селимханов А. К. К истории народного образования в Дагестане (1850—1940): Автореферат канд. дис. 1954. С. 12—13.

³ Обзор Дагестанской области за 1904 г. Темир-Хан-Шура, 1905. С. 6, 92 (подсчитано нами).

⁴ Обзор Дагестанской области за 1905 г. Темир-Хан-Шура, 1907. С. 72.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 321—322.

⁶ Каякент — одно из селений Кайтаго-Табасаранского округа.

⁷ Циркуляр по управлению Кавказским учебным округом. № 1. Тифлис, 1913. С. 33.

дагестанских народностей. Запрет, введенный царским правительством в 1867 г., оставался в силе, и в дагестанских школах родные языки нерусских учащихся не преподавались. Обучение велось только на русском языке. Об алфавитах, созданных на русской графической основе П. К. Усларом, было забыто. Царские власти отвергли также алфавит, разработанный известным дагестанским просветителем С. Габиевым. Этот алфавит, созданный так же, как и алфавит П. К. Услара, на русской графической основе, значительно облегчил бы овладение грамотой, способствовал бы росту культуры горцев. Но развитие культуры народов окраин империи не входило в намерения царского правительства. Напротив, оно стремилось задуть всякое проявление национальной культуры, держать народы национальных окраин в трясины темноты и невежества.

В августе 1905 г. наместник Кавказа под напором волны революционного движения и требований реформ школьного образования вынужден был объявить о том, что в начальных училищах края преподавание всех учебных предметов будет вестись на родном языке учащихся; курс одноклассных училищ устанавливался четырехлетний вместо трехлетнего. Обучение русской речи предполагалось начинать со второго полугодия первого учебного года и вести путем устных бесед на основании наглядности и при помощи родного языка. В циркуляре наместника содержалось даже указание: «учительские должности в начальных училищах представлять лишь лицам, владеющим родным языком учащихся»⁸.

Однако в учебных планах «начальных училищ для инородцев», утвержденных в условиях наступившей после поражения первой русской революции реакции в октябре 1907 г., от уступок, которые были сделаны в 1905 г., не осталось почти ничего. В Дагестанской же области не были проведены в жизнь даже те куцые права родных языков местного населения, которые определялись учебными планами 1907 г. Лишь четыре года спустя после утверждения этих планов (1911 г.) Кавказским учебным округом были изданы буквари на даргинском и лезгинском языках. Но практического применения они так и не получили.

Против нового алфавита, созданного на русской графической основе, выступало и реакционное духовенство, так как введение этого алфавита способствовало бы развитию стремления трудящихся к светскому образованию, т. е. подрывало бы влияние духовенства на массы.

Таким образом, политика царизма в области просвещения в известной мере совпадала с интересами мусульманского духовенства. Царское правительство использовало лояльную часть мусуль-

манского духовенства в качестве законоучителей в русско-дагестанских школах. Эта часть духовенства была призвана служить царизму опорой в деле привития подрастающему поколению верноподданнических чувств, воспитания его в духе покорности эксплуататорам.

В то же время царское правительство понимало, что проводимая им русификаторская политика задевает интересы мусульманского духовенства и, естественно, встретит сопротивление с его стороны. В этом царское правительство еще раз убедилось накануне первой мировой войны, когда его официальные органы на Кавказе предпринимали попытку насильственно ввести делопроизводство в сельских обществах на русском языке вместо арабского.

Мусульманское духовенство развернуло яростную агитацию против этой реформы. Столь отрицательная реакция духовенства объяснялась, прежде всего, его экономическими интересами. Введение русского письмоводства в сельских обществах могло подрывать материальную базу мусульманского духовенства⁹, ослабить его влияние.

Духовенству на этот раз удалось добиться своей цели. В ряде округов население открыто выступило против нового русификаторского акта царизма, и царизм вынужден был отступить. Сама по себе замена арабского письмоводства русским могла иметь объективно-прогрессивные последствия. Она способствовала бы приобщению горцев к русской культуре. Однако в конкретных условиях того времени, когда самодержавие все более усиливало национально-колониальный гнет, горские массы не без основания усмотрели в реформе попытку еще больше ограничить их права, сделать новый шаг по пути насильственной русификации. Кроме того, введение русского письмоводства легло бы тяжелым бременем на население, которое должно было принять содержание писарей на свой счет.

К началу XX в. в Дагестанской области имелись только две средние школы: реальное училище и женская гимназия в Темир-Хан-Шуре. В них обучалось 520 учащихся¹⁰.

В течение первого десятилетия XX в. в городах области были открыты еще четыре средние школы: в Дербенте — реальное училище (1902 г.) и женская гимназия (1904 г.), в Порт-Петровске — женская и мужская гимназии (соответственно в 1903 и 1905 гг.). Царские власти удовлетворили, наконец, многолетние настойчивые ходатайства местного дворянства, буржуазии и торговцев, а

⁸ Кавказ. 1905. 5 авг.

⁹ Делопроизводство в сельских обществах вели кадди.

¹⁰ Обзор Дагестанской области за 1899 г. Темир-Хан-Шура, 1900. С 15.

также состоятельных чиновников об открытии в этих городах средних учебных заведений.

Характерна история открытия Дербентского реального училища. В ходатайствах, адресованных военному губернатору области и Кавказской учебной администрации, дербентские городские власти отмечали, что в связи с прокладкой железной дороги численность населения г. Дербента значительно возросла и достигла к началу 900-х годов 20 тысяч человек. Отсутствие же среднего учебного заведения тормозит продолжение местной молодежью образования. Между тем, число желающих продолжить учебу с каждым годом увеличивалось. Помимо выпускников других школ к началу 900-х годов в городе насчитывалось более 200 человек, окончивших Дербентское городское (бывшее уездное) училище.

Единственное в области мужское среднее учебное заведение — Темир-Хан-Шуриновское реальное училище — не могло удовлетворить потребности в среднем образовании сколько-нибудь значительной части желающих учиться. По данным дирекции училища, явно заниженным, она отказала в приеме на учебу только в 1900—1901 гг. «за недостатком мест» 40 подавшим заявления¹¹.

Первоначально предполагалось открыть в Дербенте мужскую гимназию. При этом город обязывался взять на себя «все расходы по содержанию гимназии, какие только признано будет необходимым возложить на него в течение первых пяти лет до полного сформирования всех классов гимназии и отвести бесплатно землю под постройку здания для гимназии, которое город обязуется возвести на собственные средства». До постройки собственного здания город брал на себя расходы на наем под гимназию частного здания¹².

13 июля 1902 г. экстренное общее собрание уполномоченных Дербентского городского общественного управления по рекомендации попечителя Кавказского учебного округа приняло решение: просить открыть вместо предполагавшейся гимназии реальное училище, как более подходящее к требованиям г. Дербента¹³. В августе 1902 г. Министерством просвещения разрешено открыть в Дербенте реальное училище с условием, что город обеспечит «своими средствами помещение училища, квартиры должностных лиц, коим таковые помещения полагаются, оборудование училища и примет на себя все расходы, оставив сбор за учение в собственности училища»¹⁴.

Решением городского собрания уполномоченных от 27 августа

1902 г. плата за учение в Дербентском реальном училище во всех классах, начиная с 1 сентября 1902—1903 учебного года, была определена в размере 20 рублей в год¹⁵. В сентябре 1902 г. реальное училище в составе приготовительного, первого и второго классов начало функционировать.

Газета «Каспий» 8 октября 1902 г. поместила корреспонденцию из Дербента по случаю открытия реального училища. В ней говорилось: «Можно с уверенностью сказать, что открывшееся у нас реальное училище не будет пустовать. Последнее сказалося тут же в день открытия: три класса — приготовительный, первый и второй — оказались полны учениками...» Это было третье после Темир-Хан-Шуриновского реального училища и Темир-Хан-Шуриновской женской гимназии среднее учебное заведение в области.

В год открытия в училище обучался 91 учащийся, а первый выпуск окончивших шесть классов состоялся в 1907 г., седьмой дополнительный класс — в 1908 г. К началу первой мировой войны (1914 г.) шесть классов реального училища окончили 122 человека, а седьмой дополнительный класс — 93¹⁶.

С самого начала работы училище столкнулось с большими трудностями. Материальная база учебного заведения была бедной. Помещения училища не соответствовали элементарным требованиям. Классы были тесны, низки, не имели вентиляции и, по словам архивного документа, «беспорядочно разбросаны по всему коридору». Некоторые классные помещения плохо освещались, коридоры были темны и тесны, в них летом было «невыносимо жарко, а зимой очень холодно»¹⁷. И лишь в 1912 г. начались работы по строительству специального здания для реального училища¹⁸.

В первые годы в училище обучалось мало детей из местного мусульманского населения, хотя основные тяготы, связанные с содержанием учебного заведения, ложились именно на его плечи. Так, в 1905 г. из 182 учащихся училища только 36, или менее 20%, являлись детьми местных мусульман. И лишь в 1909 г., когда при училище были открыты «азбучное и младшее отделения приготовительного класса», число детей из местного мусульманского населения несколько возросло. В 1910 г. оно достигло 28% от общего состава учащихся училища¹⁹. В связи с этим в 1911 г. были открыты параллельные группы при младшем и старшем от-

¹¹ ЦГА ДАССР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 134. Л. 21.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 35.

¹⁴ Там же. Ф. 84. Оп. 1. Д. 27. Л. 45.

¹⁵ ЦГА ДАССР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 134. Л. 51.

¹⁶ Там же. Ф. 84. Оп. 1. Д. 27. Л. 85.

¹⁷ Там же. Л. 46.

¹⁸ Строительство было закончено в 1916 году.

¹⁹ ЦГА ДАССР. Ф. 84. Оп. 1. Д. 27. Л. 89.

делениях приготовительного класса, в 1912 г. при первом и в 1913 г. при втором классе²⁰.

В 1914 г. в Дербентском реальном училище имелось 14 классов, обучалось 448 учащихся. В училище работало 29 учителей²¹. При училище функционировали фундаментальная и ученическая библиотеки с читальной, физический и естественно-исторический кабинеты, физическая и химическая лаборатории и несколько специальных классов: для рисования, учебных пособий по истории, географии, по начальному обучению, классы ручного труда и музыки. В 1907 г. при училище был создан ученический духовой оркестр²².

Детей горцев обучалось очень мало не только в Дербентском реальном училище, но и в других средних школах области. В Темир-Хан-Шуринском реальном училище к началу 1900 г. обучалось всего 64 дагестанских горца, или 18,7% от общего количества учащихся²³.

А девушки-горянки в средних школах были вообще редким исключением. И только в 1915 г. наместник Кавказа решил «поправить» положение с женским средним образованием в области. Он предложил включить в проект земской сметы на 1915—1917 гг. средства на содержание... 5 стипендиаток-мусульманок (!) в Темир-Хан-Шуринской женской гимназии. Земские стипендиатки должны были по окончании курса гимназии проработать определенный срок в земских начальных училищах. В сентябре 1915 г. стипендиатки были отобраны из Аварского, Андийского, Гунибского, Даргинского и Самурского округов²⁴.

Незначителен был процент учащихся из местных национальностей и в городских начальных школах. Так, в 1908 г. из 1058 учащихся начальных школ трех городов области (Темир-Хан-Шура, Дербент, Порт-Петровск) только 162 являлись представителями местных национальностей²⁵.

Основной причиной малочисленности учащихся из местных народностей в средних школах являлась высокая плата за обучение. Только состоятельные семьи могли содержать своих детей в городе и платить за их обучение. Из-за недостатка «казенных» вакансий (за государственный счет) детям бедняков отказывали в приеме в средние школы. Не могло изменить положение и создание «Об-

²⁰ ЦГА ДАССР. Ф. 84. Оп. 4. Д. 40. Л. 3.

²¹ Там же. Оп. 4. Д. 40. Л. 3.

²² Там же. Оп. 1. Д. 27. Л. 53, 56, 59.

²³ Отчет о втором десятилетии Темир-Хан-Шуринского реального училища (1880—1899 гг.). Темир-Хан-Шура, 1901. (Приложение, таблица № 16).

²⁴ ЦГА ДАССР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 149. Л. 1, 13.

²⁵ Обзор Дагестанской области за 1908 г. Темир-Хан-Шура, 1909. С. 92.

щества просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области»²⁶, а также «Общества вспомоществования нуждающимся ученикам» городских средних школ, которые располагали незначительными средствами, состоявшими главным образом из взносов членов обществ и пожертвований отдельных лиц.

Население, в особенности трудящиеся массы, выражало недовольство высокой платой за учение в средней школе и не раз обращалось с просьбой снизить ее. Вот одно из обращений жителей города Дербента к директору реального училища (ноябрь 1909 г.): «Много лет мы ходатайствовали об открытии в нашем городе какого-нибудь среднего учебного заведения, где мы могли бы воспитывать своих детей, так как посылать их в другие города для многих из нас было недоступно по материальным условиям... В настоящее время плату за учение повысили до 40 рублей в год, чем лишили возможности большинство из нас — со скудным материальным обеспечением, дать своим детям желательное образование, предоставив училище в распоряжение лиц более зажиточных, в большинстве даже богатых»²⁷. Обращение дербентцев заканчивалось просьбой к директору войти с ходатайством перед соответствующей администрацией о снижении платы за обучение в реальном училище, чтобы обеспечить «большинству молодого поколения решение столь трудной задачи, как получить образование»²⁸.

Согласно официальным данным, в 1903 г. более 90% учащихся Дербентского реального училища являлись выходцами из семей дворян, богатых горожан и представителей духовенства²⁹.

В сельских школах обучение было бесплатным, но основная тяжесть строительства зданий, содержания школ ложилась на плечи трудового населения. Оно должно было обеспечивать школу топливом, освещением, содержать сторожа, выполнять ряд повинностей. К тому же дискриминационная политика царизма вызывала в горцах известное недоверие ко всему русскому, в том числе к русской школе. Это недоверие усиливалось и стремилось использовать в своих интересах реакционное мусульманское духовенство, которое пускало в ход все доступные ему средства, чтобы воспрепятствовать развитию в Дагестане светского образования.

Несмотря на тяжелое экономическое положение, трудящиеся горцы в целом положительно относились к русской школе, и небольшое число учащихся в русских сельских школах объясняется главным образом ограниченными возможностями малокомплектной

²⁶ Создано в 1905 году.

²⁷ ЦГА ДАССР. Ф. 84. Оп. 4. Ед. хр. 2. Л. 152.

²⁸ Там же.

²⁹ Обзор Дагестанской области за 1903 г. Темир-Хан-Шура, 1904. С. 159.

школы, трудностью для громадного большинства населения обучать и содержать детей в другом селении. Накануне революции 1905—1907 гг. русские школы имелись лишь в 20 наиболее крупных аулах Дагестана. Общежитий или интернатов при них не существовало, что не могло не ограничить приток учащихся из других селений.

Особенно мало школ имелось в таких округах, как Аварский, Андийский и Самурский. В каждом из этих округов, насчитывавших от 33 до 70 тысяч населения и имевших ряд аулов с числом жителей свыше одной тысячи человек, даже к 1912 г. функционировало всего по 2 школы, что позволяло охватить обучением в среднем лишь 1,0—1,5% детей школьного возраста.

В статье «К вопросу о политике Министерства народного просвещения» (1913) В. И. Ленин указывал, что «нет более злого, более непримиримого врага просвещения народа в России, чем российское правительство»³⁰. Царское правительство, тратившее «миллионы и десятки миллионов на дворян-тунеядцев, на военные авантюры, на подачки сахарозаводчикам и нефтяным королям»³¹, выделяло гроши на нужды народного просвещения. И лишь мизерная часть этого нищенского бюджета тратилась на народное образование на национальных окраинах империи. До 1908 г. на нужды народного образования всего Кавказа государственной казной отпускалось 784,5 тыс. рублей, из которых на долю Дагестанской области с ее 680-тысячным населением приходилось всего 23,8 тыс. рублей. Даже официальные представители царского правительства на Кавказе вынуждены были признать такой приток средств на нужды народного образования «крайне слабым».

Плачевную картину народного просвещения в области констатировала однодневная перепись начальных школ, проведенная 18 января 1911 г. На начало 1911 г. в Дагестанской области насчитывалось 40 начальных школ, в которых обучалось 2 559 учащихся³². По насыщенности школами область занимала последнее место среди четырнадцати губерний, областей и округов Кавказского края. Одна начальная школа приходилась здесь на 17 233 человека, тогда как в целом по краю — на 2 676 жителей³³.

Дагестанская область была впереди других губерний и областей Кавказского края по числу отказов в приеме детей в школы. В 1910 г. в приеме в начальные сельские и городские школы области было отказано 36% детей, желавшим поступить на учебу,

³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 133.

³¹ Там же. С. 129—130.

³² Однодневная перепись начальных школ в империи, произведенная 18 января 1911 г. Выпуск XI (15). Кавказский учебный округ. Петроград, 1914. С. 6.

³³ Там же. С. 5—6.

тогда как в Бакинской, Батумской губерниях и Закатальском округе — соответственно 23,5, 34,8 и 25,4%³⁴.

Материалы переписи говорят о крайней малочисленности выпуска из начальных школ, большим отсеве учащихся и текучести педагогических кадров. В 1910 г. сельские и городские начальные училища области окончили всего 170 человек, в том числе 45 девочек. Отсев из школы до окончания курса обучения составил 18,3% к общему числу учащихся. Более половины (52,2%) от общей численности учителей имели стаж педагогической работы менее 5 лет³⁵.

Некоторое расширение школьной сети происходит в Дагестане в период нового революционного подъема. Напуганное революционным движением народных масс, царское правительство вынуждено было пойти на уступки, что нашло свое выражение в некотором расширении сети начальных школ. Так, в 1912 г. в Дагестане было открыто 9 новых школ, в 1913 г. — 19. К 1915 г. число школ в области³⁶ достигло 93, в том числе в сельской местности — 60. Всего в школах области в этом году обучалось 7 092 учащихся, из них в сельской местности — 2 212 учащихся³⁷.

В 1915 г. одна школа приходилась в Дагестанской области на 7,5 тысячи человек населения, а в сельской местности — более чем на 10,5 тысячи. Обучением во всех русских школах было охвачено в этом году всего лишь около 5% детей школьного возраста. Особенно мало обучалось в школах девочек. В школах сельской местности девочки составляли в 1915 г. всего 14% от общего количества учащихся³⁸.

Средних школ по-прежнему было крайне мало. В двух реальных училищах и трех гимназиях обучалось 1911 детей, в основном выходцев из местной эксплуататорской верхушки и детей царских чиновников. В сельской местности имелись только начальные (одноклассные и двухклассные) училища. Лишь незадолго до Великой Октябрьской социалистической революции Кумухское двухклассное начальное училище было преобразовано в высшее начальное училище с продолжительностью обучения 7 лет.

Программы дагестанской начальной школы ограничивались узкими рамками элементарного курса русского языка и математики (одноклассное училище) и краткими сведениями по истории, географии и естествознанию (двухклассное училище).

³⁴ Одновременная перепись начальных школ в империи, произведенная 18 января 1911 г. Выпуск XI (15). Кавказский учебный округ. Петроград, 1914. С. 9.

³⁵ Там же. С. 10, 20.

³⁶ В границах тех лет.

³⁷ Обзор Дагестанской области за 1915 г. Темир-Хан-Шура, 1916. С. 59.

³⁸ Там же.

Учебные планы и «примерные программы» начальных училищ Министерства народного просвещения, утвержденные в феврале 1897 г., не претерпели существенных изменений вплоть до 1917 г. Курс одноклассного училища был рассчитан на три года. Он соответствовал курсу первого класса двухклассного училища, продолжительность обучения в котором составляла пять лет.

Приведем учебный план начальных двухклассных училищ Министерства народного просвещения, применявшийся в рассматриваемый период в сельских школах Дагестанской области:

Учебные предметы	1 класс		2 класс		
	Годы обучения				
	первый	второй	третий	четвертый	пятый
Закон божий	6*	6	4	4	3
Русский язык с чистописанием	7	7	10	8	6
Арифметика	5	5	6	6	6
История	—	—	—	2	3
География и естествознание	—	—	—	2	4
Рисование (черчение)	—	—	4	4	4
Всего часов в неделю: 18	18	18	24	26	26

Как видим, родные языки дагестанцев в школах не изучались. В то же время закон божий и мусульманское вероучение считались наиболее важными предметами и занимали значительное место в учебном плане. Первые два года обучения им отводилась треть всего учебного времени. Кроме того, три часа в неделю вне учебного плана учащиеся должны были заниматься церковным пением и хоровым чтением молитв.

В двухклассных начальных училищах занятия вели два учителя — первого и второго классов, а также законоучитель (вероучитель мусульманского вероучения) — общий для обоих классов. В одноклассном училище полагалось иметь по одному учителю и законоучителю (вероучителю).

Недостаточная специальная и общеобразовательная подготовка учителей, особенно сельских, отрицательно сказывалась на работе школ и, прежде всего, на качестве знаний учащихся. Учителей из местных народностей было крайне мало. Большинство их составляли лица, окончившие одноклассное и двухклассное начальное училище и педагогические курсы. В начале 900-х годов только в трех сельских школах Дагестана работали местные учителя, окончившие учительскую семинарию. Даже в 1912 г. 38%

* В сельских школах Дагестанской области вместо Закона божьего изучалось мусульманское вероучение — Г. К.

учителей сельских школ Дагестана не имели специальной подготовки³⁹.

По-прежнему тяжелым оставалось материальное положение учителя. Достаточно сказать, что из 229 учителей⁴⁰, работавших в школах области в 1916 г., 136 получали оклады менее 200 рублей в год⁴¹. Попечитель Кавказского учебного округа вынужден был признать недостаточным жалование, которое получали учителя дагестанских одноклассных и двухклассных училищ, так как жизнь здесь, по его признанию, была «дорогой и полной лишений».

Это приводило к частой смене учителей, порождало у лиц, окончивших педагогическое учебное заведение, стремление устроиться на лучше оплачиваемую работу.

«Россия, — писал В. И. Ленин в 1913 г., — бедна, когда речь идет о жалованье народным учителям. Им платят жалкие гроши. Народные учителя голодают и мерзнут в нетопленных и почти нежилых избах. Народные учителя живут вместе со скотом, который крестьяне зимой берут в избу. Народных учителей травит любой урядник, любой деревенский черносотенец или добровольный охранник и сыщик, не говоря уже о придираках и преследованиях со стороны начальства»⁴². Эта ленинская характеристика вполне применима и к положению учителя дореволюционной дагестанской школы.

Осенью 1912 г., совершив инспекторскую поездку по Дагестану, попечитель Кавказского учебного округа наметил так называемый «план дальнейшего распространения народного образования в Дагестанской области». Этот план предусматривал учреждение в области самостоятельной дирекции народных училищ с разделением ее на три инспекторских района, открытие школ в аулах с населением свыше одной тысячи человек⁴³, преобразование некоторых одноклассных училищ в двухклассные. Намечалось также приступить к учреждению 9 высших начальных училищ (по одному на округ), изыскать средства для открытия ремесленных отделений в школах и открыть в первую очередь на земские средства общежития при некоторых сельских школах. План попечителя учебного округа не мог, конечно, решить проблемы «распространения народного образования в Дагестанской области». Да такую задачу и не думала ставить учебная администрация царского Министерства народного «затемнения» на Кавказе. Но даже этот куцый

³⁹ Циркуляр по управлению Кавказским учебным округом. Тифлис, 1913. С. 20.

⁴⁰ Включая законоучителей.

⁴¹ ЦГА ДАССР. Ф. 21. Оп. 4. Д. 93. Л. 58.

⁴² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 129.

⁴³ Таких населенных пунктов в Дагестане насчитывалось в 1912 г. 130 — Г. К.

план не был проведен в жизнь. В 1914 г. из 56 начальных училищ, функционировавших в сельской местности, только 6 училищ являлись двухклассными. В четырех округах вовсе не было двухклассных училищ, не говоря уже о высших начальных училищах, открытие которых намечалось планом попечителя учебного округа. И только в октябре 1914 года в сел. Кумухе было открыто уже упоминавшееся единственное в сельской местности дореволюционного Дагестана высшее начальное училище⁴⁴.

Характеризуя состояние школьного образования в Дагестане в рассматриваемый период и оценивая значение русских школ, следует иметь в виду их классовую направленность, помнить, что царское правительство смотрело на эти школы, как на орудие своей расификаторской политики. Старая школа была призвана готовить верных слуг самодержавия и господствующих классов. В. И. Ленин говорил, что каждое слово старой школы соответствовало интересам буржуазии. «В этих школах молодое поколение рабочих и крестьян не столько воспитывали, сколько натаскивали в интересах той же буржуазии. Воспитывали их так, чтобы создавать для нее пригодных слуг, которые были бы способны давать ей прибыль и вместе с тем не тревожили бы ее покоя и безделья»⁴⁵.

Вместе с тем В. И. Ленин учил, что «мы должны взять то хорошее, что было в старой школе»⁴⁶. «...Надо уметь различать, — указывал В. И. Ленин, — что было в старой школе плохого и полезного нам»⁴⁷.

Для Дагестана, где до присоединения к России не существовало светской школы, русские школы, вопреки намерениям и воле царского правительства, сыграли объективно-прогрессивную роль. Несмотря на ограниченность программ и большие педагогические и организационные пороки дореволюционная русская школа стояла неизмеримо выше школ религиозных, давала учащимся полезные знания и навыки. В этих школах дети горцев усваивали русскую грамоту, русский язык, служившие основным средством приобщения местного населения к передовой русской культуре.

Ряд школ Дагестана имел приусадебные участки, где учащиеся проводили практические занятия по садоводству, огородничеству. В некоторых школах имелись ремесленные отделения, учащимся прививали навыки ухода за пчелами, проводились занятия по шелководству. В Касумкентском училище, например, занятия по пчеловодству проводились с 1890 г. и особенно успешно — с 1897 г., когда учителем стал работать местный уроженец А. Ма-

медов, окончивший Закавказскую учительскую семинарию. Под его руководством учащиеся создали при школе опытное пчеловодческое хозяйство и даже стали пропагандировать рациональные приемы пчеловодства среди населения⁴⁸. К 1901 г. в Касумкенте и некоторых других аулах Кюринского округа «имелось более 100 рамочных ульев, и некоторые из пчеловодов приобрели нужные инструменты, благодаря чему беспощадное истребление пчел при добывании меда значительно сократилось»⁴⁹.

Выходившая в Тифлисе газета «Кавказ» в одной из корреспонденций сообщала о сельскохозяйственных занятиях учащихся Касумкентского училища. По свидетельству автора корреспонденции, жители Кюринского округа не имели понятия об огородничестве и все овощи привозились из Дербента. «Но вот при Касумкентском училище было введено образцовое огородничество и с того времени в округе, и в особенности в сел. Касумкенте, быстро привилось огородничество»⁵⁰.

Много для ознакомления детей и местного населения с научными основами садоводства, огородничества и пчеловодства сделал замечательный педагог Августин Петрович Скрабе. А. П. Скрабе приехал в Дагестан в 1901 г. и в течение 50 лет, до конца своей жизни, работал в различных учебных заведениях области и республики. Начал он педагогическую деятельность в Карабудахкентской начальной школе Темир-Хан-Шуринского округа. В Карабудахкенте на пришкольном участке А. П. Скрабе вместе со своими учениками посадил фруктовые деревья, виноград, огородные культуры, цветы. Школа завела свою пасеку. На примере маленького школьного хозяйства учитель старался показать населению выгоды основанного на достижениях сельскохозяйственной науки и практики земледелия и садоводства, привить ему доступные агрономические знания.

В то время, вспоминает жена педагога Н. И. Скрабе, в Карабудахкенте, как и в других селах Дагестана, кроме лука и чеснока, других огородных культур не разводили. «Школьный участок стал поэтому показательным не только для учащихся, но и для сельчан. С необыкновенным любопытством сельчане рассматривали на школьном огороде помидоры, огурцы, капусту. А в последующие годы они и сами стали выращивать эти овощи на своих огородах. Августин Петрович был в ауле единственным пчеловодом. Он настойчиво советовал сельчанам завести свои ульи и помогал начинающим пчеловодам»⁵¹.

⁴⁸ Дагестанский сборник. Вып. 1. Темир-Хан-Шура, 1902. С. 101.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Кавказ. 1893. 4 авг.

⁵¹ Скрабе Н. И. Народный учитель Августин Петрович Скрабе (Литературная обработка Д. Трунова). Махачкала: Дагучпедгиз, 1955. С. 12—13.

⁴⁴ ЦГА ДАССР. Ф. 7. Оп. 1. Д. 27. Л. 14.

⁴⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 303.

⁴⁶ Там же. С. 305.

⁴⁷ Там же. С. 303.

Когда в 1907 г. А. П. Скрабе был переведен в Ишкартинскую двухклассную школу, находившуюся в пятнадцати километрах от Темир-Хан-Шуры, он усердно продолжал начатое в Карабудахкенте свое поистине подвижническое дело пропаганды и обучения учащихся, а также местного населения культурному земледелию, садоводству и пчеловодству.

В 1900 г. в 13 начальных училищах области дети обучались различным ремеслам: столярному — в одном, токарному — в одном, сапожному — в одном, садоводству — в четырех, огородничеству — в четырех, шелководству — в одном и пчеловодству — в одном⁵². В 1911 г. из 40 начальных училищ области 16 (или 40%) имели приусадебные участки⁵³.

Русская школа сыграла положительную роль в формировании и развитии передовой общественной мысли в Дагестане. Революционные идеи, все глубже проникавшие в школу, оказывали влияние на горскую молодежь, вовлекали ее в водоворот все усиливающегося общественно-политического движения, в революционную борьбу против царизма и местных эксплуататоров.

В годы первой российской революции под влиянием борьбы рабочих, крестьян и солдат началось движение учащейся молодежи и учителей. Они выступили с требованием демократизации школьного режима, изменения методов и содержания обучения подрастающего поколения. Некоторые выступления учащейся молодежи носили определенно выраженный политический характер.

Все усилия полиции и учебной администрации предоставить влияние революции на школу оказались тщетными. В Темир-Хан-Шуре, Порт-Петровске, Дербенте имели место выступления учащихся. В основе этих выступлений лежали политические мотивы, недовольство существующим строем, стремление изменить формы и методы обучения и воспитания в школе.

23 октября 1905 г. учащиеся Темир-Хан-Шуринского реального училища присоединились к демонстрации, организованной местными социал-демократами. Демонстранты пели песни «Дубинушка» и «Марсельеза», а группа реалистов несла красный флаг, «на одной стороне которого была надпись «Свобода», на другой «Да здравствует созыв учредительного собрания!»⁵⁴ В жандармском донесении сообщалось, что учащиеся реального училища «устраивают ученические сходки, на которых затрагиваются политические стороны современной жизни»⁵⁵. Некоторые ученики принимали

«участие в изготовлении и распространении по городу и среди солдат прокламаций», они организовывали сходки на частных квартирах и в училище, собирали по подписным листам деньги в пользу забастовщиков⁵⁶.

Темир-Хан-Шуринские реалисты выполняли самые различные поручения местной социал-демократической организации, распространяли газеты, листовки и прокламации среди солдат и горожан. В марте 1906 г. на квартире ученика реального училища Григоровича во время обыска полиция нашла большое количество революционных прокламаций, нелегальной литературы, а также документы, свидетельствующие о принадлежности Григоровича к социал-демократической группе.

22 ноября 1905 г. объявили забастовку учащиеся Дербентского реального училища. Учебная администрация отмечала, что забастовка была вызвана «упорными и сильными влияниями извне», что «требования учащихся почти целиком заимствованы из посторонних источников». Накануне этих событий в училище появились воззвания, которые призывали учащихся выступать с противоположными требованиями. В одной из прокламаций говорилось: «Дербентским учащимся! Почти все среднеучебные заведения предъявляют требования к своему начальству, и часть требований уже исполнена. Неужели вы не примете участия в этом движении, неужели вы не постараетесь освободить среднюю школу от власти бюрократов?... Предъявите же и вы требования, которые предъявила учащаяся молодежь России. Итак, за дело, товарищи!!! Но успеха можно ожидать только при полном единении... Да здравствует свободная школа!»⁵⁷

Учащиеся реального училища прекратили занятия и предъявили учебной администрации требования: уважение педагогами личности ученика; свобода собраний учащихся в здании реального училища без права присутствия нежелательных лиц; назначение часов для ознакомления учащихся «с освободительным движением настоящего времени в России»; снятие с инспекции полицейских обязанностей; неприкосновенность ученической корреспонденции; уничтожение кондуитов и связанную с ними систему шпионства; предоставление права образования ученических касс взаимопомощи; введение преподавания родных языков учащихся; отмена преподавания церковнославянского языка; учреждение товарищеского суда, отмена внеклассного надзора за учащимися и

52 Памятная книжка и адреса-календари Дагестанской области на 1901 г. С. 21.

53 Однодневная перепись... С. 34.

54 Гаджиев А. С. Молодежь Дагестана в борьбе за установление Советской власти. Махачкала, 1961. С. 7.

55 Гаджиев А. С. Молодежь Дагестана в борьбе за установление Советской власти. Махачкала, 1961. С. 7.

56 Там же.

57 Очерки истории Дагестана. Т. 1. Махачкала, 1957. С. 306; Гаджиев А. С. Молодежь Дагестана... С. 8.

другие. В заключение реалисты писали: «Мы заявляем о прекращении нами занятий до тех пор, пока не будут выполнены все наши требования; необходимым же условием возобновления и продолжения занятий мы, нижеподписавшиеся, ставим открытие таковых в том же составе учащихся, который был до подачи»⁵⁸.

Забастовка продолжалась больше недели и была прекращена лишь 30 ноября под сильным давлением властей и учебной администрации⁵⁹.

Школьное начальство пробовало бороться с волнениями учащихся средних школ путем исключения организаторов и активных участников ученических выступлений. Однако это не дало желаемых результатов. Наоборот, они вызывали новые выступления учащихся. Так, одно из таких исключений послужило поводом для массового выступления учащейся молодежи Дербента в ноябре 1906 года. Педагогический совет реального училища предложил ученику шестого класса Ф. взять свои документы и уйти из училища за то, что он от имени класса заявил преподавателю истории Мироновичу, что его преподавание не удовлетворяет класс, так как он рабски придерживается книги и буквы. Задавание урока у него заключается «от сих — до сих», без всяких объяснений «и комментариев, необходимых при изучении истории жизни народов»⁶⁰. Ученики класса встали на защиту исключенного и потребовали отменить решение об исключении Ф. из училища. Реакционно настроенный педагогический совет отказался удовлетворить их требование, и в ответ на это шестиклассники забастовали. К ним присоединились учащиеся четвертого и пятого классов училища, пятого, шестого и седьмого классов женской гимназии, а также учащиеся школы садоводства и виноделия. Председатель педагогического совета женской гимназии сообщал по этому поводу попечителю Кавказского учебного округа: «25 ноября в женскую гимназию явились забастовавшие реалисты города и добились прекращения занятий V—VI—VII классов... Требование у всех одно: принять ученика Ф. обратно, так как это несправедливо — уволить ученика за свободно высказанное мнение»⁶¹.

На экстренном заседании педагогического совета реального училища, созванном в связи с продолжающейся забастовкой учащихся, помощник городского старосты Дербента заявил, что возбуждение «бастующей молодежи настолько сильно, что они решили продолжать забастовку назавтра, ожидается несколько сходок, которые будут разгоняться вооруженной силой»⁶². Педагоги-

ческий совет решил исключить всех учеников шестого класса «как организаторов забастовки»⁶³.

Число бастующих учеников росло. В ноябре-декабре 1906 г. в газете «Баку» были опубликованы статьи, в которых подробно рассказывалось о волнениях учащейся молодежи Дербента. В жандармских донесениях непрерывно сообщалось, что революционная молодежь города устраивает митинги, демонстрации, собрания, а руководители выступлений держат тесную связь с революционными комитетами учащихся Баку, Тифлиса, Эривани и др.⁶⁴

На развертывание революционного движения учащихся средних школ большое влияние оказывали студенты высших учебных заведений, возвращавшиеся в Дагестан из Петербурга, Москвы, Харькова, Казани и других городов. Во многих полицейских донесениях тех лет студенты характеризуются как организаторы митингов, сходок, забастовок не только учащихся, но и рабочих, в частности ряда выступлений рабочих-железнодорожников г. Дербента. Студенты К. Головоочевский, П. Степанов, М. Исрапилов, М. Гамзаев, А. Саруханов за революционную деятельность были арестованы и высланы за пределы области.

Это влияние не прекратилось и после поражения революции, в условиях разгула черносотенной реакции. Студенты вузов поддерживали связь со своими младшими товарищами, помогали организовать в средних школах кружки, в которых под видом общеобразовательных целей велась революционная пропаганда. Об этом, в частности, свидетельствует секретное отношение начальника Бакинского жандармского управления на имя военного губернатора Дагестана от 3 декабря 1908 г., в котором говорилось: «Среди учащихся среднеучебных заведений замечается стремление к созданию отдельных кружков, в коих под общеобразовательными целями скрывается стремление вести революционную пропаганду среди учащихся. Организаторами этих кружков являются по преимуществу ученики старших классов, поддерживающие сношения с бывшими воспитанниками, перешедшими по окончании курса в высшие учебные заведения»⁶⁵.

Начальник жандармского управления просил военного губернатора «вменить в обязанность г.г. директорам среднеучебных заведений совершенно конфиденциально поставлять его в известность как о существующих, так и возникающих ученических кружках»⁶⁶.

⁶³ Баку. 1906. 12 дек.

⁶⁴ *Хасбулатов Ш. Д.* Народное образование в Дагестанской АССР в первые годы Советской власти. Махачкала, 1953. С. 5; *Гаджиев А. С.* Молодежь Дагестана... С. 11.

⁶⁵ ЦГА ДАССР. Ф. 84. Оп. 1. Д. 16. Л. 52.

⁶⁶ Там же.

⁵⁸ ЦГА ДАССР. Ф. 84. Оп. 2. Д. 54. Л. 41; Баку. 1905. 4 дек.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Баку. 1906. 12 дек.; *Гаджиев А. С.* Молодежь Дагестана... С. 10.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же.

И, конечно, большую роль в пробуждении политического сознания учащихся играло передовое, революционно настроенное учительство. Как свидетельствуют архивные материалы, революционную работу вели в годы первой российской революции учителя Дербентского реального училища и женской гимназии А. Нацвалов, Тетеревятников, Порт-Петровского городского училища — О. Лопухина, И. Малыгин⁶⁷, сдавший экзамены на звание учителя начального училища /впоследствии (1918 г.) стал одним из славных 26 Бакинских Комиссаров/.

В списке участников революционного движения 1905 г., составленном специальной комиссией по сбору материалов и изучению истории первой российской революции, десять фамилий учителей только Темир-Хан-Шуриных и Порт-Петровских школ⁶⁸.

В годы нового революционного подъема некоторые передовые учителя явились создателями революционно-демократических кружков и организаций учащейся молодежи. Так, в 1913 г. соратник С. М. Кирова учитель Яков Львович Маркус организовал в Дербенте подпольный кружок революционной молодежи. В него входили в основном учащиеся реального училища и женской гимназии. В кружке изучались произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, учащиеся знакомились с историей революционного движения в России и Российской социал-демократической рабочей партии. Я. Л. Маркус рассказывал кружковцам о В. И. Ленине, большевиках, о революции 1905 г. Членам кружка даже удалось найти несколько экземпляров ленинской «Искры», которые перечитывались в кружке.

В кружке Маркуса прошли первую революционную закалку многие будущие активные участники борьбы за установление и упрочение Советской власти в Дагестане. Некоторые из них стали видными партийными, советскими и комсомольскими работниками.

Замечательные сыны Дагестана У. Буйнакский, М. Дахадаев, С. Габиев, М.-М. Хизроев, С.-С. Казбеков, Г. Саидов, А. Тахо-Годи, М. Далгат, М. Ахундов и многие другие вооружились основами революционного мировоззрения, учаь в русской школе, через общение с революционно настроенным студенчеством, с русскими социал-демократами, большевиками.

§ 2. Профессиональное образование

В начале XX в. в Дагестане появились первые профессиональные школы. Попытки создания школ с профессиональным уклоном в области предпринимались еще в 90-х годах XIX в. В част-

⁶⁷ ЦГА ДАССР. Ф. 66. Оп. 3. Д. 2-а, Оп. 1. Д. 89; *Гаджиев А. С.* Молодежь Дагестана... С. 12.

⁶⁸ *Гаджиев А. С.* Молодежь Дагестана... С. 16—19

ности, предполагалось открыть в Темир-Хан-Шуре ремесленное училище и в Дербенте — сельскохозяйственную школу. В 1891 г. были изысканы средства на постройку ремесленного училища, составлены смета и план здания. Однако нужны были еще средства на содержание училища и пансиона при нем на 20 горских мальчиков. Выделить их власти отказались. Спустя десять лет (1901 г.) военный губернатор писал в своем отчете о состоянии области: «Вопрос об открытии училища и о средствах на его содержание остается не разрешенным, и до сих пор... область с шестисоттысячным населением не обладает ни одним профессиональным училищем»⁶⁹.

Необходимость открытия сельскохозяйственной школы в Дербенте диктовалась тем, что к концу XIX — началу XX вв. садоводство, виноградарство и огородничество получили здесь значительное развитие, служили важным подспорьем в жизни горожан. Сады и виноградники занимали к этому времени около 2 тысяч десятин, и площади под садовыми и огородными культурами с каждым годом расширялись. Между тем в городе не имелось «не только опытных ученых садоводов, но даже сколько-нибудь подготовленных садовников, отчего и садоводство в Дербенте не могло быть поставлено на ту ступень развития, какую оно должно иметь»⁷⁰.

Первой (в 1904 г.) открылась школа в Дербенте. Она называлась школой виноделия, садоводства и виноградарства. Заведующим школой был назначен работавший до этого преподавателем Никитского (в Крыму) училища садоводства и виноделия А. П. Макаренко. Школа содержалась в основном на средства городского общественного управления. Государственная же казна отпускала на содержание школы всего 3500 рублей в год. В школу принимались подростки в возрасте не моложе 14 лет⁷¹, окончившие курс двухклассных сельских и городских училищ и «способные к физическому труду». Обучение общеобразовательным дисциплинам сочеталось в школе с практическими занятиями по садоводству, огородничеству и виноградарству. В области избранной специальности питомцы школы получали необходимые сведения о создании садов, виноградников, огородов, о консервировании плодов и более сокращенно — о цветоводстве, болезнях растений, шелководстве и пчеловодстве, проходили краткий курс почвоведения⁷². При школе имелся сад для практических занятий

⁶⁹ ЦГА ДАССР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 63. Л. 5.

⁷⁰ История города Дербента/Составитель Козубский Е. И. Темир-Хан-Шура, 1906. С. 432.

⁷¹ В приготовительный класс школы принимались мальчики двенадцати лет, окончившие начальные училища.

⁷² ЦГА ДАССР. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8. Л. 239.

учащихся площадью в 6,5 десятин⁷³. Окончившему курс Дербентской школы садоводства выдавался аттестат «обученного садовника и винодела».

В год открытия в школе обучалось 25 учащихся. В последующие годы контингент учащихся школы увеличился: в 1906 г. он составлял 32 человека, в 1909 г. — 37, 1910 г. — 44, 1912 г. — 60 человек⁷⁴. Подавляющее большинство учащихся школы садоводства являлись детьми жителей города Дербента. Так, в первый год работы школы дербентцы составляли 80 процентов общего состава учащихся.

В 1905 г. в Дагестанской области (г. Порт-Петровск) открывается вторая специальная школа—электротехническое училище. Училище готовило квалифицированных электротехников, которые могли бы работать в качестве инженеров или их помощников при электрических станциях. В училище принимались лица в возрасте от 15 до 40 лет, окончившие курс городских по положению 31 мая 1872 г., духовных или уездных училищ и прошедшие курс четырех классов средних школ. Курс обучения в Порт-Петровском электротехническом училище был трехлетний. Оно давало довольно широкий круг специальных знаний в области электричества, телефонно-телеграфного дела. Общеобразовательные дисциплины изучались в училище в объеме средних учебных заведений. С целью завершения технического образования учащихся в училище преподавались теоретическая механика, сопротивление материалов и другие специальные предметы. Для проведения практических работ при электротехническом училище имелись механические мастерские, кузница, электрическая и телефонная станции, кабинет измерительных приборов.

Газета «Казбек», сообщая 30 октября 1905 г. об открытии Порт-Петровского электротехнического училища, отмечала, что окончивший первый курс его может уже работать дежурным электростанции, второй курс — монтером при установках, а окончивший все три класса — электротехником⁷⁵.

Единственное в области специальное среднее учебное заведение было доступно лишь местной эксплуататорской верхушке. И это не только потому, что лишь очень немногие из дагестанской молодежи могли иметь тогда необходимый образовательный ценз. Основным препятствием к поступлению в училище служила очень высокая плата за учение — 200 рублей в год. Училище столкнулось и с другими трудностями. Мизерные средства, которые выделялись

государством на нужды электротехнического училища, не могли служить достаточной материальной базой для его существования. Поддержание же деятельности училища за счет бюджета города Порт-Петровска, львиная доля расходов которого шла на содержание полиции, тюрем и другие нужды бюрократического аппарата, оказалось невозможным. Весной 1909 г. электротехническое училище, сделавшее к этому времени всего два выпуска, было переведено в г. Харьков⁷⁶.

Почти четырехлетняя деятельность электротехнического училища оставила и другой заметный след в жизни Порт-Петровска и области. Многие ученики училища, как и их сверстники из других средних школ, принимали участие в революционном движении в 1905—1907 гг. За некоторыми из них был установлен негласный надзор полиции⁷⁷. Один из бывших учеников электротехнического училища Иван Колышкин стал впоследствии активным участником революционного движения и борьбы за победу Советской власти в Дагестане.

В 1911 г., спустя 20 лет (!) после первого официального возбуждения вопроса, в Темир-Хан-Шуре была открыта низшая ремесленная школа. Школа эта ставила своей целью подготовку грамотных подмастерьев по слесарно-кузнечному и столярному делу. В течение четырех лет обучения учащиеся изучали в этой школе закон божий, русский язык и арифметику в объеме двухклассных училищ, технологию ремесла, счетоводство, черчение и рисование. Велись также практические занятия по слесарно-кузнечному и столярному делу. Обучение в школе было бесплатным. При школе имелся пансион, в котором содержались 10 воспитанников. В 1914 г. после перехода школы в новое здание пансион был расширен еще на 10 воспитанников.

За все время своего существования школа выпустила всего 19 человек, причем никто из окончивших курс не пошел работать по своей специальности. Бывшие питомцы школы, как правило, поступали на работу в различные канцелярии, на военную службу, занимались торговлей⁷⁸.

В 1900 г. для подготовки учителей начальной школы при Порт-Петровском городском училище были открыты одногодичные педагогические курсы, на содержание которых государство расходовало одну тысячу рублей в год. В 1911 г. эти курсы были преобразованы в двухгодичные, с доведением ассигнований до четырех тысяч рублей⁷⁹.

⁷³ Козубский Е. И. История города Дербента. С. 465.

⁷⁴ Обзоры Дагестанской области за 1906, 1909, 1911 и 1913 гг. Темир-Хан-Шура, 1908, 1910, 1912, 1915 гг. С. 61, 102, 55, 56.

⁷⁵ Казбек, 1905. 30 окт.

⁷⁶ ЦГА ДАССР. Ф. 2. Оп. 3. Д. 210. Л. 144.

⁷⁷ Там же. Ф. 66. Оп. 1. Д. 89.

⁷⁸ ЦГА ДАССР. Ф. 81. Оп. 2. Д. 12. Л. 7—9.

⁷⁹ Там же.

В 1909 г. двухгодичные педагогические курсы «для туземцев Дагестанской области» открылись в Темир-Хан-Шуре при городском училище. Педагогические курсы подготовили для начальных школ Дагестана несколько десятков учителей. По данным книги регистрации, Темир-Хан-Шуринские курсы окончили в 1911 г. — 4 дагестанца, в 1913 г. — 7, в 1915 г. — 9 дагестанцев⁸⁰.

Среди окончивших Порт-Петровские и Темир-Хан-Шуринские педагогические курсы и учившихся на них были такие известные деятели народного просвещения Дагестана, как Саид Омаров — заслуженный деятель науки ДАССР и заслуженный учитель школы РСФСР, Мирза Темирханов, Хайрулла Гаджиев, активные участники борьбы за власть Советов в Дагестане Гадис Гаджиев, Магомед Гасанов и многие другие, посвятившие себя еще в тяжелые годы царизма трудной, но благородной профессии народного учителя.

Названными выше школами и ограничивается список специальных учебных заведений, функционировавших в Дагестане в начале XX в. Правда, в городских и некоторых сельских училищах имелись ремесленные отделения. Однако в их задачу входило лишь привитие определенных практических навыков, а не профессиональное образование учащихся.

Дальнейшее развитие общего образования, открытие новых средних школ способствовали росту тяги дагестанской молодежи к специальному образованию. В начале XX в. сохранялись установленные для горцев Дагестанской области 30 государственных вакансий в Ставропольской гимназии и 10 в Бакинском реальном училище. Некоторым из выпускников этих школ, так же как и средних школ Темир-Хан-Шуры, Дербента и Порт-Петровска, удавалось продолжить образование в университетах и институтах страны.

Следует отметить, что выпускники Темир-Хан-Шуринского и Дербентского реальных училищ встречались с большими трудностями при поступлении в высшие учебные заведения, в частности в университеты. В реальных училищах, как известно, не изучались так называемые классические языки — латинский и греческий, и чтобы получить возможность продолжить образование в университете, реалисты должны были изучать латинский язык дополнительно. Так, к 1913 г. более 20 выпускникам Дербентского реального училища, изучившим дополнительно латинский язык, удалось выдержать экзамены в университеты⁸¹.

Как и во второй половине XIX в., важной базой подготовки дагестанской молодежи к продолжению образования в высшей

⁸⁰ ЦГА ДАССР. Оп. 3. Д. 3. Л. 1—46.

⁸¹ Там же. Ф. 84. Оп. 2. Д. 13. Л. 13.

школе оставалась Ставропольская гимназия. Ряд выпускников-дагестанцев этого учебного заведения были направлены на учебу в высшие учебные заведения. Многие из них возвратились впоследствии в Дагестан.

В начале века в Ставропольской гимназии, считавшейся тогда рассадником революционных идей среди учащейся молодежи Северного Кавказа, учились многие будущие организаторы и руководители борьбы трудящихся Дагестана за Советскую власть. Питомцами этой школы являлись Джамалутдин Коркмасов, Саид Габиев, Магомед-Мирза Хизроев. Именно здесь, в Ставропольской гимназии, началось их знакомство с революционными идеями. В Ставропольской гимназии учился Уллубий Буйнакский — будущий руководитель дагестанских большевиков, видный революционер-ленинец. Но в 1905 г. за активное участие в революционном движении пансионеры гимназии были переведены в другие учебные заведения, а пансион закрыт.

Окончив Темир-Хан-Шуринское реальное училище, в 1900 г. поступает в Петербургский институт инженеров путей сообщения Махач Дахадаев, ставший впоследствии одним из виднейших руководителей борьбы трудящихся горцев за торжество Советской власти. В последующие годы окончили училище и поступили в различные вузы Магомед Далгат, Гарун Саидов (1913 г.), Мирзабек Ахундов (1915 г.), Гамид Далгат (1916 г.) и другие видные дагестанские революционеры.

В начале XX в., наряду с некоторым ростом численности, расширяется география учебных заведений, в которых продолжает образование дагестанская молодежь. разнообразнее становятся профили подготавливаемых специалистов. Помимо Москвы, Петербурга, Харькова дагестанцы учатся в вузах Одессы, Новороссийска, Томска, а некоторым удается попасть для завершения образования в высшие учебные заведения стран Западной Европы.

Как и раньше, дагестанцы обычно поступали на юридические и медицинские факультеты университетов, в технические вузы. Отдельным горцам посчастливилось кончить курс в Петербургской сельскохозяйственной, Петербургской военно-медицинской академиях и некоторых других высших учебных заведениях. В частности, в 1916 г. окончили военно-медицинскую академию Р. Шихсаидов и М. Кажлаев, впоследствии известные работники здравоохранения Дагестана и Азербайджана. Дагестанка Джаннет Далгат первая из горянок окончила в 1909 г. Лейпцигскую консерва-

⁸² Джаннет Далгат — одна из видных музыкальных работников Дагестана. После окончания консерватории занималась концертной и педагогической деятельностью. С первых дней Советской власти Д. Далгат активно участвует в организации концертов в рабочих клубах и красноармейских частях. Далгат — одна из организаторов Дагестанского музыкального техникума (1926 г.).

торию⁸². Однако для большинства горской молодежи, окончившей средние школы, высшее, особенно университетское, образование было по-прежнему недоступно. Этому препятствовали не только программы реальных училищ, но и ограниченное число государственных стипендий и тяжелое материальное положение огромного большинства горского населения. Дагестанские стипендиаты — выходцы из несостоятельных семей — пребывали в жалком состоянии, подчас занимаясь в вечернее и ночное время тяжелым физическим трудом. Ходатайства студентов и их родителей о выделении дополнительных пособий, как правило, властями не удовлетворялись. В центральном государственном архиве Дагестана сохранился ответ начальника канцелярии наместника Кавказа на заявление жителя села Кумух Габиева о выдаче его сыну, студенту Петербургского университета Саиду Габиеву, пособия, чтобы он мог продолжать учебу. Ответ датирован 21 сентября 1905 г. В нем сообщается, что ходатайство Габиева «о выдаче сыну его Саиду, обучающемуся ныне в Санкт-Петербургском университете, денежного пособия на обучение оставлено, по приказанию наместника на Кавказе, без удовлетворения»⁸³.

Небольшое число дагестанцев обучалось и в средних специальных учебных заведениях вне области. Значительную роль в подготовке медицинских работников и учителей средней квалификации для Дагестана играли уже упоминавшиеся Тифлисская фельдшерская школа и Горийская учительская семинария.

В начале века число учащихся в фельдшерской школе при Тифлисской Михайловской больнице увеличилось. В этой школе было учреждено 5 стипендий для дагестанских горцев. Среди подавших заявления для поступления в школу в 1914 г. были, например, юноши из Гунибского, Даргинского, Казикумухского и Самурского округов. Тифлисскую школу окончили такие известные впоследствии работники Дагестанского здравоохранения, как Муслим Нахибашев (1905 г.), Муртузали Дебиров (1907 г.), которые в условиях царизма, сопротивления и вражды реакционного духовенства выполняли благородную миссию охраны народного здоровья, вели большую санитарно-просветительскую работу среди горцев.

Несколько дагестанцев обучались в Горийской учительской семинарии. По неполным данным, в 1900—1915 гг. Горийскую учительскую семинарию окончили 7 уроженцев Дагестанской области, в том числе известные работники просвещения Дагестана А. Алкадарский и А. Салимханов. Большинство питомцев семинарии работали в сельских школах области⁸⁴. Несколько уроженцев

⁸³ ЦГА ДАССР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 138. Л. 16.

⁸⁴ Там же. Ф. 81. Оп. 3. Д. 3. Л. 1—46.

Дагестана окончили также курс Кубанской учительской семинарии

Существовавшая в Дагестане сеть школ, а также некоторые возможности обучения дагестанской молодежи в учебных заведениях центральных городов России являлись весьма слабой базой для формирования интеллигенции.

Дагестанская дореволюционная интеллигенция состояла, во-первых, из небольшого количества лиц, окончивших университеты, институты, учительские семинарии и другие учебные заведения в различных городах империи. Эти люди, в своем подавляющем большинстве выходцы из местной эксплуататорской верхушки, как правило, являлись верными холопами самодержавия и слугами господствующих классов. Но были и такие люди, которые благодаря ознакомлению с социалистическим учением, общению с передовыми представителями революционного студенчества, русскими социал-демократами, большевиками, навсегда связали свою судьбу с угнетенными массами и стали на путь борьбы за социальное и национальное освобождение трудящихся, за новую жизнь. Такой путь избрали для себя виднейшие дагестанские революционеры: У. Буйнакский, Д. Коркмасов, М. Дахадаев, М.-М. Хизроев, С. Габиев, С.-С. Казбеков, М. Далгат, З. Батырмурзаев, Г. Саидов, М. Ахундов и многие другие, с именами которых связаны героические страницы борьбы трудящихся Дагестана за власть Советов.

Во-вторых, местная интеллигенция состояла из людей, получивших военное образование и воспитывавшихся в русской буржуазно-дворянской среде. Дагестанское офицерство, вышедшее из бекских и бывших ханских семей, а также из семей представителей высшего духовенства, выступало как наиболее реакционная сила, являлось надежной опорой царизма в проведении колониальной политики. Будучи детищем самодержавного строя, реакционное офицерство всеми силами отстаивало интересы эксплуататорских классов, активно боролось против революционного движения рабочего класса и трудящихся крестьян Дагестана.

И, наконец, дореволюционная интеллигенция Дагестана состояла из представителей мусульманского духовенства, прошедших арабскую школу. Лица, окончившие мусульманские религиозные учебные заведения в Дагестане и за его пределами и получившие духовные звания, составляли наиболее многочисленную консервативную прослойку интеллигенции. Они работали преподавателями в духовных школах, несли службу в мечетях, а нередко в административном и судебном аппарате царизма. Пользуясь большим влиянием на население, реакционное духовенство стремилось разжечь религиозный фанатизм в массах. Оно всячески препятствовало сближению трудящихся Дагестана с русским чародом, проникновению в горы передовой русской культуры.

В связи с некоторым расширением сети школ и учреждений здравоохранения⁸⁵ в начале XX в. в Дагестане стало больше работать русских специалистов. Передовые представители русской интеллигенции честно и добросовестно занимались просвещением горцев, улучшением дела охраны их здоровья. Своим гуманизмом и благородной деятельностью они оставили добрую память у населения.

22 года проработал в Самурском округе русский врач А. Н. Ефимов, пользовавшийся большой популярностью среди бедноты. Население любило Ефимова, уважало как человека, ценило как врача. За время своей многолетней деятельности Ефимов тесно сблизился с жителями округа. Беднота шла к нему не только как к врачу, но и как к человеку, который даст полезный совет, напишет заявление, окажет посильную материальную поддержку.

Царские же власти косо смотрели на врача Ефимова, относились к нему с подозрением. Он даже находился под негласным надзором местной полиции⁸⁶.

Симпатии населения к этому передовому представителю русской интеллигенции еще более усилились после победы Советской власти. Об этом свидетельствует такой факт. В 1921 г. представители бедноты Самурского округа, собравшись на свой первый съезд для обсуждения насущных задач строительства новой жизни, приняли в числе других решение о возвращении из Азербайджанской республики, куда А. Н. Ефимов незадолго до этого переехал, в округ «доктора Ефимова, сроднившегося с населением и оказавшего тогда, еще при царском режиме, неоценимые услуги и помощь, главным образом, бедноте»⁸⁷.

Хорошо были известны населению также имена учителей Г. Мустаюнова, А. Скрабе, А. Бокарева, врачей С. Казарова, Н. Агриколянского и других представителей дореволюционной интеллигенции. Работая рука об руку с немногочисленными местными народными учителями и медицинскими работниками, такими как И. Абдуллаев, А. Алкадарский, А. Насиров, А. Селимханов, С. Омаров, М. Нахибашев, М. Дебилов и другие, они вносили большой вклад в развитие культуры Дагестана, в приобщение горского населения к ее достижениям.

⁸⁵ В 1913 г. в Дагестанской области имелось 28 больничных учреждений с 307 койками, из них в сельской местности 18 учреждений с 108 койками (Обзор Дагестанской области за 1913 г., с. 45).

⁸⁶ ЦГА ДАССР. Ф. 66. Оп. 1. Д. 61.

⁸⁷ Советский Дагестан. 1921. 24 окт.

§ 3. Религиозная школа

Наряду с русскими школами в Дагестане в начале XX в. продолжали существовать религиозные мусульманские школы — медресы и медресе, горско-еврейские школы при синагогах, а также несколько церковно-приходских школ при православных церквях.

Сеть религиозных школ не претерпела в рассматриваемый период значительных изменений. По данным обзоров Дагестанской области, мусульманских школ было в 1902 г. 644, в них обучался 5 581 учащийся, в 1905 г. школ 833, учащихся 5 555, в 1911 г. — школ 631, учащихся 5 790 и в 1913 г. школ 766, учащихся 6 727⁸⁸. Незначительные изменения произошли и в контингенте учащихся горско-еврейских школ. В 1905 г. в области насчитывалось 23 горско-еврейских школы с 567 учащимися, в 1913 г. их сеть даже несколько сократилась: школ стало уже 21, а учащихся 493. Число же церковно-приходских школ в первом десятилетии XX в. увеличилось на три единицы в связи с открытием в 1905—1906 гг. армяно-григорианских религиозных школ в городах Темир-Хан-Шуре, Порт-Петровске и Дербенте. Контингент учащихся в церковно-приходских школах области увеличился с 229 человек в 1902 до 379 в 1913 г.⁸⁹

Следует отметить, что дореволюционная официальная статистика причисляла православные и армяно-григорианские церковно-приходские школы к светским учебным заведениям области. Это, по-видимому, объяснялось тем, что в них, в отличие от мусульманских «классических», или «старометодных» религиозных школ, преподавались и светские дисциплины. Эти школы отличались от мусульманских и горско-еврейских также и по составу учащихся. В последних даже в предвоенные годы обучалось очень мало девочек. В 1913 г. девочки составляли 10,6 процента от общего числа учащихся примечетских школ, а в школах при синагогах и того меньше — всего 1,6 процента⁹⁰. В церковно-приходских же школах девочек в составе учащихся насчитывалось около 40 процентов⁹¹.

Накануне Октябрьской революции в Дагестанской области насчитывалось более 740 мусульманских и 20 горско-еврейских религиозных школ, охватывавших 7,5 тысяч учащихся. Это значитель-

⁸⁸ Обзоры Дагестанской области за 1902, 1905, 1911 и 1913 гг. Темир-Хан-Шура, 1903, 1907, 1912, 1915 гг. (Таблицы № 19, 20, 21.)

⁸⁹ Обзоры Дагестанской области за 1902 и 1913 гг. Темир-Хан-Шура, 1903, 1915 гг. С. 102, 56.

⁹⁰ Обзор Дагестанской области за 1913 г. Темир-Хан-Шура, 1915. (Таблица № 19.)

⁹¹ Там же.

но больше, чем в соседних нерусских районах Северного Кавказа. Дагестан не без основания считался поставщиком кадров духовенства для всего восточного Кавказа.

Единых программ для религиозных мусульманских школ, как и в XIX в., не существовало. Метод преподавания, сводившийся к механическому заучиванию без понимания содержания, приводил к тому, что для овладения арабской грамотой учащиеся должны были учиться в этих школах много лет. Отсутствие единой стройной системы преподавания, невежество преподавателей, жесткий режим, плохие условия для занятий отрицательно сказывались на умственном и физическом развитии учащихся.

Выше уже говорилось, что проникновение капиталистических отношений на окраины царской России в последней четверти XIX в. отразилось и на школьном образовании. Под влиянием развивавшегося капитализма на мусульманских окраинах возникает течение, выступающее за реформу религиозной школы. Суть этой реформы сводилась к тому, чтобы, сохранив в основе религиозное содержание обучения, ввести в мусульманских школах преподавание светских дисциплин. Это была своеобразная попытка приспособить религиозную школу к потребностям новых производственных отношений, к интересам нарождающейся местной буржуазии.

В отличие от старых примечетских религиозных школ новые школы получили название «новометодных». В Дагестане новометодные школы не получили широкого распространения, причем возникшие в начале XX в. «школы нового типа», по свидетельству официальных властей, «мало чем отличались от мечетских». В 1908 г. в области имелось 8 новометодных школ и все они находились в Темир-Хан-Шуринском округе. В этих школах обучалось 586 учащихся, из них 118 девочек. Во всех новометодных школах работали 16 учителей, которые не имели специальной подготовки и учили своих питомцев читать и писать по-арабски (в некоторых школах и по-турецки), а также выполнять четыре действия арифметики. Официальный документ того времени дает следующую характеристику Карабудахкентской мусульманской школе «нового типа»: «Школа открыта в 1905 году. Обучается в ней 62 мальчика и девочки. Главный предмет обучения в школе — чтение и письмо по-турецки; курс учения для детей старшего школьного возраста от 14 до 15 месяцев, а младшего возраста от 2-х до 3-х лет. Школа помещается в доме учителя, который для усовершенствования ездил на 6 месяцев в медресе «Султан-фати» в Константинополе... Все учебники изданы в Константинополе, за исключением одного, изданного в Бахчисарае»⁹².

⁹² ЦГА ДАССР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 171. Л. 23.

Влияние движения за реформу мусульманской религиозной школы отразилось и на деятельности созданного в 1905 г. представителями местной буржуазной интеллигенции «общества просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области». В докладе правления на собрании членов этого общества 26 марта 1906 г. отмечалось: «Говоря о народном образовании, не приходится принимать во внимание примечетские школы, так как в них вовсе не преподаются общеобразовательные предметы». Правление общества считало, что дело народного образования в области «пошло бы вперед крупными шагами, если бы в мечетских школах преподавались сверх арабского языка и закона божьего также и общеобразовательные предметы... Преподавателями в них должны быть, разумеется, муллы или кадии, получившие серьезную современную воспитательно-педагогическую подготовку»⁹³.

Для обеспечения примечетских школ «опытными учителями», а селения «просвещенными кадиями» представители буржуазно-националистической интеллигенции, входившие в «общество просвещения туземцев-мусульман» предлагали открыть вместо русских светских школ «мусульманскую духовную учительскую семинарию». В нее имелось в виду принимать наиболее способных учеников примечетских школ по решению сельских обществ⁹⁴.

Однако намерение общества об организации мусульманской духовной семинарии не было осуществлено. Дело ограничилось открытием в октябре 1906 г. «общезития-медресе» в Темир-Хан-Шуре на 12 мальчиков: «по одному человеку от каждой народности, населяющей Дагестанскую область», и 4 мальчиков, содержащихся в нем за счет родителей. Кроме того, была открыта русско-мусульманская начальная школа, в которой, помимо живущих в общезитии, обучалось 10 приходящих учеников. Школа призвана была готовить детей дагестанских горцев к продолжению образования в средних учебных заведениях г. Темир-Хан-Шуры⁹⁵. В последующие годы число учащихся школы несколько возросло. В нее стали приниматься и девочки. По сведениям полицмейстера г. Темир-Хан-Шуры, представленным в канцелярию военного губернатора Дагестана, в 1913 г. в школе обучался 91 учащийся, из них 29 девочек⁹⁶.

В отличие от старометодных примечетских новометодные школы могли открываться только с официального разрешения властей.

⁹³ Протокол общего собрания «Общества просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области», состоявшегося 26 марта 1906 г. Темир-Хан-Шура, 1907.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Отчет о деятельности общества просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области за время открытия общества с 21 октября 1905 года по январь 1907 г. Темир-Хан-Шура, 1907. С. 16.

⁹⁶ ЦГА ДАССР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 148. Л. 13.

Царские власти не без основания считали, что новометодные школы должны находиться под более внимательным надзором, чем старые примечетские школы. И не только потому, что школы эти являлись продуктом развития на мусульманских окраинах России капиталистических отношений, буржуазного национального движения начала XX в. Царизм опасался, что новометодные школы, получившие распространение в Крыму, в мусульманских районах Поволжья, на Северном Кавказе, могут стать рассадником антирусской агитации и турецкого влияния на местное население. Властям было хорошо известно, что во многих новометодных школах занимались по учебникам, изданным в Константинополе, а значительная часть преподавателей прошла подготовку в Турции и ездила впоследствии в эту страну на усовершенствование.

В архивах сохранилось немало документов, в которых содержится указания высших властей царизма на Кавказе о внимательном надзоре над новометодными школами Дагестана, представлении сведений о характере и направлении их деятельности. Так, в циркуляре канцелярии Кавказского наместника от 23 октября 1913 г. предлагалось «представить сведения относительно тех из новометодных мектебов и медресе, кои по числу учащихся или по популярности своей среди магометан представляются наиболее заслуживающими внимания»⁹⁷. Циркуляр требовал сообщить, «не поступало ли к местным властям каких-либо неблагоприятных данных о направлении той или иной школы или отдельных преподавателей и, в утвердительном случае, в чем именно таковые заключались и послужили ли они основанием к возбуждению о подлежащих лицах административного или уголовного преследования»⁹⁸.

В общей массе мусульманских религиозных школ новометодные мектебы и медресе составляли даже накануне Октябрьской революции относительно небольшой процент. В большинстве округов области официально зарегистрированных новометодных школ даже не было. Число учащихся в этих школах не превышало 10 процентов численности обучавшихся в старых примечетских школах.

§ 4. Библиотечное дело.

Культурно-просветительные учреждения. Печать

В начале XX в. Дагестан продолжал оставаться окраиной, где имелось крайне мало культурно-просветительских учреждений.

⁹⁷ ЦГА ДАССР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 148. Л. 2.

⁹⁸ Там же.

Библиотеки существовали лишь в городских и некоторых сельских школах. Располагали они незначительным книжным фондом.

Правда, в 1900 г. в Порт-Петровске была открыта первая в области публичная библиотека с небольшой читальней. Книжный фонд ее насчитывал всего несколько тысяч томов.

Частная читальня, открытая в самом начале 900-х годов в Дербенте, располагала в основном периодическими изданиями и влачила жалкое существование, поддерживаемое главным образом поступлениями от торговли канцелярскими принадлежностями. Тогда же в Темир-Хан-Шуре открылась библиотека Дагестанского областного статистического комитета, укомплектованная преимущественно специальной кавказоведческой литературой и недоступная широкому читателю. К концу 1901 г. в библиотеке насчитывалось около 2,5 тыс. томов книг⁹⁹.

В последующие годы сеть библиотек в области несколько расширилась, пополнился их книжный фонд. На 1 января 1911 г. помимо средних школ библиотеки имелись в 37 из всех 40 начальных училищ Дагестанской области. 27 из них представили властям сведения о книжном фонде. Он насчитывал 12,3 тысячи экземпляров книг¹⁰⁰.

Однако книга по-прежнему была доступна лишь незначительной части населения. Школьными библиотеками могли пользоваться в основном учителя и учащиеся. Публичных же библиотек почти не было. Кроме упоминавшихся выше, к началу второго десятилетия XX в. в городах существовали небольшая библиотека «Общества просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области» и пришкольная народная библиотека в Темир-Хан-Шуре с книжным фондом 200 экземпляров¹⁰¹. Даже в 1914 г. книжный фонд всех библиотек области не превышал 70 тыс. томов, причем фонд библиотек при учебных заведениях составлял около 55 тыс. томов¹⁰².

Пришкольные библиотеки находились под пристальным надзором инспекторов народных училищ, которые с полицейской строгостью следили за тем, чтобы в библиотеки не попадала «нежелательная», с точки зрения официальных властей, литература.

9 июня 1912 г. царское Министерство народного просвещения приняло новые правила о народных библиотеках при низших учебных заведениях, которые вводились взамен правил от 28 февра-

⁹⁹ Дагестанский сборник. Вып. 1. Темир-Хан-Шура, 1902. С. 198.

¹⁰⁰ Однодневная перепись начальных школ в империи, произведенная 28 января 1911 г. Выпуск XI (15). Кавказский учебный округ. Петроград, 1914. С. 128.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Отчет попечителя Кавказского учебного округа за 1914 г. Ч. 2. Тифлис, 1915.

ля 1906 г. Царские власти считали, что правила о пришкольных народных библиотеках 1906 г. не препятствуют проникновению в них «легальной партийной прессы, как периодической, так и непериодической», и признали необходимым «пресечь подобную пропаганду на легальной почве в народных массах».

Новые правила носили явно выраженный реакционный характер и преследовали цель оградить подведомственные Министерству народного просвещения библиотеки «от проникновения в них тенденциозной литературы»¹⁰³. Правила 9 июня 1912 г. ставили выбор книг для библиотек в зависимость от инспекторов народных училищ. А некоторые из них в своем усердии заходили так далеко, что нередко изымали из библиотек народных училищ даже сочинения классиков русской литературы. Эти реакционные правила были отменены лишь в 1915 г.

Сельское население было лишено светских книг и газет. Попытки представителей местной общественности, интеллигенции создавать библиотеки встречали непреодолимые препятствия со стороны царских властей, не без основания опасавшихся, что библиотеки будут способствовать пробуждению самосознания горских масс и могут превратиться в очаги антиправительственной пропаганды. Так, в 1908 г., когда группа кумухцев обратилась с просьбой разрешить открыть в ауле библиотеку-читальню, для которой предполагалось приобрести «дозволенные цензурой книги», выписать журналы и газеты, военный губернатор области, явно обеспокоенный такой инициативой «туземцев», написал начальнику Казикумухского округа: «Придавая важное значение открытию в сел. Казикумух библиотеки-читальни, которая может явиться рассадником в округе противоправительственных и других вредных идей, я нахожу возможным открытие таковой лишь при полном убеждении в благонадежности лица, на средства которого она открывается и которое в ней будет считаться ответственным лицом». Военный губернатор предлагал представить «подробные сведения» о нем, а именно: где получил образование житель сел. Кумух Абдурагим Джафар оглы Гунашев¹⁰⁴, чем он занимается, какого поведения, степень его влияния на окружающую среду, и вообще осветить всесторонне его личность, а также «донести, находите ли Вы полезным открытие Гунашевым в Казикумухе библиотеки-читальни»¹⁰⁵.

Получив это предписание, начальник Казикумухского округа сообщил сведения о Гунашеве и, по-видимому, поняв опасения военного губернатора, рекомендовал отклонить ходатайство кумух-

цев. «Сие занятие, — доносил начальник округа, — считаю вредным, от него будет только морока». И ходатайство было отклонено¹⁰⁶.

Переписка по вопросу открытия библиотеки-читальни в Кумухе ярко характеризует отношение царских властей к попыткам представителей нерусских народов создать очаги просвещения и ликвидировать свою культурную отсталость.

Весьма показательно, что, отказав в просьбе об открытии библиотеки-читальни, военный губернатор Дагестанской области приветствовал намерение одного из торговцев Кумуха открыть в селении кабак. Он писал по этому поводу начальнику Казикумухского округа: «Намерение жителя Казикумуха — Саид Омар-оглы заслуживает всяческого поощрения. Доложите ему, что я разрешаю открыть в сел. Казикумух кабак»¹⁰⁷.

В конце XIX — начале XX вв. в Дагестане появились первые заведения книжной торговли. Это были небольшие специальные книжные магазины и лавки или магазины, где наряду с другими товарами продавались книги, учебники, учебные пособия и письменные принадлежности. Некоторые из этих магазинов были открыты владельцами местных типографий и предназначались для реализации продукции своих предприятий. Книжные магазины и лавки имелись во всех трех городах области: Темир-Хан-Шуре, Порт-Петровске и Дербенте. В 1903 г. таких магазинов и лавок было в Дагестане — 5, в 1905 г. — 7, в 1907 г. — 7¹⁰⁸. В последующие годы сеть книжных магазинов и лавок в городах существенно не изменилась. В сельской же местности таких магазинов вовсе не было.

В 1912 г. в г. Темир-Хан-Шуре был открыт первый за всю историю дореволюционного Дагестана музей. Идея создания музея принадлежала русскому врачу И. С. Костемеровскому. Замечательный представитель прогрессивной русской интеллигенции, много сделавший для охраны здоровья и подъема культурного уровня горцев, И. С. Костемеровский мечтал об открытии музея, где можно было бы сосредоточить лучшие образцы дагестанских кустарных изделий, экспонаты и материалы по краеведению. В 1891 г. он завещал затратить значительную часть своих накопленных огромным трудом сбережений на создание музея. Однако для организации музея средств, оставленных Костемеровским, было недостаточно, а царское правительство отказалось выделить ассигнования на его содержание. И только спустя 22 года, когда сумма, оставленная Костемеровским, за счет процентов достигла разме-

¹⁰³ ЦГА ДАССР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 145. Л. 1.

¹⁰⁴ На его средства предполагалось открыть библиотеку-читальню.

¹⁰⁵ ЦГА ДАССР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 68. Л. 9.

¹⁰⁶ ЦГА ДАССР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 68. Л. 10—11.

¹⁰⁷ Хашаев Х.-М. О. Прогрессивное значение присоединения Дагестана к Рос-
син. Махачкала, 1958. С. 25.

¹⁰⁸ ЦГА ДАССР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 162, 163, 165. Л. 11—18.

ров, позволявших содержать музей, царские власти решили его открыть.

Население благожелательно отнеслось к учреждению музея. Из округов в Темир-Хан-Шуру было доставлено много образцов местных кустарно-художественных изделий, предметов обихода, пожертвованных жителями аулов. Значительное количество экспонатов выделил Дагестанский статистический комитет, собравший ко времени открытия музея большой краеведческий материал.

6 мая 1912 г. состоялось торжественное открытие кустарно-художественного музея. В нем было собрано к этому времени до 300 образцов изделий дагестанского кустарного производства¹⁰⁹.

Музей ставил перед собой в основном практические цели: «собираение образцов кустарного производства, ознакомление населения с усовершенствованными способами производства изделий, посредничество между кустарями и покупателями и снабжение кустарей приборами и сырьем для кустарных изделий по фабричным ценам»¹¹⁰.

Царское правительство почти не поддерживало музей, и он влачил жалкое существование.

В 1905 г. по инициативе верхушки местной интеллигенции в купе с дагестанским офицерством и царскими чиновниками было учреждено «Общество просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области». Идея создания «общества» возникла в начале 1901 г. среди нескольких представителей местной буржуазной интеллигенции. Они же разработали устав, в котором нашли отражение сугубо ограниченные цели местных буржуазных интеллигентов в области просвещения: «Открытие разнохарактерных начальных училищ с преподаванием на местных языках, устройство опытных питомников, учебных мастерских... издание полезных книг для населения, местного печатного органа на туземных языках, устройство народных бесплатных библиотек, чтений и пр.»¹¹¹.

Однако даже такая куцая программа не встретила поддержки со стороны Кавказского учебного ведомства царского Министерства просвещения. Устав несколько раз возвращался из канцелярии попечителя учебного округа на «доработку» и был утвержден лишь спустя почти пять лет в значительно урезанном виде. По мнению самих авторов устава, в последней редакции он «в значительной степени потерял свой первоначальный специальный характер»¹¹². Согласно уставу, утвержденному наместником царя на Кавказе 10 октября 1905 г., общество просвещения туземцев-

мусульман должно было содействовать «развитию образования среди туземного мусульманского населения области, а равно и распространению между ними технических знаний». Однако, располагая лишь крайне скудными средствами, собранными благодаря взносам членов и пожертвованиям отдельных лиц, общество не в состоянии было справиться даже со своими скромными задачами. Оно мало чем могло помочь дагестанской молодежи получить образование. Общество в своей практической деятельности оказалось весьма далеким от действительных запросов местного населения в области просвещения и не делало даже робких попыток к расширению сети сельских школ.

Другого подхода к решению просветительских задач и не приходилось ожидать от общества, состоявшего в основном из представителей местной эксплуататорской верхушки, царских чиновников и наиболее щедро оплачиваемой части горской буржуазно-националистической интеллигенции, а почетными председателями были... наместник царя на Кавказе и военный губернатор области. Им были чужды интересы трудящихся. Просветительская деятельность общества свелась преимущественно к периодическому устройству спектаклей, концертов, лекций, вечеров, которые из-за высокой платы за вход были недоступны для тех, кто больше всего нуждался в просвещении.

Вплоть до победы социалистической революции даже в городах Дагестанской области не было сколько-нибудь пригодных зданий для проведения зрелищных мероприятий: постановки спектаклей, показа кинофильмов, устройства массовых концертов. Они проводились в помещениях городских общественных собраний, учебных заведений, а когда позволяла погода — и под открытым небом. По свидетельству корреспондента газеты «Кавказ», побывавшего на спектакле приезжей труппы в областном городе Темир-Хан-Шуре, помещение, в котором был показан спектакль, хотя и называлось «городским театром», представляло собой «прегрязный сарай». Сцена в нем была такой маленькой, а декорация столь бедной, что «всякая иллюзия пропадала»¹¹³.

В самом конце XIX — начале XX вв. в Темир-Хан-Шуре (1899 г.), Дербенте (1904 г.) и Порт-Петровске (1909 г.) возникли музыкально-драматические кружки. Любительские драматические кружки появились (1908—1916 гг.) и в ряде сел области: Ахта, Кумухе, Хунзахе, слободе Хасавюрт. Коллективы их ставили произведения русских и зарубежных классиков, известную музыкальную комедию азербайджанского композитора У. Гаджибекова «Аршин-мал-алан», пьесы местных драматургов, видных дагестанских революционеров Г. Саидова и З. Батырмурзаева

¹⁰⁹ ЦГА ДАССР. Ф. 21. Оп. 4. Д. 53. Л. 4.

¹¹⁰ Обзор Дагестанской области за 1912 г. Темир-Хан-Шура, 1913.

¹¹¹ Отчет общества просвещения... С. 13.

¹¹² Там же. С. 14.

¹¹³ Кавказ. 1890. 27 июня.

«Калайчитал» («Лудильщики»), «Даниялбек», «В медресе пришел мулла» и другие.

Появление пьес на местном материале, их постановка знаменовали собой важный шаг в развитии дагестанского театрального искусства, становлении дагестанской национальной драматургии.

Дискриминационный характер национальной политики самодержавия ярко проявился и в развитии печати на нерусских окраинах России. Многие народы окраин не только были лишены местных органов и предприятий печати, но и не имели даже письменности на родных языках.

В Дагестане издательское дело в начале XX в. было сосредоточено в 5 небольших типографиях, функционировавших в городах области. В них печатались ежегодные обзоры Дагестанской области (приложения к отчету военного губернатора), местные газеты, а также отдельные работы по истории и этнографии, главным образом труды Е. И. Козубского.

После организации в 1902 г. частной типолитографии Мавраева в Темир-Хан-Шуре здесь стали печататься книги на некоторых дагестанских языках (аварском, даргинском, кумыкском, лакском). В своем преобладающем большинстве это были издания религиозного содержания. В 1913 г. Темир-Хан-Шурина типография выпустила всего 16 названий книг тиражом 26 тыс. экземпляров.

В начале XX в., в связи с общественно-политическим подъемом в стране, в Дагестане усиливается интерес к периодической печати. Либеральная буржуазия, стремившаяся направить это общественно-политическое движение в нужное ей русло, укрепить свои позиции, пытается создать свои органы печати. Проявлением этого стремления была первая в истории горного края ежедневная «политическая, общественная и литературная» газета «Дагестан», которая начала выходить в феврале 1906 г. в Порт-Петровске. Газета издавалась всего около года. Отзвуки революционных событий в стране, находившие на страницах газеты робкое отражение с либерально-буржуазных позиций, пугали местных реакционеров. Они всячески мешали распространению газеты. Натолкнувшись на препятствия со стороны черносотенцев, газета уже в 1907 г. прекратила свое существование.

Еще меньше существовала газета «Дагестанский вестник», которая начала выходить в 1907 г. в Дербенте. Эта газета была призвана выражать интересы приспособляющегося к условиям капиталистического развития местного дворянства. Естественно, она не пользовалась широкой популярностью. Не встретив поддержки общественности и не сумев собрать нужное число подписчиков, газета в том же году закрылась.

С 1909 г. в Темир-Хан-Шуре начали выходить «Дагестанские областные ведомости» — официоз администрации области, а с

1913 г. — еженедельная газета «Дагестан» на арабском языке, которая по своему содержанию мало чем отличалась от «Ведомостей».

Большой популярностью среди горцев пользовалась первая дагестанская просветительская газета «Заря Дагестана», издававшаяся в 1912—1913 гг. в Петербурге С. И. Габиевым. Газета имела в Дагестане и за его пределами сеть безвозмездных собственных корреспондентов и сотни подписчиков. Она получала материальную и моральную поддержку со стороны передовых представителей местной интеллигенции, дагестанского студенчества, рабочих, кустарей и др. Большую помощь оказывали «Заре Дагестана» У. Буйнакский, М. Дахадаев.

«Заря Дагестана» выходила на русском языке, но нередко она публиковала целые страницы и на некоторых дагестанских языках. Издание «Заря Дагестана» являлось показателем усилившейся роли передовых представителей дагестанской национальной интеллигенции, их стремления отозваться на нужды своего народа, помочь ему.

Газета живо откликалась на события в Дагестане, информировала горцев о важнейших событиях внутрироссийской и международной жизни. «Заря Дагестана» разоблачала злоупотребления царской администрации, выступала с резкой критикой системы военно-народного управления, адатных судов, таких вредных обычаев, как кровная месть, калым и др. Она настойчиво и последовательно пропагандировала идею просвещения дагестанских народов, призывала горцев приобщаться к передовой русской культуре.

Царское правительство преследовало «Зарю Дагестана» и ее издателя. Много раз газета конфисковывалась властями, подвергалась штрафам, и, наконец, ее издание было запрещено.

Дагестанская действительность освещалась и в выходившей в 1912—1914 гг. в Петербурге «Мусульманской газете», издателем которой был также С. И. Габиев.

«Заря Дагестана» явилась предвестником революционно-демократической прессы Дагестана кануна Великой Октябрьской социалистической революции. Появление этой прессы связано с деятельностью Дагестанского просветительно-агитационного бюро, созданного вскоре после февральской революции.

После свержения царизма в Дагестане, как и во всей стране, образовались органы буржуазного Временного правительства. В марте 1917 г. был создан Временный дагестанский исполнительный комитет, в котором заправляла верхушка местной буржуазно-националистической интеллигенции и мусульманского духовенства. Почти одновременно в Порт-Петровске и Дербенте, а несколько позднее и в Темир-Хан-Шуре возникли Советы рабочих и крестьян-

ских депутатов. Однако они не имели достаточно сил, чтобы противостоять органам Временного правительства.

На долю просветительно-агитационного бюро, объединившего вокруг себя революционное крыло дагестанского студенчества и передовых людей из местной интеллигенции, выпала задача разъяснять горским трудовым массам идеи социализма. В своем обращении к населению Дагестана от 24 мая 1917 г. просветительно-агитационное бюро объявило, что оно ставит своей целью разрешение аграрного вопроса в интересах трудового земледельца, проведение в рабочую среду идей и принципов социализма¹¹⁴. Дагестанское просветительно-агитационное бюро провозгласило принятие им программы РСДРП и выразило надежду, что деятельность бюро найдет понимание и поддержку широких масс горских трудящихся¹¹⁵.

Председателем просветительно-агитационного бюро заочно был избран большевик Уллубий Буйнакский, ставший идейным руководителем этой группы. В состав бюро входили Г. Саидов, С.-С. Казбеков, З. Батырмурзаев, М. Ахундов, Г. Далгат, Х. Булач, К. Закуев и др. Вокруг бюро сплотилась революционная учащаяся молодежь: А. Измаилов, И. Махмудов, А. Далгат, Т. Булач, А. Алхазов и другие.

Деятели просветительно-агитационного бюро понимали, что широкая пропаганда революционных идей среди трудящихся невозможна без создания собственного органа печати. Поэтому на скудные средства бюро стала издаваться газета «Илчи» («Вестник») на лакском языке, а несколько позднее — «Чанна цуку» («Утренняя звезда») тоже на лакском языке. Просветительно-агитационное бюро широко использовало также газету «Заман» на аварском языке и литературно-художественный журнал «Танг Чолпан» («Утренняя звезда») на кумыкском языке.

Хотя эти издания существовали недолго¹¹⁶ и значительно отличались друг от друга по своему идейному содержанию и направлению, они сыграли важную роль в пропаганде прогрессивных идей, разоблачении антинародной политики буржуазного Временного правительства, грабительского характера первой мировой войны. На страницах этих органов печати часто выступали видные революционные деятели Дагестана У. Буйнакский, С.-С. Казбеков, Г. Саидов, З. Батырмурзаев и др.

В противовес идеям панисламизма, пантюркизма и буржуазно-

¹¹⁴ Борьба за установление Советской власти в Дагестане. 1917—1921 гг.: Сборник документов и материалов. М., 1958. С. 27.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Всего вышло 9 номеров газеты «Илчи» и 15 книжек журнала «Танг Чолпан». Несколько продолжительнее существовали газеты «Чанна цуку» и «Заман» (1917—1918 гг.).

го национализма революционные деятели Дагестана пропагандировали идеи интернациональной дружбы и солидарности трудящихся всех национальностей, вселяли в трудовые дагестанские массы уверенность в конечную победу российского пролетариата и ликвидацию национального и социального гнета. «Солнце свободы взойдет с севера», — писала газета «Илчи» 4 июня 1917 г.

Защита интересов трудящихся, простота и доходчивость публикуемых материалов принесли демократической прессе Дагестана широкую популярность. Это прежде всего относится к газете «Илчи», которая наиболее полно и последовательно проводила революционные идеи. За революционную пропаганду против Временного правительства последний номер ее был конфискован, а газета закрыта¹¹⁷.

Возникновение и деятельность революционно-демократической печати в Дагестане в начале XX в. были подготовлены всем предшествующим опытом революционной борьбы горских трудящихся против самодержавия и местных угнетателей, явились следствием громадного революционизирующего влияния русского рабочего класса, шедшего в авангарде всех трудящихся, борющихся за освобождение от социального и национального гнета. Русские рабочие, социал-демократы, высланные царизмом в Дагестан за революционную деятельность, являлись первыми проводниками передовых революционных идей в гущу горских масс. Они вносили организованность и сознательность в революционную борьбу трудящихся Дагестана. Под руководством русских политических ссыльных в городах Порт-Петровске, Дербенте и Темир-Хан-Шуре еще в период первой российской революции 1905—1907 гг. возникли социал-демократические организации, в которые входили передовые рабочие-дагестанцы, представители революционной местной интеллигенции. С 1906 по 1911 г. Порт-Петровскую социал-демократическую организацию возглавлял известный революционер, деятель большевистской партии И. В. Малыгин.

Порт-Петровская социал-демократическая организация развернула широкую революционную деятельность среди рабочих промышленных предприятий, рабочих и служащих порта, железной дороги и почтово-телеграфной конторы. Порт-Петровская и Дербентская организации были связаны с Кавказским союзным и Бакинским комитетами РСДРП и работали под их руководством. В свою очередь социал-демократические организации Порт-Петровска и Дербента оказывали помощь социал-демократам Дешлагара, Хунзаха, Южного Дагестана.

Почти на всех предприятиях Дагестана существовали под-

¹¹⁷ Ахмедов Дж. Периодическая печать Дагестана (1900—1940). Махачкала, 1963. С. 63.

польные революционные кружки. В них изучалась политическая литература, разъяснялись большевистские идеи и лозунги. Уже в январе 1905 г. у рабочих-дагестанцев полиция обнаружила листовку Петербургского комитета РСДРП «Ко всем» о расстреле рабочих 9 января. В листовке содержался призыв к вооруженному восстанию¹¹⁸. При одной из облав на участников революционных кружков в Порт-Петровске в 1905 г. полицией было изъято около ста названий произведений политической литературы. Среди них была программа РСДРП, «Манифест Коммунистической партии», докладная записка издательства «Вперед», извещение о III съезде партии и другие¹¹⁹.

Особенно широкий размах пропаганда большевистских идей в Дагестане получила в годы нового революционного подъема. Уже в мае 1912 г. рабочие Порт-Петровска получали большевистскую газету «Правда».

Как вспоминает участник революционного движения этого периода рабочий-бондарь М. Косицын, порт-петровские бондари «привыкли к «Правде», полюбили ее и горевали, когда ее долго не бывало в результате конфискации царскими властями. Особенно возрос интерес к «Правде», когда в ней появилась заметка о положении петровских бондарей. Мы собрали и послали в фонд газеты около 15 рублей»¹²⁰.

Другой участник революционных событий тех лет, рабочий-текстильщик Я. Коробов пишет: «В 1912 г. к нам (т. е. в Порт-Петровск на фабрику «Каспийская мануфактура» — Г. К.) привезли из центра несколько номеров газет «Пролетарий» и «Звезда». Мы читали их коллективно, а затем... передавали на другие предприятия... Иногда нам удавалось достать «Правду»... «Правда» помогала ориентироваться в происходящих в стране событиях, усиливать агитационную работу в массах... Собравшись на конспиративной квартире, мы читали «Манифест Коммунистической партии», книги В. И. Ленина «Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад» и другие. Нам удалось наладить перевод прокламаций, газетных статей на дагестанские языки, снабжать нелегальной литературой активистов других промышленных предприятий»¹²¹.

«Правду» выписывали также рабочие Дербента, Темир-Хан-Шуры, Кизляра. Нередко социал-демократические кружки получали номера «Правды» и другую марксистскую литературу от Бакинского комитета РСДРП. Газеты «Правда», «Звезда» и другие

118 Революционное движение в Дагестане (1905—1907): Сборник документов и материалов. Махачкала, 1956. С. 25.

119 Каймаразов Г. Ш. Очерки... С. 152.

120 Очерки истории Дагестана. Ч. 1. Махачкала, 1950. С. 389.

121 Там же. С. 412—413.

издания большевистской партии распространялись и среди каспийских моряков¹²². Имеется множество свидетельств о проникновении большевистских изданий, в частности газеты «Правда», и в дагестанские села. Их распространяли местные социал-демократы, а также революционно настроенные отходники, возвращавшиеся в родные аулы из промышленных центров России. Отдельные экземпляры большевистских периодических изданий были обнаружены в обложках религиозных книг, где их прятали, по-видимому, в целях конспирации.

В годы первой мировой войны в Дагестане распространялись произведения В. И. Ленина, в которых разоблачался ее империалистический, захватнический характер, другие документы большевистской партии по вопросам войны и мира. В 1916 г. возвратившийся из Москвы студент Высшего технического училища А. Эрлих привез отпечатанные на папиросной бумаге «Манифест ЦК большевистской партии о войне», написанный В. И. Лениным, речи членов большевистской фракции в Государственной думе о войне и другие материалы. Все эти документы читались среди рабочей и учащейся молодежи г. Дербента¹²³.

По воспоминаниям одного из активных участников борьбы за Советскую власть в Дагестане Керима Мамедбекова¹²⁴, революционный молодежный кружок г. Дербента имел даже свою типографию, в которой печатались прокламации. Через железнодорожников они передавались в воинские эшелоны, следовавшие на турецкий фронт¹²⁵.

Благодаря деятельности революционных кружков, руководимых передовыми русскими рабочими, большевистски настроенными представителями студенчества и интеллигенции, распространению трудов Маркса, Энгельса, Ленина, а также большевистской прессы, в Дагестан проникали марксистско-ленинские идеи, а его трудящиеся массы активнее включались в борьбу за свои классовые интересы.

Распространение марксистско-ленинских идей, рост классового самосознания способствовали дальнейшему развертыванию революционной борьбы горских трудящихся за социальное и национальное освобождение. Эта борьба, ведущей силой которой был российский пролетариат, а организатором и руководителем — ленинская большевистская партия, привела к победе социалистической революции, к торжеству Советской власти в Дагестане.

122 Бутаев М. Зеркало времени. Махачкала, 1964. С. 35.

123 Гаджиев А. С. Молодежь Дагестана... С. 22.

124 После победы советской власти в Дагестане Керим Мамедбеков занимал ответственные должности в ВЧК—ГПУ, Совнарком республики. В 1931—1937 гг. был председателем Совета Народных Комиссаров ДАССР.

125 Гаджиев А. С. Молодежь Дагестана... С. 22.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы попытались воссоздать картину развития народного просвещения и школы в Дагестане в XIX — начале XX вв. — в период от присоединения его к России до Великой Октябрьской социалистической революции. Изучение процессов, происходивших в духовной жизни горского общества, в частности процессов развития народного просвещения после вхождения Дагестана в состав России, дает богатый материал для правильной оценки этого акта и его объективно-прогрессивных исторических последствий.

С присоединением Дагестана к России начинается новый период в истории просвещения местных горских народностей. Он характеризуется появлением светских учебных заведений, русских школ, типографий, заведений книжной торговли, первых публичных и специальных библиотек и других очагов просвещения. Эти учреждения, создававшиеся царизмом в порядке осуществления своей русификаторской политики и рассматривавшиеся им как средство духовного, идеологического «завоевания» края, объективно способствовали росту культуры горцев, расширению их общего кругозора. Светское образование, овладение русским языком и ознакомление с передовой литературой помогали горцам критически осмысливать современную действительность: поднимали уровень их самосознания, способствовали освобождению от обветшалых обычаев и традиций.

Передовые люди из горцев, получившие образование в русской школе, учились на произведениях Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Писарева и других борцов за раскрепощение народов России, под влиянием этих произведений формировалось их мировоззрение. Они явились первыми пропагандистами марксистско-ленинских идей, организаторами социал-демократических кружков и организаций, активными участниками революционного движения за социальное и национальное освобождение трудящихся. «Создание всероссийской партии рабочего класса, — говорил М. И. Калинин, — без которой неммыслимо было освобождение русского народа и угнетенных национальностей, неустанная проповедь ленинской национальной политики, борьба большевиков против всякого проявления великодержавного шовинизма и местного национализма — все это сближало угнетенные национальности с русским народом, заставляло наиболее сознательные их элементы знакомиться с русской литературой, искусством, наукой, с русскими революционными борцами и тем самым приобщало их к русской культуре, делало их сторонниками общей, слитной борьбы, т. е. людьми, мыслящими уже всероссийски»¹.

Таким образом, присоединение к России создавало объективные условия для проникновения в Дагестан, вопреки намерениям царизма, передовой русской культуры. Эта культура, характеризуемая именами Чернышевского, Плеханова и других передовых представителей великой русской нации, служила источником, из которого прогрессивные деятели национальных окраин, в том числе и Дагестана, черпали материал для своего духовного роста и труда, направленного на повышение культурного уровня народа. Передовые представители горского населения, понявшие значение овладения современными знаниями, призывали обучаться в светских школах и практически трудились в области просвещения своего народа.

Благотворно сказывалось на горцах общение с передовыми представителями русской интеллигенции: учителями, врачами, работавшими в школах, больницах и врачебных участках области. Оно способствовало ослаблению вызываемого национальной политикой царизма недоверия местного населения к русской школе, современной медицине, а также росту его общей культуры.

В конце XIX — начале XX вв. под влиянием развивающегося капитализма и давлением прогрессивных общественных сил, прежде всего революционной борьбы российского пролетариата, царизм вынужден был пойти на некоторое расширение школьной сети и на окраинах империи. В районах с мусульманским населением возникает движение за реформу религиозной школы, суть которой заключалась в том, чтобы, сохранив в основе религиозное содержание обучения, ввести в этих школах преподавание светских дисциплин.

Однако царское самодержавие, будучи верно своей антинародной политике, всячески препятствовало развитию культуры и просвещения в стране, особенно на ее национальных окраинах. Результатом такой политики была почти сплошная неграмотность во многих нерусских районах России.

Перед Великой Октябрьской социалистической революцией Дагестан представлял собой отсталую в экономическом и культурном отношении окраину царской России. Социальный и национальный гнет, экономическая отсталость, а также патриархально-родовые пережитки и влияние религии обусловили низкий общий уровень культурного развития дореволюционного Дагестана. По данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г., из 571154 жителей области грамотных было всего 52826 человек, или 9,2%. Грамотные на русском языке (13236 человек) составляли менее 2,5% населения². На 700 тыс. с лишним населения области в

¹ Калинин М. И. О коммунистическом воспитании. М., 1947. С. 83.

² Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Дагестанская область. Спб., 1905. С. 12—13; С. 200—201.

1915 г. имелось всего 93 светские школы с 7092 учащимися (около 5% детей школьного возраста). Столько же детей обучалось в примечетских религиозных школах и школах при синагогах, образовательное значение которых было ничтожно. Такое жалкое состояние народного образования являлось, разумеется, весьма слабой базой для формирования местной интеллигенции. Поэтому до революции она была очень малочисленной и состояла в основном из представителей имущих классов.

Великий Октябрь, Советская власть вывели народы Дагестана на широкую дорогу социалистических преобразований, прогресса культуры. В короткий срок была создана письменность на языках всех крупных народностей республики, а письменность народностей, которые имели ее до революции, была усовершенствована; созданы учебники и литература на родных языках. Страна гор покрылась густой сетью ликпунктов и общеобразовательных школ для детей и взрослых. В первые двадцать лет Советской власти в Дагестане были решены такие коренные задачи народного образования, как введение всеобщего обязательного начального обучения детей, ликвидация в основном неграмотности населения, создание новой советской интеллигенции. В предвоенные годы республика приступила к осуществлению всеобщего обязательного семилетнего обучения детей. И все это было осуществлено в крае, о котором всего тридцать с небольшим лет назад журнал «Вестник воспитания» писал, что всеобщее начальное обучение может быть введено не раньше, чем за... 430 лет³.

К 1940 г. более 80% населения республики ликвидировало свою неграмотность, 214 тыс. детей обучалось в общеобразовательных школах и 7,6 тыс. человек — в специальных высших и средних учебных заведениях. Дагестан, как и вся Советская страна, покрылся густой сетью культурно-просветительных учреждений, учреждений искусства. На 9 языках выходили 32 республиканские и районные газеты, большим тиражом издавалась общественно-политическая, учебная и художественная литература.

В процессе борьбы за социализм в психологии и быту горцев произошли коренные изменения. В своей массе они освободились от патриархально-феодалных пережитков, религиозных суеверий. Под влиянием коренных социальных и культурных преобразований, громадной воспитательной работы партии у трудящихся горцев выработалось социалистическое сознание, марксистско-ленинское мировоззрение стало господствующим. В корне изменились взаимоотношения народов Дагестана между собой и с другими народами СССР. Характерной чертой этих взаимоотношений являют-

ся подлинно братская дружба, равенство народов, единство целей, советский патриотизм и социалистический интернационализм.

Новых крупных побед в развитии социалистической культуры и просвещения народы Советского Дагестана добились в послевоенные годы. В короткий срок в республике, как и во всей стране, осуществлено всеобщее семилетнее, восьмилетнее и среднее образование, значительно расширилась сеть и возросли контингенты учащихся и студентов средних и высших специальных учебных заведений. Укрепились материальная и учебная база народного образования. Только в 1966—1980 гг. в республике построено 439 новых школ на 172,9 тыс. ученических мест. Введены в действие новые учебные и лабораторные корпуса, а также студенческие общежития всех пяти вузов: Дагестанского государственного университета им. В. И. Ленина, Дагестанского политехнического, педагогического, сельскохозяйственного и медицинского институтов.

На начало 1985/86 учебного года в республике функционировало 1516 общеобразовательных школ, в которых обучалось 396,9 тыс. учащихся. В 1985 г. средние общеобразовательные школы окончили 34,1 тыс. человек. Это в 4 раза больше общей численности учащихся во всех светских школах Дагестана в 1915 г. Кроме того, в республике работают десятки техникумов, педагогических, медицинских и других училищ, готовящих специалистов средней квалификации, а также профессионально-технических училищ, дающих, наряду с рабочей квалификацией, общее среднее образование.

В пяти высших учебных заведениях ДАССР в 1985/86 учебном году обучалось 24,8 тыс. студентов. В настоящее время число представителей местных народностей в вузах республики превышает 70%, а число девушек — 50%. Расширился профиль подготавливаемых в вузах специалистов. С открытием в 1972 г. в Махачкале политехнического института в республике созданы благоприятные возможности для подготовки высококвалифицированных кадров по ряду технических специальностей. Это способствовало притоку в вузы Дагестана молодежи из других республик, краев и областей страны. Сегодня республика не только направляет сотни представителей горской молодежи в вузы и средние специальные учебные заведения центральных городов, союзных и автономных республик, многих краев и областей страны, но и принимает в свои высшие и средние специальные учебные заведения юношей и девушек с Украины и из Казахстана, Грузии и Азербайджана, Средней Азии, из автономных республик и областей Северного Кавказа, Поволжья и других районов СССР, а также социалистических и развивающихся стран. Тысячи выпускников дагестанских вузов трудятся в различных районах нашей великой Родины.

Выпуск специалистов вузами и средними специальными учеб-

³ Вестник воспитания. № 1. М., 1906. С. 47.

ными заведениями республики составляет ныне более 10 тыс. человек, а за годы девятой—одиннадцатой пятилеток (1971—1985 гг.) эти учебные заведения подготовили более 150 тыс. специалистов. Уже в 1985 г. в народном хозяйстве Дагестанской АССР было занято 153,9 тыс. специалистов с высшим и средним специальным образованием, из них 66,8 тыс., или около 44%, женщин⁴. В 1979 г. число лиц с высшим, незаконченным высшим и средним образованием увеличилось по сравнению с 1970 г. на 80,5%.

В Дагестане создан большой отряд научной интеллигенции, насчитывающий более трех тысяч научных и научно-педагогических работников. Около половины из них имеют ученые степени кандидата и доктора наук.

Весомый вклад в развитие советской художественной культуры вносят писатели, композиторы, художники и другие деятели искусства Дагестана. В 60—80-х гг. писатели республики создали ряд удачных повестей, романов, драматургических произведений на современные темы. Развивая традиции своих выдающихся предшественников Омарла Батырая, Махмуда из Кохаб-росо, Сулеймана Стальского, Гамзата Цадасы, Абдуллы Магомедова, Абу-талиба Гафурова, новых высот достигли поэты — представители самого зрелого и богатого традициями жанра дагестанской литературы. Произведения Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственных премии, народного поэта Дагестана Расула Гамзатова изданы на языках народов десятков стран мира, на многие языки переведены повести, очерки, стихи Эфенди Капиева, Ахмедхана Абу-Бакара, Фазу Алиевой и других писателей республики.

Широко известны в Дагестане и за его пределами музыкальные произведения Готфрида Гасанова, Сергея Агабабова, Мурада Кажлаева, Ширвани Чалаева, художественные полотна М. Джемала, Д. Беспалова, скульптурные произведения А. Сарыджа, Г. Гейбатова и, конечно, изумительные произведения всемирно известных кубачинских золотушников, работы унцукульских мастеров по художественной обработке дерева, балхарских гончаров, южнодагестанских ковровщиц.

В настоящее время в республике работают семь профессиональных театров, два государственных ансамбля, филармония, специальные учебные заведения, готовящие музыкальных работников. Из 1193 клубных учреждений и 1217 киноустановок, функционировавших в ДАССР на начало 1985 г., соответственно 1115 и 1044 приходилось на сельскую местность. Ныне число посещений киносеансов за год по республике достигает почти 24 млн,

⁴ Народное хозяйство Дагестанской АССР в одиннадцатой пятилетке: Статистический сборник. Махачкала, 1987. С. 168.

из них половина приходится на село. Численность массовых библиотек составила на 1 января 1986 г. 999 единиц, а их книжный фонд около 9,2 млн экземпляров. Уже в 1979 г. библиотеки республики произвели около 27 млн книговыдач. Иначе говоря, на каждого жителя Дагестана старше 8 лет приходилось в среднем 20 книговыдач. В повседневный быт трудящихся вошли электричество, радио, телевидение.

Показателем возросшей активности масс в области образования, духовного совершенствования являются разветвленная сеть народных университетов, музеев, библиотек, театров, деятельность общественных распространителей книг. Советская действительность на деле подтвердила ленинское положение о том, что нигде народные массы не заинтересованы так в настоящей культуре, как в нашей стране.

Советский социалистический строй впервые в истории на деле раскрепостил женщину, приобщил ее к активному участию в хозяйственном и культурном строительстве, в управлении государством. Эта сложная задача, связанная с длительной борьбой, требовавшая, как указывал В. И. Ленин, «коренной переделки и общественной техники и нравов»⁵, успешно решена в нашей стране под руководством Коммунистической партии.

В настоящее время в промышленности и сельском хозяйстве республики женщины составляют около половины всех работников, а в учреждениях культуры, народного образования и здравоохранения их значительное большинство. По данным на ноябрь 1970 г., из общего количества лиц с высшим, незаконченным высшим и средним специальным образованием в Дагестане женщины составили 46%. В 1971—1979 гг. в народное хозяйство республики влилось 21,2 тыс. женщин — специалистов с высшим и средним специальным образованием.

Таким образом, в решении женского вопроса республика добилась поистине замечательных успехов. На фоне этих успехов особенно нетерпимы встречающиеся нередко факты, когда женщина-горянка фактически оказывается в неравноправном с мужчиной положении. В республике еще полностью не изжиты факты отрыва девушек от учебы, выдачи замуж несовершеннолетних, получения калыма. Под влиянием религиозных предрассудков некоторая часть родителей заключает шариятские браки, препятствует детям, особенно девушкам, учиться.

Наша партия постоянно заботится о воспитании у широчайших масс трудящихся коммунистического мировоззрения, о преодолении всех преград, мешающих советским людям жить полноценной созидательной жизнью.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 193.

В новой редакции Программы КПСС, принятой на XXVII съезде партии, говорится, что «главным в идеологической работе КПСС считает воспитание трудящихся в духе высокой идейности и преданности коммунизму, советского патриотизма и пролетарского, социалистического интернационализма, сознательного отношения к труду и общественному достоянию, все более полное приобщение масс к сокровищам духовной культуры, искоренение нравов, противоречащих социалистическому образу жизни»⁶.

Съезд партии выработал научно обоснованную программу, определил важнейшие направления работы в области культурного строительства в современных условиях. В политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии М. С. Горбачев подчеркнул: «Главную задачу своей культурной политики партия видит в том, чтобы открыть самый широкий простор для выявления способностей людей, сделать их жизнь духовно богатой, многогранной»⁷.

Осуществлению этой задачи призвана способствовать проводимая в стране перестройка общеобразовательной, профессионально-технической школы, системы высшего и среднего специального образования. Проведение в жизнь мер, намеченных XXVII съездом партии, XIX Всесоюзной партийной конференцией, февральским (1988 г.) Пленумом ЦК КПСС, еще выше поднимет авторитет советской общеобразовательной, профессионально-технической и специальной школы, увеличит ее вклад в приумножение экономического и духовного потенциала социалистического общества.

Сегодняшний Дагестан — республика сплошной грамотности, высокого образования и культуры. Сейчас каждый третий житель республики учится, почти каждый выписывает газету или журнал. Десятки тысяч дагестанцев имеют личные библиотеки.

Немногим более семидесяти лет отделяют нас от того дня, когда в нашей стране началась работа по социалистическому культурному строительству, созданию социалистической системы народного просвещения. За это время Дагестан, который еще в XIX веке, по определению В. И. Ленина, стоял в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, совершил скачок из царства тьмы и вековой отсталости к высотам экономического и духовного прогресса. Навсегда ушли в прошлое характерные для дореволюционного Дагестана политическое бесправие, культурная отсталость и невежество трудящихся горцев. На основе

⁶ Программа Коммунистической партии Советского Союза: Новая редакция. (Принята XXVII съездом КПСС.) М.: Политиздат, 1986. С. 51.

⁷ Горбачев М. С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1986. С. 114.

коренных социальных преобразований, происшедших за годы Советской власти, в Дагестане, как и во всей стране, осуществлена подлинная культурная революция.

Расцвет социалистической культуры народов Советского Дагестана — яркое воплощение торжества мудрой ленинской национальной политики Коммунистической партии. Трудящиеся многонационального Дагестана гордятся тем, что за сравнительно короткий исторический срок они достигли выдающихся успехов в развитии экономики, культуры и народного образования. Эти успехи стали возможными только в условиях социалистического строя, в братской семье народов СССР.

Уверенной поступью, в ногу со всеми нациями и народностями нашей великой Родины идут народы Дагестана по пути перестройки, революционного обновления всех сторон жизни советского общества, самоотверженным творческим трудом стремятся внести достойный вклад в выполнение исторических решений XXVII съезда Ленинской Коммунистической партии, XIX Всесоюзной Конференции КПСС, в ускорение социально-экономического и духовного развития страны.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

1. АКАК — Акты Кавказской археографической комиссии
2. ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
3. СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
4. ССКГ — Сборник сведений о кавказских горцах
5. ЦГА ДАССР — Центральный государственный архив Дагестанской АССР
6. ЦГВИА СССР — Центральный государственный военно-исторический архив СССР

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
ГЛАВА I. О ПРОСВЕЩЕНИИ В ДАГЕСТАНЕ ДО ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ	13
ГЛАВА II. ПРОСВЕЩЕНИЕ В ДАГЕСТАНЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.	33
§ 1. Присоединение Дагестана к России и его прогрессивное значение	33
§ 2. Просвещение и школа в Дагестане в период антиколониального движения горцев	39
ГЛАВА III. ШКОЛА И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В ДАГЕСТАНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.	51
§ 1. Создание государственной системы школьного образования	51
§ 2. Школы при воинских частях и поселках. Вневедомственные и частные школы	74
§ 3. Обучение горцев в учебных заведениях России	80
§ 4. Конфессиональные школы	86
§ 5. Влияние русской культуры на просвещение и развитие педагогической мысли в Дагестане	93
ГЛАВА IV. ШКОЛА И ПРОСВЕЩЕНИЕ В ДАГЕСТАНЕ В НАЧАЛЕ XX в.	108
§ 1. Общеобразовательная школа	108
§ 2. Профессиональное образование	126
§ 3. Религиозная школа	135
§ 4. Библиотечное дело. Культурно-просветительные учреждения. Печать.	138
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	150

Гани Шихвалиевич Каймаразов

ПРОСВЕЩЕНИЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ ДАГЕСТАНЕ

Редактор *И. М. Магомедова*
Художник *Ю. М. Магомедов*
Художественный редактор *Я. Д. Марковский*
Технический редактор *М. С. Гасанова*
Корректор *П. С. Рабаданова*

ИБ 2233

Сдано в набор 5.09.88. Подписано в печать 27.01.89.
С0 0701. Формат 60×84¹/₁₆. Бум. типогр. № 2.
Литературная гарнитура. Печать высокая. Усл. п. л.
Уч.-изд. л. 10,79. Тираж 3000. Зак. № 2289. Це-
на 85 к.

Дагестанское учебно-педагогическое издательство Госкомиздата
ДАССР, 367025, г. Махачкала, ул. Пушкина, 6.

Типография им. С. М. Кирова Госкомиздата ДАССР, 367025,
г. Махачкала, ул. Маркова, 51.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

85 B.